

Тромова
Ульяна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адвокат
МОЕЙ ЛЮБВИ

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Ульяна Громова
Адвокат моей любви, или
Высокое напряжение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67290870

SelfPub; 2023

Аннотация

Если судьба раз за разом заводит в тупиковую ситуацию или к развилинам – она чему-то хочет научить. Если уроки не усваиваются самостоятельно – жизнь отправит учителя. Но чему может научить владелец сети секс-шопов, когда на кону стоят личное счастье и женская дружба? Как отпустить прошлое, если настоящее не фонтанирует радостью, а пророчество гадалки потрясло точностью? Как выбрать между до боли понятным и внезапно завладевшим сердцем непредсказуемым? И при чём тут дотошный мелкий негодяй? Хэппи энд. Первая книга серии "Гениальные профайлеры". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. То, что доктор прописал	11
Глава 2. В чём твоя история?	25
Глава 3. Развилки Судьбы	40
Глава 4. С места – в карьеру	59
Глава 5. Высокое напряжение	75
Глава 6. Неспроста	91
Глава 7. Разреши себе себя	111
Глава 9. Кто старое помянет...	143
Глава 10. Дотошный мелкий негодяй	159
Глава 11. Власть переменилась	179
Глава 12. Точка джи	196
Эпилог	215

Ульяна Громова

Адвокат моей любви, или Высокое напряжение

Пролог

Я ж сама дверь закрыла.

Я собою довольна.

Отчего же так плохо?

Отчего же так больно?¹

– Здравствуйте. Вы – Оксана и Марат?

– Да. Здравствуйте.

– Проходите, пожалуйста, по одному.

– Но мы муж и жена. Хотели вместе...

– Нонна не принимает парами. Предсказание – вещь тонкая. Кто первый пойдёт? Кто смелее?

Мы с мужем переглянулись. Он пожал плечами и сел на стул в прихожей.

Нонна – родственница соседки по лестничной клетке. Мы давно знаем о ней, но пришли впервые. Соседка из квартиры напротив, преподававшая в физкультурном техникуме пен-

¹ Виктор Дробыш и Слава.

сионерка, однажды обмолвилась о прорицательнице, рассказывая приключившийся с ними забавный житейский случай. Я заинтересовалась предсказательными способностями Нонны и однажды отвела к ней загадочную подругу. У Ленки сильно болела мама, и казалось, слабеющая женщина уже не оклемается. Гадалка успокоила, что о матери волноваться не следует, а вот отец смертельно болен. Но ничего из сказанного на тот момент не совпало, и мы забыли о Нонне и неудачном пророчестве. Спустя несколько месяцев мать подруги действительно поправилась, а отец... умер от запущенного рака поджелудочной железы. С той поры минуло несколько лет, и я вернулась к провидице, буквально притащив за собой супруга. Полгода назад в наших с Маратом отношениях пролегла глубокая трещина – он завёл любовницу. Я не подозревала об этом, пока Марат не потерял мобильник. Купив новый, а заодно и сим-карту, стала получать оповещения оператора связи о подозрительно быстро опустошавшемся балансе мужа. Куда стремительно пропадают деньги с его номера, узнала, посмотрев детализацию звонков. Это был шок.

Марат закрутил роман с соседкой из последнего подъезда, жившей через стенку. Мы общались, а наши дети дружили. Любовники не встречались дома – мой драгоценный супруг ездил к Лариске на свидания в круглосуточный ларёк, где она трудилась продавщицей.

Квартира досталась мужу в наследство от родителей пополам с братом, поэтому я собрала вещи, не собираясь прощать

измену. Но мысль о том, что Лариска именно этого и ждёт, остановила меня. Тогда я собрала чемодан супругу. Но и это не показалось хорошей идеей – что ему стоило переехать за стенку? Вернув рубашки и брюки в шкаф, я дождалась Марата с работы и вместо котлет положила перед ним распечатанную детализацию его звонков. Настроение было настолько отвратительным, а боль в груди такой давящей, что выяснять отношения сил не было. Да и желания тоже. Я стояла, прислонившись к косяку, с трудом сдерживая слёзы, и молчала.

Марат, едва бросив взгляд на распечатку, уронил голову. Вытерев рукой рот, будто снимая с губ печать молчания, он облегчённо выдохнул и с твёрдой решимостью и отчаянно-грустным признанием вины в глазах объяснился:

– Это была ошибка. Она уже давно подкатывала, ты внимания не обращала... святая душа. Я однажды подвёз её на работу по пути... Потом второй. Я уже потом понял, что она караулила специально, на глаза лезла. Однажды в машине... не буду рассказывать... В-общем, так случилось первый раз. Потом второй... Я очень виноват перед тобой, Оксан. Мне Лариска не нужна была совершенно, но когда сказал, что всё, хватит... она пригрозила рассказать о нас Яне с Иррой... Даже не тебе... дочкам. Представляешь, каково мне было?

– А мне рассказать ты не мог?

– Ну, вот ты узнала. Тебе легко?.. Вот то-то.

Не дождавшись от меня больше ни слова, Марат побросал

в небольшую сумку сменные вещи и, позвонив брату, выложил на стол деньги, оставил свой айфон и, выходя из квартиры, остановился на пороге:

– Прости. Хотя о чём я?.. Люблю тебя... Прости. Я у Валерки. Если что... Прости.

Две недели Лариска обрывала телефон Марата, я не отвечала, но бесчисленные сообщения читала. Из них с огромным облегчением поняла, что супруг с ней связь не поддерживает. Это грело ревнивую душу. И однажды я ответила на её звонок. Лариска сначала удивилась, потом обрадовалась. Потом разозлилась, что Марат ушёл от меня, но не пришёл к ней. И домогаться Марата вроде бы прекратила, так и не воплотив в жизнь свои угрозы. Я, проплакав ещё неделю в подушку, выпив бутылку водки с Ленкой и радуясь, что муж не такой уж и плохой, позвала его домой.

Вот тогда истинная натура соседки проявилась во всей красе! Узнав о возвращении Марата в семью, она сумела превратить нашу жизнь в сущий ад: подкарауливала мужа в подъезде, а когда он не первый раз её оттолкнул, стала поджидать меня. Гадости, которые она бросала в лицо, вызывали желание умыться. Залитая монтажной пеной дверь и залитый суперклеем замок, вываленная на наш балкон использованная туалетная бумага – всё выдало проблемы с психикой отвергнутой женщины. Апогеем стала попытка всё-таки привести в исполнение угрозу – Лариска караулила у школы двенадцатилетнюю Яну, но и без того уже напуганная вы-

ходками обезумевшей соседки девочка убежала и пряталась от неё. Это стало последней каплей нашего терпения, и мы обратились к участковому.

Откровенное вредительство прекратилось, но мелкие пакости продолжали вносить раздрай в наши с мужем отношения – ссоры и напоминание о его грехах стали обыденным явлением, мы неуклонно катились к разводу. Марат, хватаясь за голову и кляня себя за кобелиную слабость, вдруг попросил родить сына. Он и раньше просил, но после рождения дочерей не говорил об этом, зная, что конфликт режус-факторов убил не одну попытку родить мальчика, а после злополучного романа с Лариской его желание прозвучало, как гром среди ясного неба. Я замкнулась в себе, притихла и всё время со страхом ждала, что Марат повторит свою просьбу. Идеальный, как мне казалось, брак рассыпался, как картонный домик, погружая меня в чувство вины за своё несовершенство и тревогу за будущее. Казалось, мир пошатнулся.

И вот в один прекрасный летний день я заставила супруга пойти к известной провидице. Так и вышло, что мы пришли к Нонне каждый со своими мыслями.

Я прошла в комнату и поздоровалась с полной женщиной лет сорока пяти. Прорицательница пригласила сесть за круглый стол, а её помощница принесла кофейную пару и турку со свежесваренным напитком.

– Пей и думай, о чём хочешь узнать.

Я наслаждалась ароматным кофе и думала об интрижке мужа, о проделках его бывшей любовницы, о дочерях и дальнейшей жизни с Маратом. Нонна задумчиво кивала, будто слышала каждую мою мысль. Забрав опустевшую чашку, она перевернула её на блюдце.

– Родители живы, болезни соответствуют возрасту, ничего серьёзного. Две дочери. Старшая со сложным характером, родит двух сыновей, дважды выйдет замуж. Заставит тебя поволноваться, но ты справишься с ней. О младшей никогда не беспокойся, её ангел носит на крыльях. Эта девочка сама может за себя постоять и всё у неё будет лучше, чем у всех вас вместе взятых. Муж у тебя единственный. Мужчин вокруг вижу несколько, но муж один.

– Мы с мужем всю жизнь вместе проживём?

– Нет. Разведётесь. Не очень скоро, но ты сама так решишь. Всё. Больше ничего не скажу.

– Почему?

– Я не говорю то, что может повлиять на судьбу. Не всё людям надо знать. Иди. Зови супруга.

Я вышла из комнаты, Марат занял моё место. Я забыла спросить про соседку, но поезд ушёл. Выйдя во двор, села на скамейку у подъезда и задумалась о пророчестве. В целом не узнала ничего интересного, но что Марат – единственный мой муж, запомнила. Раз и навсегда. Эта новость вгрызлась в мозг и прочно обосновалась фоновой мыслью.

Супруг вышел довольно быстро. Подойдя к лавке, он

смотрел на меня как-то странно.

– Что хорошего напророчила Нонна?

Марат немного помедлил с ответом и сообщил:

– У меня будет сын! Не очень скоро. Но будет!

Непросто обламывать крылья любимым, но его радость больно кольнула под сердцем.

– Рада за тебя... Но это будет не мой сын.

Брови Марата поднялись в немом недоумении. Тень предчувствия грядущих неприятностей мелькнула в глазах и отразилась в его предательски сорвавшемся голосе:

– То есть... Как это?

– Мы с тобой разведёмся. Не очень скоро. Но так я решу.

Наверное... потому что у тебя будет сын.

Точное попадание с предсказанием подруге наложило отпечаток на этот день. На всю жизнь. Я понимала, что не могу родить ему сына. Значит, снова будет измена. Значит, Марат решит оставить меня. Значит, я сама должна уйти от него. Чтобы снова не было так больно.

Глава 1. То, что доктор прописал

– Оксана, ну а что ты теряешь в конечном итоге? Ты же сама сказала, что нужно для начала перевести рубильник из нейтрального положения в положение «ВКЛ». Вот тебе и карты в руки!

Всего месяц как я приехала из столицы в родной город на величественном Енисее, чтобы в сорок четыре года начать жизнь сначала. Десять лет назад я ушла от мужа и уехала из Красноярска. Развод дался тяжело, хотя инициатором была я.

– Я боюсь.

– Чего?

– Лен, не задавай глупых вопросов. Будто мне Славки мало было.

– Со Славкой ничего и не могло хорошего получиться. Ты прекрасно это понимала с самого начала. А своего бывшего пора отпустить. Так что я звоню Егору.

– Нет! Не сегодня!

– Ладно. Когда нагрнешь в следующий раз?

– Не знаю. Продажи застыли, а писать не могу уже две недели. Нет проды – нет денег. Нет денег – нет денег.

– Вот! Ещё одна причина познакомиться с Егором! Тебе нужны любовные приключения.

– Угу. Я, может, ему не понравлюсь.

– Да прям!

– Ох, Ленка... Я уже забывать стала, о чём с мужиками разговаривать.

– Будь собой и не придумывай проблем на ровном месте. Ты умная, интересная. Только интеллектом не задави. С тебя станется.

– Вот и дочери то же самое говорят: «будь проще и...»

– Вот и не умничай. Больше молчи и слушай. Они это любят. Мужики, я имею в виду.

Ленка, школьная подруга, разлила по чайным чашкам остатки красного полусладкого вина. Дешёвая бормотуха, но на что-то более презентабельное ни у меня, ни у Ленки денег не было.

Переезд из Москвы в Красноярск оказался разорительным: заказать контейнер мне было не по карману, да и Ольга – младшая сестра, к которой я уезжала на постоянное жительство – не представляла, где у неё хранить нажитое моим непосильным трудом. По её совету я решила распродать всё, что накопила за десять лет столичной жизни.

Но... но... но...

Первое «но» появилось, когда старшая дочь, приехав погостить на выходные с детьми, а заодно помочь упаковать вещи, попросила мою довольно большую коллекцию винтажных вазочек. Потом мы выбрали книги, которые ей понравились, потом я отдала ей стопку тканей, так и не превр

тившихся в стильную одежду, и новый уют. Когда за Ириной и внуками приехал зять, я заставила его снять хрустальную люстру и забрать коробку с посудой. Распрощавшись с Иринкой, позвонила Яне, предложив и ей выбрать что-то себе. Продать – дело, конечно, приятное и выгодное, но лишать детей возможности взять себе, что им нужно, я не могла.

Младшую долго ждать не пришлось. Она забрала почти все книги, оставшиеся статуэтки и попросила разрешения демонтировать кондиционер – их съёмная квартира находилась на солнечной стороне и половину года молодая семья изнывала от жары и духоты. Конечно же, я разрешила. Компьютерный стол и плазменный телевизор забрала тоже Яна.

Отправив младшую на гружёной под завязку «КИА Соренто», я собрала остатки былой роскоши в кучу и, сделав коктейль из виски с пепси, села на пол разглядывать, что из оставшегося можно продать. Но того, за что можно выручить неплохие деньги, уже не осталось: оставшаяся мебель мне не принадлежала, а всё лучшее уже увезли дочери.

Второе «но» появилось, когда я всё-таки сделала фото оставшегося хлама и выставила на разные сайты по, как мне казалось, справедливой цене. Но потенциальные покупатели так не думали, и я только и делала, что снижала цену, роняя свой авторитет продавца в глазах пользователей сайтов распродаж. В итоге оставшиеся книги, за исключением десятка любимых, отправились в ближайшую библиотеку, комнатные цветы – в подъезд, а остальное мало-мальски имеющее

шанс пригодиться в следующей жизни уехало в загородный дом старшего зятя.

Третье «но» образовалось из-за резко упавших продаж книг. Весной мои короткометражные эротические романы разбирались на «ура», и доход лился нескончаемым денежным потоком, который я ошибочно приняла за постоянную реку изобилия. Но, судя по всему, читатели запаслись достаточным количеством электронной макулатуры на весь период отпусков, и поток резко истончился, а те деньги, что успела получить, ушли на подарки внукам, покупку билета на самолёт и кое-какие новые вещи, но не отложились про запас даже в незначительном количестве.

В Красноярск я уезжала практически пустая. Благо родная сестра, живущая в пригороде любимого города, ждала с нетерпением и однозначными планами на мои руки и время.

Так что денег на приличное вино у меня не было. Как не могло их быть и у Ленки, мамы-одиночки, родившей сына в сорок лет себе на радость.

– Ты давно Марата видела?

– Я не буду отвечать на этот вопрос! Оксана! Поставь на нём крест! У него новая жена, он сына родил и счастлив! Вычеркни! Забудь! Забей! Ясно?!

– Чего уж не ясно? Ясно. Щас только двадцать шесть лет из памяти нафиг выну и забуду. Чего уж проще?

– Ну вот! Обиделась!

Ленка всплеснула руками с досадой на лице и горечью во взгляде. Меня сильно задел её «дельный совет». «Забудь!» Ага. Если бы могла, уже бы давно забила и забыла. Ну не могу, что непонятного?!

– Да пошла ты...

Я встала из-за стола, сунула ноги в босоножки и громко хлопнула входной дверью. Как меня бесит это «Забудь!», будто я сто рублей потеряла, а не своего мужа, полжизни счастья и единственную любовь. «Забудь!» Умница... твою мать!

Я выскочила из подъезда, как ошпаренная. Не разбирая дороги и не глядя под ноги, неслась, куда глаза смотрели... на ближайший к дому ларёк. Время – час ночи. Я дёрнулась и убежала из единственного места, где могла переночевать, а до посёлка, где живёт сестра, двенадцать километров. Но тёплая июльская ночь и распитые с одноклассницей две бутылки дешёвого порошкового пойла нашёптывали – ничего особо страшного не произошло. Ну и подумаешь, не зима. Не замёрзну. А двенадцать километров для бешеной Оксанки – не расстояние.

– Красное сухое. Подешевле, пожалуйста!

Мой тон не был вежливым. Он был расстроено-злым... несчастно-наплевательским. Да пошли вы все!

– Девушка, эта бутылка явно будет лишней. Я бы не советовал так злоупотреблять.

Я повернулась на звук мужского голоса. Его обладатель

отличался высоким ростом, развитой мускулатурой, карими глазами и мощной уверенностью в себе. Прямо гранитная глыба в человеческом обличье.

– А вашего совета никто не спрашивал. К тому же вы сами злоупотребляете.

Я кивнула на бутылку пива в руке случайного собеседника. Он стоял у окна за холодильником с напитками, и я не увидела его, войдя в полумрак павильона. Вцепившись крепкими зубами в сушёную соломку кижуча, он смотрел на меня с нескрываемым интересом.

– Я контролирую количество выпитого, в отличие от тебя, королева ночей.

– Ой! Ой! Ой! Я с тобой нагишом в одной канаве не валялась, так что давай на «вы», понял?

– «Давай на «вы»»? Конечно, понял!

– Вот и сиди молча... Я вино долго буду ждать?

Адресованный продавцу вопрос повис в пустоте – торговца я не обнаружила. Перегнувшись через прилавок, попыталась заглянуть в подсобное помещение в надежде обнаружить ушельца. Но попытка успехом не увенчалась. А рыбоед снова подал голос:

– Эротично, однако. Грациозно. Можно повторить на бис?

– Да пошёл ты... Козёл.

– На неприятности нарываешься, обидеть норовишь. Пора браться за тебя.

Вынув носовой платок из заднего кармана джинсов, муж-

чина вытер руки и подошёл ко мне. То ли я потеряла страх, то ли страх потерял меня, но я не чувствовала угрозы от незнакомца. Его взгляд был лукав и ироничен, и в нём угадывались проблески отеческой озабоченности.

– Ты где живёшь, скиталица?

– Далеко. Отсюда не видать. Отвали.

– Зубастая, но глупая.

Не сводя с меня глаз, незнакомец крикнул в сторону служебного помещения:

– Миш, я забираю королеву с собой... Пока она крушить тут всё не принялась.

– До встречи, Андрей Виталич!

Крепко взяв под локоть, нахал вывел меня из павильона, как какую-то преступницу. Моему возмущению не было предела. Я дар речи потеряла от неслыханной наглости, а когда он вернулся – всё равно что-то заставляло молчать. Неожиданно осенило предчувствие, что ночной незнакомец имеет отношение к правоохранительным органам, а попасть в каталажку за оскорбление и распитие не хотелось.

Вынув из нагрудного кармана футболки-поло сотовый, Андрей Витальевич с досадой сунул его назад:

– Разрядился... Дай телефон, такси вызову.

Обрадовавшись, что вот-вот меня оставят в покое, я поспешно полезла в сумочку за сотовым. За его полной зарядкой я педантично следила, и даже имела второй аккумулятор, готовый принять эстафету угасшего от нескончаемой

болтовни с дочерьми и внуками собрата.

– Да пожалуйста.

Не отпуская локтя, брутальный мужчина чьей-то мечты вызвал машину и, назвав адрес, сунул мой телефон в карман джинсов.

– Телефон отдай! Совсем обнаглел?!

– Отдам, не переживай. Таксист отзвонится, и получишь свой калькулятор обратно.

– Сам ты калькулятор.

– А ты дура, каких свет не видел.

– А ты хам!

– А я адвокат по уголовным делам. И чтобы ты не вляпалась со своим скверным характером в гнусную историю, отвезу тебя домой и забью дверь твоей квартиры досками. Тебя в люди с намордником выпускать нельзя! А пить вообще категорически противопоказано. Поэтому стой смирно. Я скандальных женщин не терплю и церемониться с тобой не стану. Я понятно объясняю?

– А чего это ты раскомандовался?!

Я попыталась извернуться и выдернуть руку из стальной хватки адвоката. Но не тут-то было.

– Ха! Я, если что, за городом живу! У сестры! Хотела бы я посмотреть, как ты дверь её дома забьёшь, и что на это скажет Пират.

– Пират? Это кто?

– Это кобель.

– Кобели не говорят, а твякают. А за городом – это где?

– В Брусникино! Туда меня повезёшь, Андрей Витальевич?

На секунду задумавшись, мужчина удивил:

– Я привык доводить дела до логического завершения.

Поэтому да, повезу в Брусникино. А манер ты у Пирата набралась? И как зовут тебя, ночная прелесть?

– Оксана. И у меня хорошие манеры. Обычно.

– Да?.. А что необычного случилось сегодня?

– Тебя это не касается.

То ли начала трезветь, то ли дал о себе знать избыток принятого на грешную душу алкоголя, то ли адвокат нечаянно задел какую-то скрытую струнку моих натянутых, как тетива арбалета, нервов, но я вдруг задрожала и заплакала. Андрей, судя по всему, явно не ожидал такой реакции. Ослабив немного хватку, он увлёк меня на лавку под козырьком автобусной остановки. Если он и собирался проявить участие, то не успел. Снова подхватив под локоть, но уже не раздражённо и не нетерпеливо, как ещё несколько минут назад, он подвёл меня к подъехавшему такси и устроился рядом на заднем сиденье.

– Оксана, адрес свой скажи.

– Станция Брусникино, улица Кедровая, дом семь.

Таксист ввёл адрес в навигатор и плавно тронул машину с места. В салоне сильно пахло кокосовым ароматизатором. Я прижала ладошки ко рту, сдерживая подкатившие рвотные

позывы. Адвокат не мог не заметить мои мучения.

– Любезный, впереди павильон будет, притормози, – и, обратившись ко мне, добавил: – Терпи пару минут.

Я промычала в ответ нечто нечленораздельное, второй раз проглатывая закуску. Давно я так не увлекалась алкоголем. Вернее, никогда не увлекалась. И нечего было начинать. Но, с другой стороны, я ведь и посреди ночи никуда бежать не собиралась. И ведь Ленка не звонит! Она точно уверена, что я продышусь и вернусь. А куда мне ещё податься? А тут вон как всё повернулось.

Наконец, таксист остановился у крошечного ларька, одиноко приютившегося на выезде из города. Андрей быстро вышел и подал руку. Я едва успела выскочить из машины и добежать до темнеющих у обочины кустов, как меня вывернуло. Адвокат что-то купил и подошёл ко мне.

– Пей. Сколько сможешь.

В моих руках оказалась бутылка неожиданно холодной минералки «Боржоми». Послушно выпив половину, снова почувствовала, что меня мутит.

– Чёртова вонючка.

– Что?.. Какая вонючка?

– Автомобильная. Какая ещё. Не выношу кокос, а ещё в духоте...

– А, вон ты о чём... Пей ещё. Не жалей. Я четыре бутылки взял. Давай два пальца в рот. А то не доедешь.

– У меня выбор есть? По-моему, ты говорил, что если

взялся за дело, то доведёшь даже трупом.

– Труп мне как раз не нужен. Это повредит моей карьере адвоката.

Андрей впервые улыбнулся. Я не могла поверить своим глазам – у brutального мужчины величиной с небольшой шкаф оказалась мальчишеская улыбка с ямочками на щеках!

– Угу.

Я умылась остатками минералки и взяла вторую бутылку. Прополоскав рот и напившись, постояла ещё пару минут и, уверившись, что тошнота отпустила, направилась к машине. Андрей открыл переднюю дверцу и без лишних слов сорвал с зеркала заднего вида злополучный ароматизатор. Таксист не успел даже возмутиться – адвокат предвосхитил его претензии коротким:

– Заплачу. И окна открой.

Я залезла на заднее сиденье и откинулась на спинку, закрыв глаза. Снова устроившись рядом, Андрей приобнял меня за плечи и встряхнул:

– Не закрывай глаза. Опять будет мутить. Терпи, горе луковое.

– Угу. Я буду очень стараться.

– Вот и умница.

Я подняла на мужчину глаза. Наши взгляды встретились. Он был спокоен, собран и знал, что делает. Я откуда-то знала, что ничего плохого со мной не случится, пока рядом этот гигант. Может быть, всему виной было доверие к его про-

фессии.

– То дура, то умница. Определись уже.

– Извини за грубость. Как ты?

– Лучше. Спасибо за воду. Только у меня нет денег за такси платить.

– Должна будешь.

– Угу. Не было печали...

Я снова откинулась на спинку, чувствуя на плече сильную мужскую руку. Отвернувшись к открытому окну, глубокими вдохами ловила прохладный ночной воздух. Закрыв глаза, я прислушивалась к завязавшемуся между адвокатом и водителем разговору о разбитых дорогах. Тема была более чем актуальная – таксист объезжал бесконечные ямы, тормозил, вилял по дороге, как собачий хвост. Андрей, заметив, что, пригревшись, клюю носом, затормозил меня:

– Да, Оксанка? Не могут никак нормальный асфальт положить... Ты не замёрзла?

– Угу... Вечная мерзлота... Какие к чёрту дороги...

Андрей и таксист беззлобно рассмеялись. Адвокат крепче прижал меня к себе и попросил таксиста прикрыть окна.

– Эх ты... Вечная мерзлота... Не спи, замёрзнешь...

И всё-таки я уснула. Вино, поздняя ночь, тёплые объятия и зигзаги, которые выписывал водитель на протяжении всего пути, укачали. Андрей разбудил, когда машина остановилась у ворот, за которыми лаял и поскуливал, почувствовав меня, цепной пёс. Я нехотя вылезла из тёплого салона такси

и направилась к дому. Адвокат, проводив до калитки, заглянул во двор и оценил Пирата.

– Знатный пёс. С таким трудно не считаться. Ну... до свидания, Оксана.

– Спасибо, что домой привёз, Андрей. На кофе не приглашу, сам понимаешь.

– Понимаю. Не смею настаивать. Очень рассчитываю на твоё благоразумие...

– Да, да, да. Я не нарываюсь по ночам на неприятности. Так вышло. За «козла» извини.

– Вот и хорошо. Значит, я могу ехать?

– Странный вопрос. А что тебя держит?

– Вот это. Забыла про свой калькулятор?

Андрей вынул из кармана мой сотовый. Ну да, кнопочный древний «Нокиа». Зато у меня компьютер навороченный. Взяв телефон, пожала плечами:

– Меня устраивает. Ну, теперь всё?

– Всё.

– Пока?

– Спокойной ночи.

Андрей вернулся к машине, поднял в прощальном жесте руку, сел на переднее сиденье. И уехал.

Я проводила габаритные огни такси взглядом до конца улицы, пока они не скрылись за поворотом.

Сегодня мне несказанно повезло. Но с ночными прогулками покончено. Вздохнув, я минуту разглядывала бесконеч-

ное небо, щедро усыпанное звёздами. И потихоньку вошла в дом, стараясь никого не разбудить. Быстро освежившись в душе, нырнула в постель, вытянулась, обняв подушку, и провалилась в глубокий сон.

Глава 2. В чём твоя история?

Выспаться не удалось. В шесть утра телефон разразился пронзительной трелью. Звонила Ленка.

– Оксанка, ты где?!

– Чё орёшь? Дома я, успокойся!

– Как дома?! Как ты домой попала?!

– На такси. Как ещё?

– Стесняюсь спросить... а рассчитывалась ты чем? У тебя вечером двести рублей едва ли оставалось.

– Натурой. Чем ещё? А ты не очень-то меня и потеряла, ага?

– Ты так хлопнула дверь, что разбудила Дениску. Пока укладывала, и сама уснула. Прости меня, Оксан. Я вчера наговорила кучу глупостей.

– Забудь. И дай поспать.

– Ладно, спи. Я вечерком позвоню. Расскажешь в подробностях.

– Угу. Размечталась. Всё. Отбой.

Сунув телефон под подушку, попыталась снова уснуть. Не получилось. Нехотя встала, потянулась и пошлёпала босыми ногами в кухню. Очень хотелось пить. Налив большую кружку ледяной, ломившей зубы воды вышла на крыльцо, стряхнула со старого кресла мусор, плюхнулась в него и вытянула ноги.

Июльское утро искрилось и переливалось драгоценной россыпью росных капель на малахитовой зелени травы, покрыло, будто изморозью, засыпанный речной галькой двор. Чистый таёжный воздух хотелось вдыхать полной грудью, наслаждаться благоговеющей тишиной, ещё не нарушаемой никем, кроме утренних пташек, радостно приветствующих новый день.

До того, как проснётся и примется управляться с хозяйством младшая сестра, было ещё примерно час времени. С меня помощница была, прямо скажем, никакая: свиней я боялась, дроблёнку от отрубей не отличала, от коровы шарахалась, а от оглушающе резко орущих гусей отпрыгивала. Да и вообще искренне не понимала – зачем гробить себя на сенокосе и утопать по колено в навозе, когда всё можно купить в фермерском магазине или на деревенском базарчике?

Но сестра упрямо приобщала меня к деревенской жизни и бессовестно отрывала от работы над очередной книгой – то «рядом постой, а то одной скучно», то «пойдём до магазина, прогуляешься», то «помоги...», хотя толку с меня было чуть. В итоге вдохновение меня покинуло. И вот уже неделю я ежедневно открывала вордовский файл с готовой обложкой и названием очередного любовного романа «Внедорожная любовь», но выдать ни абзаца так и не смогла. И вот это прекрасное утро после ночных злосключений вдруг вдохновило на интересный поворот сюжета.

Вскочив с обшарпанного кресла, поспешила за компью-

тер, не обращая внимания на головную боль от жестокого похмелья.

Полдня до обеда пролетели, как один час. Я в совершенстве владела десятипальцевой печатью и строчила роман со скоростью пулемёта, боясь упустить редкий всплеск вдохновения. Оно сегодня было необычайно щедро на нюансы и впечатляющие интриги.

От работы меня смог оторвать только приглушённый подушкой звонок телефона. Глядя на неопределившийся номер, собиралась привычно сбросить вызов и сунуть незнакомый номер в чёрный список. Но что-то мешало сделать это. Внутренний голос кричал «ответь!», и я, помедлив, согласилась с ним.

– Алло.

– Привет, вечная мерзлота. Узнала?

Я бы узнала голос Андрея из миллиона, но...

– Да. А... откуда у тебя мой номер?

– Неуместный вопрос, учитывая, что твой калькулятор почти час находился в моём распоряжении. Как чувствуешь себя, королева ночных павильонов?

– Спасибо, хреново. Но на подвиги не тянет. Вообще не ожидала услышать тебя.

– А увидеть?

– Тем более.

– А зря. Ты моя должница. А я не прощаю долгов, особенно женщинам.

– Даже так? И какая расплата меня ждёт? За несколько часов я не разбогатела, чтобы...

– Ты должна составить компанию и пообедать со мной. И ничего больше.

– Странная расплата.

– Ты тоже не вполне обычная. И мне хочется понять – почему. Не люблю загадки.

– Ну это как раз понятно – профессия не располагает.

– Верно. Я же говорил – ты умница.

– Угу. Быстро поумнела после дуры.

– Я извинился.

– Я извинила. Просто твоя профессия так же не располагает навешивать ярлыки на случайных знакомых.

– Так и хочется сказать «а за козла ответишь».

Андрей рассмеялся в трубку. Я заулыбалась, вспомнив его обезоруживающую улыбку.

– У меня обед сегодня плавно перетекает в ужин, поэтому заеду за тобой часов в пять вечера. Ты суши любишь?

– Очень! И даже умею их готовить.

– Отличная самопрезентация! Я запомнил. До встречи, Оксана. И не переживай, после ужина отвезу тебя домой. У меня ещё деловая встреча вечером, так что просто еда и дружеская беседа.

– Ясно. До вечера, адвокат.

– До встречи, вечная мерзлота.

Андрей завершил вызов, а я, глядя на телефон, будто он

спрятался в нём, высунула язык и поставила аппарат на зарядку.

До приезда ночного спасителя оставалось три с половиной часа. С сожалением взглянув на манящий неоконченным абзацем файл, сохранила плод писательского труда, с радостью отметив, что он уже обрёл несколько вордовских листов. Оставшееся до встречи время хотелось посвятить наведению марафета. Всё-таки когда тебе за сорок выглядеть безупречно хочется, но даётся это не так легко, как в двадцать пять. Переодевшись в спортивный костюм, отправилась прогуляться по тайге до горной чистейшей речушки, умыться и восстановить цвет лица. Два часа пролетели мгновенно, стоило напасть на полянку с спелой черникой и наткнуться на дружные семейки аппетитно блестящих сопливыми шляпками маслят.

Домой вернулась с полной майкой грибов и перемазанным соком сочной ягоды губами. Вылив на себя всю воду из уличного душа, стала перебирать немногочисленные наряды. Я любила стильные вещи, умела шить и имела отличный вкус. Но не знала – иду я вечером в недорогой бар или шикарный ресторан, а потому решила остановиться на беспроигрышном варианте – чёрном платье и прозрачном шифоновом кардигане с выбитыми бордюром бархатными цветами. За ненадобностью его легко будет сунуть в сумочку. Слегка тронув ресницы тушью, а губы прозрачным блеском, я была готова к встрече.

Андрей не опоздал. Точность – вежливость не только королей, но и адвокатов. Ровно в пять часов за воротами раздался мощный автомобильный сигнал. Выглянув из окна, я слегка присела и чуть не присвистнула от неожиданности – на легендарном «Hummer H1» мне кататься не приходилось. Гигантские автомобили, созданные на базе американского военного внедорожника, ввозились в Россию поштучно «серыми» автоторговцами и стоили баснословных денег. Сия техника отличалась повышенным комфортом и массой других возможностей и достоинств. И вот это чудо американского автопрома, ныне запрещённого в родных пенатах из-за вступивших в силу экологических норм, привлекало внимание соседей со всей улицы. Да, наверное, и всего посёлка.

А сестра уже шла к калитке, не понимая, чем и кому обязана присутствием техномонстра у ворот своего дома. Я торопливо открыла окно и окликнула Ольгу:

– Это ко мне. Лучше не вылазь, а то поцарапаешь ещё своим забором, а мне потом расплачивайся.

– И кто же это такой, смею я спросить?

– Ой! Иди уже. Прополи огурцы, что ли, и не капай на мозги! И без тебя вон... есть кому.

Я вздёрнула в сторону «Хаммера» подбородок и захлопнула окно. Сунув ноги в босоножки на невысоком каблучке, вышла на улицу и осторожно открыла железную дверь, боясь поцарапать слишком близко припаркованную машину.

Андрей стоял сразу за калиткой, держа в руке горшочек с

цветком прекрасной огненно-красной гладиолуса. Фантастически красивое растение было столь же ядовитым, сколь и восхитительным, и именно благодаря яду славилось весьма продолжительной живучестью после среза. В Азии гладиолусы дарили только царственным особам, и само их название в переводе с латинского обозначалось как «величие». Разумеется, яд был опасен, только если употреблять растение в пищу или заварить с ним чай. Я безбоязненно приняла от сегодняшнего кавалера изысканный цветок и лёгкий поцелуй руки.

– Привет, Оксана.

– Привет, Андрей. Необычный цветок, однако.

– Созвучен нашему знакомству.

– Я тоже была неприлично ядовита?

– И в то же время царственно держалась.

Адвокат снова одарил по-мальчишески мягкой улыбкой. Пастельный розовый цвет хлопковой рубашки навывпуск с расстёгнутым воротом и тёмно-серые джинсы явно не сочетались с моим чёрным платьем – я выглядела излишне официально. И это нужно было срочно исправлять.

– Две минуты подожди, цветок пристрою.

– Я пока развернусь.

– Да, давай. В конце улицы как раз есть подходящая развилка. Я быстро.

Пристроив горшок на компьютерном столе, сдёрнула с себя всё. Сменив чёрное кружевное бельё на хлопковые белые

трусики, а платье на льняные брюки и цвета горького шоколада майку с глубоким V-образным вырезом, переобулась в туфли и вышла на звук вернувшейся иномарки.

– А ты не из тех женщин, что собираются полдня.

– А ты мог бы сообщить заранее, что платье неуместно.

Хотя после распития пива в павильоне я сама могла бы догадаться.

– Ты удостоилась узреть крайне редкий случай из моей жизни. Цени это.

– О, да! Зрелище было уникальным и незабываемым! Ты серьёзно?!

– Вполне. Ты отлично выглядишь, Оксана. Как есть – вечная мерзлота. Неувядающая и неунывающая.

– У меня даже в школе кличек не было, а с твоей лёгкой руки...

– Не кличек, а прозвищ. Тебе явно во вред общение с придворными животными.

– Поучи меня манерам, раз тебе больше делать нечего.

– Бессмысленное занятие, пока ты возвращаешься в ту же стихию. Королевским манерам в свинарнике не учатся.

– А ты меня в свет выводить собираешься? Наша встреча, по твоим же уверениям, одноразовая. Меня это вполне устраивает. Так что давай сделаем всё с наименьшим количеством слов к наибольшему обоюдному удовольствию.

– Отлично сказано! Так и поступим.

Андрей включил «Авторадио» и всю оставшуюся дорогу

до загородного кафе «Медвежий угол» мы ехали, по большей части, молча, лишь иногда обмениваясь впечатлениями об окружающем шоссе мире.

Кафе не было для меня совсем уж незнакомым. Я знала о его существовании, но простым смертным вход в него не по карману. Говорят, второй этаж отдельно стоявшего здания отведён под апартаменты для перебравших спиртного высокопоставленных гостей, а несколько избушек, похожих на охотничьи заимки, сдаются по расписанным на многие месяцы вперёд спискам. Когда в Красноярске снимали серию «Улиц разбитых фонарей», местные шоумены поселили актёрскую труппу как раз в этих домиках. Именно тогда из местных новостей я и узнала о существовании весьма атмосферного, выдержанного в таёжно-охотничьем стиле кафе. И что Андрей привёз меня именно сюда, стало приятным сюрпризом.

Оставив «Хаммер» на закрытой площадке под охраной, мы вошли в зал, погружённый в обволакивающий мягким медовым отсветом бра полумрак.

Администратор встретил у входа и, проводив к столику, ознакомил с меню и принял заказ. Мы приехали отведать суши, которые очень хвалят именно в этом заведении. Андрей заказал бутылку минералки и арбузный смузи, я – безалкогольный медово-дынный. Для начала. Выбор безалкогольных освежающих напитков был велик и разнообразен, а от одних только фотографий из меню рот наполняла слюна.

– Может быть, мохито стоит заказать алкогольный?

– Нет, Андрей. Я не способна употреблять алкоголь настолько часто.

– А что ты вообще любишь из спиртных напитков?

– Не скажу, что люблю, но предпочтение отдаю односолодовому виски с пепси и кучей льда.

– Это мужской напиток.

– Алкоголь должен быть с мужским характером.

– Резонно. Ты вызываешь у меня странные ассоциации.

– Это какие?

– Ты неподражаемая женщина, Оксана. Терпкая, как выдержанное в луизианском дубе вино, отборная, как русский мат и весьма специфичная, как деликатесный сыр с благородной плесенью.

– Затрудняюсь понять, хвастаться мне этими сравнениями теперь или благоразумно умолчать.

– Это ты сама решай, Оксана. Так в чём твоя история?

– Которая привела меня в павильон этой ночью?

– Это конец истории... Или начало новой. Я это сам пойму, когда расскажешь, в чём соль твоей жизни.

– Высокопарно, скучно и не этично, адвокат. И вообще, это похоже на допрос. С пристрастием.

– Вот и бывшая жена то же самое говорила.

– Бывшая жена-а?! А настоящая существует?

– Нет. И будущая не запланирована.

– Так вот в чём соль твоей жизни – неудачный брак.

– Два.

– Даже два?! Кто виноват и что с ними делать?

– Виноват всегда мужчина. Либо выбирает неинтересную женщину, либо делает её неинтересной. Я использовал обе попытки.

– Третья может стать удачной.

– Сомневаюсь. За десять лет привык к интересным делам, а не женщинам. Но ты порвала привычный устой. В чём суть, Оксана?

– Вот, значит, в чём заключается твоя история... А у меня всё гораздо проще и неинтереснее. И меньше в количественном выражении.

– Внимательно?..

– Я одновременно первый и второй вариант. Предпочитаю греметь кастрюльками и подтирать детям сопли, чем носить яйца между ног. Убила бы ту феминистку, что охотилась за равноправием.

– Начинаю понимать. Много сопливых носов в твоей истории?

– А в твоей?

– Один. Мужского пола. Юрист.

– Отправился по стопам отца. Прогнозируемо.

– Не люблю загадок и неожиданностей. Но ты не ответила.

– Двое. Мои следы им не подошли. И нынешнюю деятельность тоже всерьёз не воспринимают.

– Сейчас ты рассказала гораздо больше о себе, чем соби-

ралась.

– В этом моя история. Можно уже поесть?

– Да, извини. Приятного аппетита. Васаби в соус добавить или...

Андрей больше не задавал вопросов и вёл себя как внимательный начальник со своей подчинённой, оказавшись с ней случайно за одним столом. Хотя могу ошибаться. Обедать и ужинать с начальниками сомнительной чести не достаивалась. Я думала, что вечер будет коротким и завершающим наше странное знакомство, ведь долг засчитан, а у адвоката назначена встреча. Мы уже наелись и разговаривали такими же открытыми фразами на разные темы, когда Андрей, увидев, что я невольно среагировала на такты медленной композиции, пригласил потанцевать.

– Но здесь никто не танцует!

– Тем лучше. Не будут путаться под ногами.

Не принимая возражений, новый знакомый вытянул меня из-за стола. Я не танцевала медленные танцы лет десять и испытывала неловкость и волнение. Андрей притянул к себе так крепко и удобно, что мы слились в единый организм. Я будто стала частью его монолитного тела. Недостающей частью. Вопреки опасениям, я не оттоптала ноги неожиданному партнёру. Это было невозможно – Андрей вёл непринуждённо и естественно, будто помимо адвокатской практики преподавал в танцевальной школе. Всего раз его крепкая ладонь легко и беззастенчиво скользнула, огладив изги-

бы моего тела, на секунду задержавшись на ягодицах. Предвосхищая протестующий возглас, Андрей слегка отодвинулся, скользнув взглядом в вырез майки и тут же прижал к себе мою голову, зарывшись носом в небрежно уложенные пряди.

– Ты меня волнуешь, Оксана. Тебя хочется выпить, смакуя каждый глоток.

– Ты любишь терпкие выдержанные вина?

– Я люблю разные вина. Под настроение.

– Игристые пенные виносодержащие напитки тоже?

– По молодости. Теперь ценю индивидуальный вкус и эксклюзивный урожай.

– Тогда уймись. Я всего лишь домашняя подделка.

– Я рискну снять пробу.

В следующие несколько секунд случилось неожиданное. Андрей запрокинул мою голову и накрыл приоткрытые от удивления губы пламенным поцелуем. Я не отвечала, но и не отталкивала Андрея, давая понять, что не считаю себя настолько ему обязанной, но и не нахожу нежданную ласку неприятной.

Отпустив губы через несколько секунд, мужчина пристально посмотрел в мои глаза и тихо напомнил:

– Кто-то обещал обоюдное удовольствие.

– Речь не шла об этом.

– Но раз уж «это» наступило, мне бы хотелось, чтобы вино раскрыло свои свойства.

– Не любишь загадок.

– Неужели так трудно просто ответить на поцелуй?

– Неужели так трудно понять, что сегодняшний вечер – это всё, что я считаю тебе должной? Без продолжений и расширений программы ужина.

– Самое приятное заключается в отступлениях от намеченного плана. И в них же кроются великие возможности и выигрышные нюансы.

– В тебе говорит адвокат. И явно успешный. Привык ходить по скользкому?

– И оставаться понятным. В этом вся интрига.

Андрей не дал ответить, снова требовательно завладев моими губами. На этот раз поцелуй был долгим. Мужчина давал понять, что пока не получит желаемую отдачу – не отпустит. Покачиваясь под следующую медленную композицию в крепких объятиях адвоката, я решилась ответить на поцелуй. Чему быть – того не миновать. И пусть весь мир подождёт.

Почувствовав желанный отклик, Андрей ослабил требовательный напор. Его губы касались неторопливо, обволакивая опьяняющей чувственной сладостью. Он с наслаждением вбирал медово-дынный аромат моего дыхания, будто пил хмельной нектар с только что раскрывшегося бутона редкого цветка, доставшегося ему в награду. Андрей целовал так, будто в целом мире не было никого, кроме нас двоих. Он искренне наслаждался и дарил упоительное наслаждение, будоража нервные окончания скользящими по телу пальцами.

По коже пронеслась крупная дрожь, чуть подкосившая ноги. Столь волнительные ощущения от поцелуя я не испытывала с давно минувшей поры юной расцветающей сексуальности.

Почувствовав, что завладел моей волей и вызвал ответное желание, Андрей отпустил губы, нежно касаясь моего лица, будто остужая им же взбитые сливки моих чувств.

– Я ошибся. Ты – мёд с душистым перцем, Оксана. Неве-
роятно вкусная и манящая.

– Я больше не вечная мерзлота?

– Каким тебе показался я, Ксана?

Приглушённый голос Андрея звучал взволнованно и слегка хриловато, будто у него перехватило дыхание. Став на полтона ниже, он выдавал охватившее мужчину возбуждение. Да что скрывать – я чувствовала то же самое. Но подыгрывать ему было опасно. Хотя...

Глава 3. Развилины Судьбы

– Ты... бархатный вкус хвои и кедровых орех.

Андрей удивлённо вскинул бровь и, поблагодарив за та-
нец, проводил меня за стол.

– Оксана, у меня здесь назначена встреча. Примерно ми-
нут на десять.

– О как?! Надеюсь, не с уголовным авторитетом?

– Боишься?

– Опасаюсь.

– Нет, не с уголовным и даже не с авторитетом в том смыс-
ле, что ты в него вкладываешь. Он подъедет с минуты на ми-
нуту.

– Ты оставишь меня здесь или отправишь погулять вокруг
кафе?

– Ни в коем случае! Что за дикие домыслы?! Мы продол-
жаем ужин. Но теперь хочется чего-то более существенного,
чем рисовые кусочки. Как ты относишься к рыбе?

– Как голодный кот.

– Отлично! Тогда стейк из сёмги? Или из осетра «по-цар-
ски»?

– Начнём с осетра.

– И сухого белого.

– Ты за рулём.

– Это решаемо.

– Ты должен отвезти меня домой. Помнишь?

– Помню.

– Я не поеду с тобой, если ты выпьешь!

– Здесь есть услуга «пьяный водитель», радость моя.

– А.

– Отпустило?..

– Отпустило.

Андрей нажал кнопку вызова официанта. Выросший буд-то из-под земли парень принял наш заказ и уже через мину-ту разлил по бокалам дорогое итальянское полусухое вино.

Лёгкий изящный аромат белых цветов и спелых фруктов с нотками свежескошенной травы и зелёного яблока, исхо-дивший от напитка, очень подходил к выбранным блюдам. Золотистое вино из мускатного винограда, выращенного на старейших виноградниках Южного Тироля, приятно ласка-ло искущённый вкус. Приятная прохлада остужала возбудо-раженные чувства, согреваясь в желудке и растекаясь по те-лу приятной негой.

Я крутила бокал с вином, разглядывая живую игру золо-тистого света и вкушая неземную ароматику божественного нектара.

– А кто-то говорил, якобы, два дня подряд употреблять не может.

– Не может. Но кто-то не любит проигрывать и умеет на-стаивать.

– Это не я настаиваю. Это стерлядочка заговорила.

Андрей улыбнулся, чуть подавшись мне навстречу и глядя в глаза с дерзкой смешинкой. Не знаю, зачем я протянула к нему руку и, приложив ладонь к небритой щеке, погладила её пальцем. Мужчина положил свою ладонь сверху и, не отрываясь, глядя глаза в глаза, поцеловал мою ладошку.

– У тебя очень нежные руки, Оксана.

В следующую секунду моё сердце ухнуло в пятки.

– Оксана?! Ты когда приехала?

Замерев, я медленно подняла голову и уставилась на... Марата. Он появился у нашего столика с пачкой каких-то бумаг из полумрака кафе неожиданно. Переведя взгляд на Андрея, я уловила его явный интерес к происходящему. Ну ещё бы! Адвокат – он всегда готов и везде готов. Вопрос о том, что здесь делает бывший супруг, так и не был задан, потому что оказался погребённым под неподъёмным пластом удивления и забвения, когда Марат протянул руку Андрею и произнёс:

– Среди прочих женщин ты, наконец, умудрился выбрать лучшую. Приветствую.

И, взяв стул у свободного столика, подсел к нам.

Дальнейшее развивалось, как в тумане: я ошеломлённо смотрела на бывшего мужа, он поглядывал на меня, обсуждая что-то с Андреем, который поглядывал на нас двоих. Моё сердце гулко билось, хотелось сорваться с места и убежать, но ноги словно приросли к полу, полностью нивелируя душевные порывы. Я не поняла, как опустошила бокал,

мысленно следуя по воспоминаниям о не всегда счастливых днях супружества, мгновенно всколыхнувшись в памяти.

Тридцать четыре года. В ту весну мне исполнялось тридцать четыре года. Дата выпала на середину недели, но пришли все, кого я пригласила. Готовясь к торжеству, уже знала – это последний день рождения, который я отпраздную в компании друзей Марата. К тому времени я уже твёрдо решилась на развод. Но супруг об этом не знал. Он был совершенно уверен, что у нас в семье всё хорошо.

Лариска перестала донимать только через год, если не больше, и даже переехала куда-то на окраину города. Казалось бы, жизнь вошла в привычное русло. Но однажды я взглянула на супруга другими глазами. До сих помню тот день.

Марат работал заместителем начальника охранной фирмы. Вся их компания состояла, собственно, из владельца и начальника в одном лице, внешностью очень смахивающего на гнома-переростка; Марата, тянувшего всю работу; бухгалтера и по совместительству кадровички; секретаря для приготовления кофе и заказа пиццы – двадцатипятилетней Вероники. С десятков охранников появлялись в офисе редко, а сама фирма расположилась в административном здании троллейбусного депо и занимала четыре комнатухи с обшарпанной отделкой и отдельным входом.

В тот день мы с подругой весь день ходили по магазинам,

и домой возвращались изрядно уставшие. Последним нашим пунктом было кафе через дорогу от того самого троллейбусного депо. Рабочий день Марата подходил к концу, и я решила пригласить супруга посидеть с нами. Заодно по пути домой заехать в ближайший супермаркет и закупить продукты.

Оставив подругу в кафе делать заказ на троих, без предварительного звонка отправилась к Марату на работу. Я была там не раз и не два, меня хорошо знали сотрудники и встречали обычно радушно. Вероника тут же приносила холодной воды, зная мою особенность пить каждый раз, как только вхожу в помещение с улицы. И в тот вечер я вошла в офис, неслышно ступая балетками по ковролину.

Дверь в кабинет Марата была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, но это позволило остаться незамеченной и наблюдать прелюбопытную картину – супруг сидел, откинувшись на спинку высокого кресла. А Вероника сидела на его столе, скрестив ножки. Они весело болтали о делах фирмы, о слухах с охранниками, сплетничали и подтрунивали над коллегами и друг другом. Ничего такого, из-за чего я могла бы насторожиться. Кроме того, что девица сидит на столе моего мужа и своего начальника, и они довольно оживлённо и явно не первый раз общаются. Легко, весело и интересно. Со мной же супруг делиться такими моментами не любил. И теперь стало понятно почему – второй обсуждать одно и то же неинтересно никому.

Я не знала, что мне делать. Если войду, то как реагировать

на эту сцену? Закатить скандал? Не умела и никогда не скандалила. Не обратить внимание? Но разве не на что? Я потихоньку вышла из офиса, очень постаравшись не попасться на глаза бухгалтеру и владельцу.

Вернувшись в кафе, где уже ждали готовые блюда, я набрала номер мужа и пригласила в кафе. Он пришёл через пять минут и был даже рад неожиданно подвернувшейся возможности поужинать вне дома. Я делала вид, что ничего не знаю о том, что происходило в его кабинете, стараясь вести себя естественно. Но притворяться я никогда не умела – если мне больно, значит, больно, и потухшие глаза выдавали это. Только подруга знала, что испортило мне настроение, а перед Маратом я отговорилась усталостью от долгого шопинга.

Но кабинетная сцена стояла перед глазами, не давая о себе забыть. В ту ночь я не смогла уснуть. Наливая незнамо какой по счёту стакан кофе, который никогда не любила, я поняла, что теряю мужа. И он сам этого ещё не понимал. Поэтому любой разговор на эту тему только подтолкнул бы его к этой ушедшей молодке.

Я стала свидетелем зарождавшихся серьёзных отношений, а не сексуальной интрижки, как это было с Лариской. И эта девица явно могла бы родить моему супругу сына.

И с этого самого дня моя жизнь превратилась в ад. В ад, незаметный для Марата, но сжиривший мою душу, любовь и доверие.

– Оксана... Окса-на.

Марат тронул меня за плечо. Он уже поднялся и собрал подписанные обоими мужчинами документы, вложив их в газету.

– Да... Что?

– Приятно провести вечер. Позвони, когда захочешь. До свидания.

– Пока, Марат. Передавай привет жене и детям.

– Кхм... Надеюсь, ещё увидимся.

Андрей встал и, извинившись, вышел проводить Марата, сославшись «на пару слов». А мои мысли потекли совсем в другом направлении. Единственное, что мне теперь хотелось – встать и уйти. Если бы не двести рублей в кармане, я бы так и сделала. Но кафе стоит далеко от автобусной остановки, а шляться вдоль трассы в потёмках далеко не то, на что я готова была решиться. И вчерашнее намерение вообще не в счёт. Во-первых, трасса трассе рознь, во-вторых – я не так зла, пьяна и расстроена, как вчерашней ночью, в-третьих – даже вчера это выглядело глупо. Повторять глупости – не моё жизненное кредо. Потому я до сих пор пребывала в гордом одиночестве, отказываясь выходить замуж за героев моих немногочисленных романов.

Вернувшийся через несколько минут Андрей долил в мой бокал вина.

– Ты это специально подстроил?

– Я даже предположить не мог, что мир настолько тесен, Оксана.

– Ну-ну. Ты хочешь сказать, что не использовал свои возможности узнать, кто я?

– Ага. И тут же завёл с твоим бывшим мужем кое-какие дела. Нет, более того – я сгонял в прошлое лет на пять и познакомился с ним специально. Ты серьёзно, Оксана?

– А откуда ты знаешь, что он мой бывший муж?

– А выходил я с ним посплетничать о твоей аппетитной попке, что ли?

– Ну, посплетничать вы всё-таки успели.

– Уточнить кое-что, Оксана. Не более того.

– Ну-ну.

– Мне меньше всего нравится вот такой неожиданный поворот. Меньше, чем тебе.

– Да что ты?!

– Настроить тебя на нечто большее, чем ужин, оказалось сложно. А теперь скомкано всё то незначительное, чего я смог добиться. Как видишь, я вполне искренне признаю свои намерения на сегодняшний вечер.

Взглянув на сёмгу, Андрей отодвинул в сторону нетронутый бокал вина и, подавив вздох, предложил:

– Давай просто поедим, и я отвезу тебя домой.

Разумеется, я согласилась. Без аппетита съев половину таившего во рту стейка, вышла в дамскую комнату и набрала номер старшей дочери.

– Привет, дочь, как дела?

– Как обычно, мам. У тебя что новенького?

– Папа давно звонил?

– Недавно. А что?

– Номер его скинь в сообщении, пожалуйста.

– Ну... ладно. Сейчас скину. А зачем тебе?

– Занадом. Поцелуй за меня мальчишек.

Завершив звонок, я дождалась сообщения и набрала номер Марата.

– Алло.

– Марат...

– Оксана! Не узнал бы твой голос, если бы не слышал его несколько минут назад.

– Что ты сказал Андрею на улице?

– Что мы были счастливо женаты энное количество лет назад.

– И всё?

– Всё остальное пусть останется за кадром.

– Всё остальное?

– Пара вопросов Андрея. К делу не относится. А что случилось?

– Ничего. До свидания, Марат.

– Рад был ещё раз услышать. Надеюсь, согласишься встретиться?

– Зачем?

– Меня уже десять лет мучает вопрос. Хочу получить от-

вет.

– Спрашивай.

– Нет. Только при личной встрече.

– Я подумаю.

– Я позвоню. До встречи, Оксана.

Марат прекратил разговор, и я вернулась в зал. Андрей уже рассчитался по счёту.

– Прости за испорченный вечер, Оксана.

– Ты не виноват. Да и испорчен он только у тебя.

– Я переживу.

Андрей улыбнулся безумно обаятельной улыбкой, которую забыть просто невозможно, а не любоваться – естественно. Я улыбнулась в ответ.

– Ну что, Андрей. Пришла пора выполнять обещание.

– Поехали.

Прихватив со стола наполовину опустевшую бутылку вина под плохо скрытую улыбку адвоката, я направилась к выходу из кафе. Через десять минут огромный «Хаммер» уже выезжал на трассу, ровной полосой разрезавшую пополам засеянное пшеницей поле. Некоторое время мы ехали молча. Я отвернулась в окно, погружившись в воспоминания о супружеских годах и теряясь в догадках, что за вопрос мучил все десять лет Марата? Адвокат вёл машину молча и, как показалось, тоже о чём-то думал, иногда бросая на меня быстрый взгляд. Подъезжая к городу, Андрей нарушил тишину:

– Оксан, мне бы хотелось увидеть тебя ещё раз.

– Довести до конца очаровательный вечер?

– Можно и без логического завершения. Насиловать точно не стану.

– Я не сомневалась в этом, Андрей. Иначе не поехала бы и на эту встречу.

– Значит, ты не против?

– Я не знаю, – мы снова замолчали. Вновь тишину нарушила уже я: – Андрей, можно вопрос?

– Конечно.

– Какие дела вас связывают с Маратом?

– Разрешение на вопрос отменяется.

– То есть?

– То и есть. Это наши дела. Тебя они никаким образом не затрагивают.

– Извини за любопытство, но я не то имела в виду.

– А что именно?

– У Марата ничего не случилось такого, что... ну... Ты же адвокат по уголовным делам.

– А, ты вон о чём! Нет, у Марата всё хорошо. Не беспокойся об этом.

– И слава богу.

Андрей промолчал.

А в мою голову закралась непрошенная мысль. Её нужно было гнать поганой метлой, прислушавшись к внутреннему голосу. Но я угомонила его и погрузилась в обдумывание деталей коварного плана.

– О чём задумалась?

Андрей снова нарушил затянувшуюся тишину.

– Ни о чём для тебя интересном.

– О Марате?

– Это же логично.

– И объяснимо. Открой бардачок.

– Зачем?

– Там подарок для тебя. Ничего особенного.

– С какой радости?

Адвокат открыл вместительный автокарман и вынул новую коробку с сотовым телефоном. Положив её мне на колени, он коснулся руки.

– Бери. Не ломайся, как девочка. Твой калькулятор на ладан дышит.

– Андрей, зачем это? Ты же понимаешь, что...

– Это тебя ни к чему не обязывает.

Я с минуту подумала, разглядывая изображение сенсорного двухсимочного аппарата. Вообще, почему бы и не взять? Чай, не пятнадцать лет, мама не заругает. Да и мой древний кнопочный раритет уже и в стакане с чаем тонул, и на камнях разбивался, что пришлось экран менять. Замолчать навечно он может в любую минуту, и батарейки потому две ношу, что полезный объём у них уже на семьдесят процентов скончался.

– Ты знаешь, а я возьму! Хотя бы за нечестно вырванный

поцелуй.

– Не оправдывайся. И не ищи причину. Просто возьми.

Разговор не клеился. Снова повисла тишина. И снова её нарушил Андрей.

– Я загрузил все популярные приложения. Одна сим-карта уже стоит. Безлимитный тариф.

– Спасибо.

– На здоровье... Оксана...

– Внимательно?.. – повторила я его интонацию.

– Давай в кино сходим. Как в детстве. Ты давно была в кинотеатре?

– Да вот в детстве и была. Тогда ещё стулья были деревянные, а в буфете пирожные «корзиночки» продавали.

– Любишь «корзиночки»?

– Уже не так, как раньше.

– Теперь кинотеатры в торговых комплексах, а вместо буфетов – автоматы с попкорном и кока-колой.

– Ужас!

– Согласен. В кино не идём?

– Идём. Но со своими «корзиночками».

– Договорились. Тогда я позвоню?

– А куда ты денешься?

Андрей рассмеялся так заразительно, что я не могла не подхватить его искренне радостного веселья. Принуждённость, возникшая в наших странно начавшихся отношениях, таяла, как весенний лёд. Я смеялась, больше не стараясь

отгородиться от нового знакомого стеной вечной мерзлоты, ещё не понимая, что слышу хрустальный треск ледяной корки, заточившей моё сердце в оковы одиночества и уже таявшей от ярких вспышек глаз замечательного мужчины.

К дому подъехали уже затемно. Не подсвеченные централизованным освещением улицы утонули в тишине июльской ночи, а тайга стояла тёмной резной стеной сразу за домами. Освещая путь ближним светом фар, Андрей не спеша проехал мимо дома сестры и, развернувшись на развилке лесных дорог, остановился напротив ворот.

– Спасибо за компанию, Оксана. И ещё раз... прости, что испортил вечер.

– Не переживай. Наверстаешь «корзиночками».

– Очень на это рассчитываю.

Я выскользнула из машины и, отправив адвокату воздушный поцелуй, вошла во двор. Закрыв калитку, прислонилась к ней в ожидании звука шуршащих колёс. Но Андрей уезжать не торопился. Через минуту я услышала, как открылась дверца машины, и через несколько секунд за спиной раздался тихий голос:

– Оксан... я знаю, что ты здесь. Открой.

Вечер заканчивался совсем не так, как задумывалось. Не люблю срывы планов. Но не это заставило выйти из-за руля. Было в этой женщине что-то такое, что не давало отпустить её вот так – с разрешением позвонить и обещанием сходить

в кино. И вообще это какой-то детский сад! Сегодня сам от себя в полном недоумении – ходил павлином, рисовался состоянием, блестел умом и искрил юмором. Самому противно. Разошёлся, как школяр перед первым сексом.

«Лучшая из женщин»... Между Маратом и Оксаной не поставлена точка. Видно было невооружённым глазом. И это меняло подход к – неожиданно! – бывшей жене друга, а с недавних пор и партнёра по бизнесу.

Пять лет назад, плотно сотрудничая с Маратом по заведённому уголовному делу на одного из охранников его фирмы, даже в голову не пришло интересоваться его женой, уже несколько лет как канувшей в историю. Надо же было именно сегодня трём дорогам сойтись в одном кафе! Мексиканская мыльная опера вырисовывается. Надо бы отойти в сторону. Надо бы, но... Марат говорил, что инициатором развода была Оксана. Почему же после встречи с ним она оказалась порванной в клочья? С кровоточащей рваной раной в сердце...

Нас разделяла только дверь в металлических воротах. «Нажми ручку, Андрей». Внутренний голос не брал в расчёт крупного пса, гремевшего цепью и утробно ворчавшего.

Оксана бесшумно выскользнула на улицу.

– Мы же попрощались. Или нет?

Женщина оказалась так близко на ограниченном мной и забором замкнутом пространстве, что ей пришлось запро-

кинуть белокурую головку, чтобы смотреть в мои глаза. Во взгляде – смешинка, в устах – хмельное дыхание, в волосах – растворившиеся женские феромоны, как красная тряпка для нервных окончаний. Чуть приоткрытый рот с видневшимися кончиками жемчужных зубов... Она будоражила воображение. И не только его.

Прижал её к себе. Оксана немного выгнулась, упёрлась руками в грудь, но оттолкнуть не старалась. «Никуда ты денешься от меня, вечная мерзлота». Во рту пересохло. Серо-голубые глаза, как льдинки, блестят и спрашивают: «Что ли поцелуешь?»

Прижался губами к её лбу, запустив ладонь в густые волны растрепавшихся волос и уткнувшись в них носом. Никакого парфюма. Женский аромат – вот что вспенивает кровь. Удары сердца ощущал физически – её грудь прижалась ко мне, вызывая горячий прилив крови к известной части тела.

– Ты очень красивая, Оксана.

– Это можно было написать в сообщении, о, Ромео!

– Помолчи, мерзлота.

Потянулся к призывно приоткрытому рту, опалил дыханием и накрыл нежные губы долгим поцелуем, почувствовав, как сомкнулись на шее скользнувшие по мускулам её тёплые ладони.

Так целоваться умеют только подростки, ещё не вкушившие запретный плод плотской любви и получавшие от поцелуя наслаждение, созвучное оргазму. Больше всего на свете

хотелось выпустить окаменевшего друга и, спустив тонкие штаны с желанной женщины, подхватить на руки и медленно внедриться в заветное лоно. Прижал её к двери, мимолётно сдавив упругую грудь, пропустив между пальцами дерзко выпиравший через плотную ткань футболки сосок, скользнувший по ладони.

Оксана протестующее вздрогнула и откинула голову, освобождая губы из власти затянувшегося поцелуя. Они чуть припухли и от того стали ещё аппетитнее.

– Спокойной ночи, Оксана.

Отвёл взгляд от её губ, отодвинулся от податливого тела, разорвал уютные объятия.

– Спокойной ночи, адвокат.

Не оглядываясь, вернулся за руль, плавно тронул машину с места. Оставшийся на губах вкус поцелуя и запомнившееся ощущение объятий поселили в душе незнакомое и от того беспокоившее предчувствие грядущих перемен.

Но не поставлена точка в отношениях друга и его бывшей жены – женщины, влекущей неудержимо и неотвратимо.

Треугольник?.. Только этого не хватало...

– Спокойной ночи, адвокат.

Андрей уехал. Я забрала оставленную на дорожке коробку с новым смартфоном и потихоньку вошла в дом. Прихваченная из кафе недопитая бутылка вина осталась в машине.

Вздыхнув, что одиноко посидеть в покое и тишине с бокалом прохладного напитка не получится, я вытащила сим-карту из старого кнопочного телефона и вставила её в новенький «LG». Разбираться с функциями аппарата не хотелось, спать тоже. Закинув руки за голову, я лежала в постели и перебирала в памяти нюансы прошедшего вечера.

Не зря эзотерики говорят, что мысль материализуется. Ещё вчера до слёз хотела увидеть бывшего супруга. Что, как не Судьба вывела ночью на улицу, когда в круглосуточном павильоне я встретила адвоката? Да ещё, по его же признанию, происходит сие событие настолько редко, что впору заносить в анналы истории. И что, как не Судьба, заставила ответить на звонок с незнакомого номера и согласиться на встречу с ночным знакомым? И что, как не Судьба, свела двух мужчин задолго до этого вечера? Зачем она свела их?

Все десять лет одиночества я вела с Маратом мысленные споры и беседы, терзалась сомнениями в правильности решения, принятого много лет назад. Бегство в Москву от себя не принесло желаемого облегчения. Сначала я действительно отвлекалась интенсивным ритмом жизни и стремительным движением по карьерной лестнице, заботами о детях, а позже и внуках. Но последние несколько лет, выдав замуж дочерей, я была предоставлена сама себе. Пара непродолжительных служебных романов не с «теми» мужчинами помогли понять, какого человека хочу видеть рядом с собой. Но подходящих не встречала... пока ироничная Судьба не при-

вела в ночной павильон.

И вот теперь, после встречи с Андреем, «рубильник» дрогнул и с хрустальным звоном отколовшихся льдинок неуверенно потянулся к заветной отметке.

Но в планы адвоката серьёзные отношения не входили.

А мне предначертан только один супруг.

Злая ирония Судьбы.

Глава 4. С места – в карьеру

Весь следующий день моросил дождь. Ленка, обещавшая позвонить накануне, куда-то пропала, не отвечая на звонки и сообщения. Ни Марат, ни Андрей, вопреки моим ожиданиям, телефон тоже не обрывали. Зато подпитанная флиртом с адвокатом любовная история выплёскивалась в вордовский файл со скоростью автоматной очереди.

Отложив правку написанных глав на потом, я вышла из комнаты и удивила сестру своим приподнятым настроением.

– Цветёшь и пахнешь, как майская роза.

– А то!

– Не знала бы тебя, подумала, что влюбилась.

– Ну, приехали! А я что, по-твоему, влюбиться не могу?

– Можешь. Но не хочешь.

– Любовь управлению не подчиняется.

– В случае с тобой – не уверена, что сей факт имеет место быть.

– Ой, ой, ой! Помоги лучше приложения электронных кошельков установить на телефон.

Ольга мельком взглянула на новый аппарат, вытерла руки кухонным полотенцем и укоризненно вздохнула:

– Лучше бы на корма для свиней добавила, а не игрушки покупала.

Хорошее настроение мгновенно улетучилось. Я кого-то

должна спрашивать, на что мне тратить свои деньги? Конечно, закипевшее возмущение не имело отношение к подарку адвоката, но от того не стало меньше. Я вернулась в свою комнату и, удобно устроившись на пуфике у окна, стала разбираться в настройках смартфона. Через час, авторизовавшись в электронном кошельке, я с радостью обнаружила в нём капнувшую выплату с продажи книг. Сумма не то, что бы большая, но приятная. Теперь можно было подумать о поиске работы в городе, не волнуясь об отсутствии денег на дорогу.

Жить и работать в посёлке не хотелось, да и работы, кроме как продавцом в захудалом ларьке, не предлагалось – три дня назад Ольга красноречиво положила на мой компьютерный стол сорванное со столба объявление о вакансии. Я порвала его в клочки и выбросила в мусорное ведро – портить трудовую книжку записью о работе продавцом я не собиралась. Полазив по сайтам городских вакансий, я отправила резюме в несколько компаний и, переведя на карту Ольги половину полученной суммы на корма для скотины, принялась править новоиспечённые главы «Внедорожной любви».

– Добрый день. Оксана Георгиевна?

– Да, я. Добрый день.

– Компания «Напряжение», менеджер по персоналу Анжела Олеговна. Вы ещё в поиске работы?

– Да.

– Хорошо. Руководителю понравился ваш опыт работы, и он приглашает вас на собеседование. Сегодня в течение дня удобно будет подъехать?

– Может быть. Сначала хотелось бы пару слов о компании и вакансии услышать.

В списке моей вчерашней рассылки резюме по открытым вакансиям точно не было никакого «Напряжения».

– Нашей компании двенадцать лет, два года как вышли на азиатские рынки. Товар специфический, но спрос на него очень большой. Вам предлагается должность руководителя отдела продаж. В подчинении будет пять человек, трое работают с основания отдела, поэтому на первоначальных этапах будет на кого опереться. В ваши обязанности, помимо традиционных функций руководителя, будет входить разработка и проведение презентаций для ключевых клиентов. Вы указали, что отлично владеете графическими редакторами и офисным пакетом, изучаете в качестве хобби французский язык и по натуре творческий человек. Мы уверены, что работа в нашей компании вам понравится.

– Анжела Олеговна, вы талантливый переговорщик – сказали много, но фактически – ничего. Вы можете просто сказать – что надо продавать и что мне за это будет?

Предложение потенциального работодателя мне было непонятно, разговор повернулся не в ту сторону. Ехать в город ради кота в мешке я не собиралась. Поиски работы в Москве научили не срываться с места по первому зову, ибо

велики шансы нарваться на лохотрон. С тех пор, потратив на оплату порожних поездок по московским беседам немалое количество денег и убив на порою вопиюще непрофессиональные и просто неадекватные беседы кучу времени, я взяла за правило предварительно вытряхивать из менеджеров по персоналу информацию по телефону, а уж потом решать – надо оно мне или пусть процветают без меня.

В голосе Анжелы Олеговны послышалась улыбка:

– Спасибо, Оксана Георгиевна, за комплимент. Я не уполномочена раскрывать информацию о компании по телефону. Могу озвучить только фиксированную часть оплаты руководителя данного направления...

Менеджер выдерживала паузу. Я тоже. Пусть впечатлит. Вряд ли в регионе руководители с расширенными функциями получают больше московского продавца. Чем больше обязанностей – тем меньше платят. Эту истину я тоже познала в столице.

– ...Восемьдесят тысяч.

Всё-таки впечатлила. Теперь паузу от ошеломления выдерживала я. Если эта шарашкина контора продаёт в Китай электрические розетки – пусть будут розетки. На провода и переноски тоже согласна. Не понятно только, почему нельзя сказать об этом по телефону?

– Да?.. А не фиксированная из чего складывается?

– Об этом расскажет руководитель при личной встрече. В какое время вас ожидать?

О как! Возвращает бразды правления разговором в свои руки. На самом деле талантливый переговорщик. Я заглянула в прищипленное прямо на обои расписание электричек и спросила:

– Адрес скажите, пожалуйста.

– Улица Ленина, напротив «Агропрома», серое здание. Весь нижний этаж – наш. Кабинет отдела персонала увидите сразу.

– Буду в начале четвёртого.

– Возьмите полный пакет документов и две фотографии три на четыре. В случае взаимной договорённости сразу же оформим трудовой договор.

Однако! С места – в карьеру? Попрощавшись, я открыла браузер и вошла в личный кабинет на сайте, где опубликовала резюме. Список компаний, просмотревших его, был невелик. Совсем невелик. Всего одна строчка. То самое «Напряжение». Перейдя на страницу компании, я перешла по ссылке на официальный сайт и застыла с открытым от шока ртом.

– Оригинальные у тебя интересы! Чего ищешь?

Насмешливый голос сестры, звонко прозвучавший над самым ухом, вывел из ступора.

– Подарок тебе ищу. Пока Денис на вахте, будешь пользоваться. Тебе розовенький? Или вот этот шоколадный?

– Фу! Пошлячка! Закрой и не позорься!

– Вот и меня посещают такие же мысли. А они, между прочим, восемьдесят тысяч предлагают.

– Восемьдесят тысяч чего? Разновидностей фаллоимитаторов?

– Денег. За то, чтобы я продавала это.

– А! Ну продавать – не использовать. За такие деньги можно.

– Угу. Мне ещё презентации делать надо будет, чтобы «демонстрировать товар ключевым клиентам». Меня рукотделом пригласили.

– Ну... презентация же не показ в действии.

– И кто из нас пошлячка?!

– Думай, Оксанка, думай. Такие деньжищи Дениска за три месяца не получает. А тут реальная возможность взять ипотеку и купить квартиру, раз уж ты с Маратом делить не захотела.

– А что там делить было? Однушку? Ему конура и нам? Тем более квартира при разделе не учитывалась, как имущество, приобретённое до свадьбы. Да и по завещанию там доля его брата есть.

– Он мог бы поступить, как мужчина – продать квартиру, отдать долю брату и купить что-нибудь вам с девчонками.

– Да ты что?! А чего же ты не спешишь порадовать меня моей долей в наследстве? Стоило только родителям уехать ко мне в Москву, как ты мгновенно продала их двушку!

– Да потому что мы уже к тому времени с мамой обо всём договорились! Нас пятеро и их двое – в маленькой квартирке! Девчонки-то растут! И мы вообще-то с Денисом ещё и

ипотеку брали, чтобы дом купить, и весь маткапитал в неё угрохали! Так что, Оксана, дом – мой!

– А квартира – его! И, если разобраться, то ты мне должна больше, чем он. Так что закроем тему про квартиру Марата последний раз и уже навсегда.

Я совершенно не собиралась ругаться с сестрой. Как и не собиралась ехать на собеседование после ошеломляющего открытия сайта «Напряжения». Но сестра была права – если клиенты приходят за специфическим товаром, почему бы и не делать для них электронную презентацию? С такой заплатай я смогу уже через два-три года купить дом или квартиру даже без ипотеки.

И пусть родственники катятся ко всем чертям! Надо же! Оказывается, с родителями-то было решено! Младшей сестре, значит, всё отдали! Нормальные новости!

Решительно встав из-за стола, негодуя всё сильнее, я стала собираться на собеседование. Если пройду его – буду работать! И, вообще, мне ли – писателю порноэротических романов – стесняться?!

Здание, в котором располагался головной офис «Напряжения», было знакомо с детства. Когда-то весь нижний этаж занимало инженерно-строительное государственное учреждение, в котором работала мама. После развала Советского Союза кабинеты сдавались в аренду.

Я остановилась перед массивной железной дверью, обо-

рудованной новейшей системой «Интерком». Уже положив палец на кнопку коммутатора, замерла – выше переговорного устройства в ярких солнечных лучах сверкала золотистая табличка: «Объект находится под охраной ЧОП "Сэнсэй"».

Под охраной компании, которой руководил Марат. В здании, где когда-то работала мама, оставившая меня без доли наследства и надежды обрести собственную крышу над головой. Ещё один знак Судьбы.

Вспомнив утренний разговор с сестрой, сжав губы в злой решимости, утопила кнопку интеркома и, услышав щелчок открывшейся двери, вошла в просторный холл.

Перепланировка и современный ремонт больно кольнули сердце. Не знаю, почему я желала увидеть выщербленные каменные полы и разохшиеся деревянные панели, но воспоминания детства угасли мгновенно – такого обилия света и живых растений я увидеть не ожидала.

– Вам назначено?

Голос атлетически сложенного охранника в обычном деловом костюме и галстукe оторвал от разглядывания непривычного для памяти просторного помещения. Не было ни витрин «Наша продукция», ни пошлых диванчиков в виде полуоткрытого рта, ни эротических постеров на стенах, как представлялось по дороге на встречу. Улыбнувшись одновременно мужчине и своим наблюдениям, я вынула из сумочки паспорт:

– Да, назначено собеседование.

Записав данные в журнал посетителей, охранник вернул паспорт и вышел из-за административной стойки.

– Я провожу.

– Благодарю.

Стеклянные перегородки кабинетов совершенно не скрывали лаконичные рабочие интерьеры и занятых своими делами сотрудников. В конце коридора я увидела демонстрационный зал без дверей, но с огромным плазменным экраном. Не там ли мне предстоит проводить презентации?

– Анжела Олеговна, к вам посетитель.

Охранник, откатив вбок стеклянную дверь, пропустил меня в кабинет и ушёл.

– Оксана Георгиевна?.. Ещё раз здравствуйте. Присядьте, я узнаю у руководителя, может ли он сейчас с вами побеседовать.

Я удобно устроилась в офисном кресле. Ждать пришлось не больше двух минут.

– Максим Львович ждёт.

Шустрая девушка быстрым шагом повела в кабинет, примыкавший к демонстрационному залу.

– Максим Львович, наш кандидат на должность руководителя отдела продаж Горькова Оксана Георгиевна.

Пропустив в кабинет, Анжела закрыла за мной дверь.

Мужчина стоял, отвернувшись, и увлечённо... или задумчиво что-то разглядывал во дворе старой части города, сунув руки в карманы светлых льняных брюк. Со спины он по-

казался молодым, не старше сорока лет. Короткая аккуратная стрижка, широкие плечи и накачанные руки – это всё, что я могла оценить. По достоинству. Люблю на мужчинах простую одежду из натуральных тканей – их обнимать очень уютно. Приятно к телу.

Не поворачивая головы, владелец шикарного, почти домашнего интерьера предложил:

– Устраивайтесь, Оксана Георгиевна. Удобнее будет в кресле. Или на диване. Разговор нам предстоит долгий... И весьма любопытный. Не стесняйтесь, угощайтесь конфетами, скоро нам принесут напитки.

– Добрый день.

Мне приходилось бывать на многих собеседованиях и проводить их самой, но беседовать с потенциальным начальником, стоящим спиной к соискателю – впервые. Что-то в его словах и тоне подсказывало – место мне обеспечено. Я невольно дёрнула плечами и решительно устроилась в мягком кресле.

– Вы как профессионал-продажник знаете – чтобы получить клиента, надо знать его точку джи. Но это относится и к персоналу. В моей компании существует правило – каждый получает то, зачем пришёл, если это его истинные потребности. Это равно относится и к клиентам, и к персоналу. В том числе и ко мне. У нас не существует системы окладов, не существует другой мотивации, кроме стимулирования точки джи. Я стимулирую её вам, вы стимулируете её клиентам...

И не забываете стимулировать её мне.

Новость про отсутствие оклада меня удивила и слегка возмутила. Как это? А как же разговор с менеджером по персоналу?

– Извините, но Анжела Олеговна вполне конкретно назвала размер оклада.

Мужчина повернулся, так и не вытащив руки из карманов. Лёгкая рубашка, застёгнутая на три средние пуговицы, открывала грудь на границе допустимого приличия. Прямая спина и широко расставленные ноги демонстрировали уверенного в себе человека, прямой любопытный взгляд и чуть поднятые в скрытой улыбке уголки губ дополняли облик успешного мужчины. Я не ошиблась с предположениями – ему было не больше тридцати восьми – сорока лет.

Максим Львович неспешным шагом пересёк просторный кабинет и остановился напротив, сократив расстояние до некомфортного. Мне пришлось задрать голову, чтобы не смотреть в центр его тела. А мужчина привлекал внимание именно к нему: торчащие из карманов большие пальцы рук указывали на его пах, расставленные широко ноги и... это чуть заметное движение, когда он перекатился с пятки на носки, слегка подав бёдра вперёд, задавая совершенно неожиданный вопрос вместо ожидаемого мной ответа:

– Оксана Георгиевна... а где у меня точка джи?

Я еле удержалась от невольного взгляда на его главную точку джи, так ненавязчиво мне демонстрируемую. Застыв в

кресле, я на секунду пожалела, что надела белую юбку чуть выше колена и лёгкую тёмно-синюю блузу без рукавов с пуговицами, начинавшимися от центра груди. Я даже подумать не могла, что начальник будет возвышаться надо мной, демонстрируя мужское превосходство, усадив меня в кресло и задавая неожиданные вопросы. Но ему же хуже.

Разумеется, всё было в допустимых рамках приличия, но на грани. Слабонервные соискатели не выдержали бы такого напора. Хотя ничего непозволительного или оскорбительного не произошло. И не произойдёт – я чётко это понимала и потому взяла себя в руки, откинулась поглубже в кресло, чтобы компенсировать неудобство приподнятого подбородка и, не обращая больше внимания на подтянувшуюся выше юбку, лукаво прищурившись, вернула вопрос:

– Мы сейчас об антифризе для вашей машины говорим? Джи одиннадцать, джи двенадцать, джи двенадцать плюс... И чем больше плюсов, тем лучше охлаждает.

Максим Львович рассмеялся. Громко, искренне и весело. И очень заразительно, обнаружив на щеках прелестные ямочки. Я не смогла не поддержать неожиданное веселье. Недолго посмеявшись, мужчина признал:

– Лихо вы меня, Оксана Георгиевна, охладили. Ну что же, нам с вами осталось выяснить последний вопрос и можем переходить, собственно, к презентации, – вытащив из недр кармана пульт размером не больше спичечного коробка, собеседник опустил тёмные жалюзи на окно, включил громкую

зажигательную музыку и зажёл светомузыкальную установку, вмонтированную в потолок. Центр комнаты обшаривал свет разноцветных софитов, смешивая оттенки, мигая в такт композиции и настраивая на безудержное веселье. – Приглашаю вас на танец, мадам, – мужчина протянул ладонь, заложив одну руку за спину и чуть склонив голову.

Джентльмен, однако. Собеседование превосходило все ожидания. И неожиданная в том числе. Уж что-что, а танцевать посреди белого дня в офисе с будущим шефом мне ещё не доводилось. Однако технологии проведения собеседований в регионах ушли далеко вперёд от московских! Отстаёт столица, весьма отстаёт! Впрочем, я недолго удивлялась.

Решительно поднявшись, вложила ладонь в протянутую руку. Выйдя в центр светового безумия, я готова была начать выдавать нечто сольное, отрывное – не получу место, так хоть на всю жизнь запомню этот день. Но Максим Львович и здесь показал себя хозяином положения – развернув спиной, он положил руку на мой живот... ниже пупка... на самую грань допустимого для незнакомца на танцполе... но мы ведь и были на танцполе, и Максим Львович ещё не был моим шефом, а всего лишь мужчиной. Или не мужчиной?.. Нет, конечно же, мужчиной! Мужчина – не шеф... или шеф – но не мужчина. Или мужчина и шеф? Или ни то, ни другое? Ох, я уж и не знала, как его воспринимать – слишком уж креативного он подходил к общению с соискателем.

Прямая юбка из тонкого, но крепкого льна явно не рас-

полагала для парных танцев вроде бачаты или ламбады, но, как выяснилось, она совершенно не стесняла движений, танцуя кизомбу. Она не требовала вклиненной между моих бёдер ноги партнёра, и Максим Львович, легонько подтолкнув, практически усадил меня на свои колени. И повёл в эротичных движениях, не прижимаясь чересчур сексуально, но полностью владея ситуацией и нашими телами. Танцевать он умел в совершенстве. И отдавался этому делу с душой и наслаждением.

Я, ведомая партнёром, была пластилином в его руках, живой куклой, податливой и послушной, но прекрасно понимала, что это какой-то тест, и не позволяла его провокациям нарушить хрупкий баланс между дозволенным и неприемлемым. На счастье, танцевальный марафон длился не дольше двух–трёх минут. Партнёр проводил меня к крутящемуся офисному креслу за его столом и, наконец, занял подобающее руководителю место.

– Спасибо за танец, Оксана Георгиевна, – коротко нажав на кнопку переговорного устройства и вернув пультом кабинету рабочий вид, он продолжил: – Я обязательно отвечу на ваш вопрос об окладе позже. Сейчас я расскажу, что узнал о вас в ходе собеседования. Вы поправите, если ошибаюсь, – немолодая женщина принесла два высоких стакана с прохладительными напитками со льдом и трубочками. – Угощайтесь...

Поблагодарив, я с удовольствием сделала глоток незна-

когого, напоминавшего зелёный чай фруктового напитка с привкусом апельсина, корицы и мёда. Странное, но неожиданно вкусное сочетание.

– ...Помимо красоты вы обладаете острым умом, умеете владеть собой, тонко чувствуете собеседника и умеете перехватить инициативу, уводя от неудобных для вас тем. Вы можете быть активной, но признаёте верховенство мужчины над собой и с удовольствием подчиняетесь. Несмотря на вашу внешнюю нежность и внутреннюю мягкость вы точно знаете, дальше какой черты вас гнуть нельзя, и чётко даёте это понять. Вы склонны доверять партнёру, но вам это даётся с трудом и тревогой. Когда попадаете в парадоксальную ситуацию, склонны капитулировать и оставить решение на усмотрение второй стороны. Здесь ваше самое слабое место – вы не берёте контроль в свои руки, хотя были бы в более выигрышной ситуации и могли бы её использовать с наилучшим для вас исходом. Вы принимаете ошибочное решение не бить посуду, а оставить открывать шкаф партнёру, – Максим Львович вынул из ящика стола и положил передо мной картинку с посудным шкафом. Посуда была цела до тех пор, пока закрыта дверца. – Это вам. У меня много подобных. Я хочу, чтобы эта картинка стояла на вашем рабочем столе и была с вами всегда. Через полгода вы ответите мне на один вопрос. А пока я отвечу на ваш: вы получите обещанный оклад. Но если хотите получать неограниченно больше – найдите свою точку джи. Берите свой напиток и пройдёмте

в презентационную. Пора вводить вас в должность. Завтра ваш первый рабочий день...

Глава 5. Высокое напряжение

С шефом я провела ещё четыре часа. Он просил называть его просто Максим, сказав, что в компании не принято обращаться по отчеству и удивив некоторыми правилами внутреннего распорядка: обязательное условие для всех без исключения сотрудников – оплачиваемые занятия в танцевальной студии, и необязательное условие – взаимозаменяемость в рамках своего уровня в пирамиде должностей. Приятным бонусом стал гибкий тайм-менеджмент для топ-руководителей, к которым относилась и я.²

Выйдя на улицу, я задрала голову к нещадно палящему солнцу. От ослепительного великолепия не спасали даже тёмные очки. Улыбнувшись светилу, включила мобильник и набрала номер подруги.

– Привет, Лен. Ты где затихарилась? Ни слуху от тебя, ни духу!

– Ой, Оксан, замоталась совсем! На работе стали выгонять продавцов под разными предлогами! А у меня, сама знаешь, показатели низкие! То в декрете сидела, пока место в садике

² Работать восемь часов подряд монотонно и эффективно может далеко не каждый. В течение дня всегда есть пики, когда ваш мотор работает на полную, и есть провалы, когда творческая энергия на нуле. Гибкий тайм— менеджмент упрощает жизнь и позволяет реализовывать цели, мечты, проживать полную и яркую жизнь, но при этом оставаться эффективным сотрудником компании.

не дали, теперь в самый пик продаж убегаю забирать Данила из детсада, а в выходные и того хлеще – отдыхаю! Боюсь – попрут меня поганой метлой! Нам бы такую молодую бабушку, как ты, я бы работала да работала! А так...

Дело на самом деле близко к полному шваху. Мать Ленки слишком ленива сидеть с внуком, да и здоровья у неё на деятельного четырёхлетнего парнишку не хватало. Подруга работала в бутике модной мужской одежды уже лет ...цать, и увольнение ударило бы не только по карману, но и по её жизни.

– Лен... Наверное, мы можем помочь друг другу. Ты во сколько дома будешь?

– До шести работаю и большими скачками за Данилом в сад, потом час гуляем и домой. К восьми буду, не раньше. Оксан, стыдно признаться, но у меня в холодильнике шаром покати.

– Война фигня, главное – манёвры!³ Жди меня вечером и, знаешь что... ключи для меня сегодня можешь сделать? Или... давай, я сейчас возьму у тебя и сама сделаю? Я недалеко от ЦУМа.

– Да легко! Жду! Как раз расскажешь, как мы будем выплывать в этой жизни дальше.

– Отлично будем выплывать! Иду!

Завершив разговор, я, наслаждаясь переменой в жизни,

³ Разные источники выражение «Война ерунда – главное манёвры» приписывают Александру Суворову.

побрела вдоль витрин и офисных центров по проспекту. Пока неожиданно из стеклянной двери одного из зданий не вышел Андрей.

– Мерзлота!

Сняв очки, я прищурилась от солнца и, склонив голову, поздоровалась:

– Привет, Андрей.

– Всегда нравилась эта песня.

– Ты мысленно здоровался с Аллегровой каждый раз, как её слышал?

– Как ты догадалась?

– Нетрудно было.

Мужчина засмеялся, и я залюбовалась мгновенным перевоплощением адвоката в мальчишку.

– Ты как тут, Ксан, каким ветром?

– По делам.

– По каким, если не секрет?

– Не секрет. По деловым.

– Я к тому, что уже освободился, и, если ты тоже уже деловые дела закончила, мы могли бы...

– Могли бы. Но у меня осталось ещё одно маленькое деловое дело. А потом с удовольствием могли бы.

– Ну ты просто балуешь меня сегодня, мерзлота!

– Я такая сегодня, ага!

– Тогда назови адрес делового дела и жди меня на его крыльце. Мне тоже надо кое-что уладить, чтобы мы точно

могли.

– Звучит по-адвокатски.

– Внушительно и убедительно?

– Многообещающе и с подвохом.

– Точно! Так и будет – сначала я много наобещаю, потом устрою подвох.

– Просто – «подведу». Ты всё портишь, адвокат.

– Я всегда выигрываю, мерзлота, – Андрей взял меня под локоть и прижался к щеке губами в мимолётной ласке. Несерьёзная интонация мгновенно сменилась твёрдой убеждённой. Он точно знал, чего хотел и что делал. Я поняла это совершенно определённо. – Итак, мерзлота, адрес?

Договорившись встретиться у ЦУМа на парковке, мы разошлись: Андрей, посигналив, уехал на серебристом «Мерседесе», а я, вздохнув и предвкушая скорую встречу, уже подходила к универмагу.

Ленка занималась клиентом. Я ждала, пока подруга освободится, прогуливаясь между рядами со стильной одеждой, и с удивлением ловила себя на том, что мысленно примеряла понравившиеся вещи на Андрея, интересуясь, есть ли его размер. Удивлялась ещё больше от того, что в голове бесконечно крутился вопрос – позвонить Марату или дожидаться его звонка? От воспоминаний о бывшем супруге бросало в дрожь. В хорошую дрожь возбуждения... азарта. Я вынашивала план, как вернуть его. Единственное, что удерживало

от немедленных действий – его сын. Я не знала, смогу ли полюбить его ребёнка. Но Ленкиного Данилку я не воспринимала иначе, как своего внука, и потому склонялась к мысли, что и сына Марата смогу принять всем сердцем. Почему-то не возникало мысли, что его ребёнок не будет жить с ним. Слишком сильно бывший муж грезил наследником, чтобы при разводе отдать его жене. А представлять, что возвращённый на исходную позицию супруг станет встречаться с сыном на территории неведомой бывшей, мне тоже не хотелось.

Андрей стал занимать в мыслях значительно больше места, чем я могла позволить себе. Его фраза о том, что «будущая жена не запланирована», расставляла нас по местам. Адвокат будоражил воображение, но на что-то серьёзное рассчитывать не приходилось.

– ...Всего доброго, приходите к нам за новой коллекцией! Всегда вам рады! – Лена попрощалась с привередливым клиентом и позвала меня: – Оксан, пойдём в подсобку, пока нет никого.

Устроившись на трёхногих табуретках за маленьким столиком в микроскопической подсобке, где двоим негде развернуться, мы пили ромашковый чай с мёдом.

– Вот ключи. Знаешь, где рядом их делают?

– Лен, ну конечно, знаю – сразу за углом.

– Ты только от подъезда делай, а от квартиры есть второй.

Вечером дам.

Подруга отцепила от связки чиповый ключ и положила на стол.

– А ты попадешь в подъезд, если я его заберу? Не хочется возвращаться.

– Попаду, конечно! Позвоню соседке по домофону, откроет. Рассказывай – что ты придумала про взаимопомощь? Чем я-то могу помочь тебе?

– Лен, я на работу устроилась. Завтра выхожу. Но у меня расписание электричек дурацкое – получается, что я или на час раньше на работу приезжаю, или на полчаса позже. А на автобусе вообще не вариант.

– Ну так живи у меня! Сколько раз уже предлагала!

– Вот и думаю – я могла бы Данила из садика забирать после работы и в выходные с ним оставаться. А ты могла бы работать. Но, если честно, это ненадолго, и тебе всё равно надо искать что-то другое.

– Вот... да. Надо, – настроение у Ленки заметно упало. – Я всю сознательную жизнь тут проработала. Но ведь вынудят уйти.

– Ты же раньше бизнесом занималась, повторить не хочешь?

– На какие шиши я регистрировать его буду, не говоря уже про остальное? Конечно, я постоянно думаю об этом, но толку-то?

– А сколько надо денег?

– А ты разбогатела уже? Сколько там твоя зарплата будет?

Пятнадцать?.. Ну, двадцать пять, если ты снова руководить будешь. И что?

– Давай месяц-два поживём, а там видно будет. Но, Лен, ты сама понимаешь, что всё равно тебя уйдут.

– Эх...

Долго отлынивать от работы даже в отсутствии покупатель-лей Ленке было нельзя, поэтому я ушла, едва допив чашку чая. Ключ сделали быстро. В ожидании Андрея я села на лавочку в тени раскидистой кроны старого вяза. Андрей позвонил через полчаса.

– Ксана, обернись!

Не ответив, я встала с лавочки и повернулась к парковке. Адвокат махнул рукой, обозначая своё присутствие. Отключив звонок, я пошла к нему. И опешила. Андрей приехал на квадроцикле. На большом чёрном квадроцикле.

– Ну что, красивая, поехали кататься?

– Ты как это себе представляешь? – я демонстративно посмотрела на свою белоснежную юбку, не закрывающую колени. – Мне завтра в этом ещё работать.

– Ты, сексуально задрав юбку, доедешь со мной до спортивного магазина, а там мы купим тебе костюм и тапочки.

– Угу. Сексуально задрав юбку.

– Здорово я придумал, да?!

Андрей заулыбался. Противостоять веселившемуся улыбаке не было ни сил, ни желания. Я огляделась вокруг – народ если и обращал внимание, то не на нас с Андреем, а на

квадроцикл. Во мне проснулась дерзкая оторва – в конце концов, я вижу этих людей первый и последний раз! Лукаво прищурившись, я подошла к адвокату вплотную и, глядя ему в глаза, аккуратно завернула юбку, сделав её короче вдвое. Положив руку на широкое плечо мужчины, встала на подножку и как можно грациознее перекинула ногу, усаживаясь за его спиной

– Горячая штучка! А ещё «мерзлотой» называешься!

– Не ты ли так назвал меня, друг сердечный?

– Ты не сопротивлялась, – Андрей снял с руля второй шлем и подал мне. – До «Кванта» потихоньку доедем, потом на Караульную гору... на нашу трассу.

– На «нашу трассу»?

– Ну да, ты не знаешь, что ли? Там, сколько себя помню, мото- и автогонки по пересечённой местности проводятся.

В памяти всплыли детские воспоминания. Когда-то отец брал меня на эти мероприятия, но тогда мне это было жуть как неинтересно. Никогда бы не подумала, что окажусь там снова. Тем более в сорок с лишним лет и на квадроцикле.

– Знаю. Прощай, юбка. Поехали.

Я опустила стеклянный визор и, перекинув ремешок сумки через плечо, взялась за ручку.

К многоэтажному торговому центру мы подъехали через пять минут. Андрей быстро нашёл, куда припарковать квадроцикл и, замкнув в багажнике шлемы, отправился со мной.

– Андрей, а не угонят?

– Пусть попробуют. Страховка, секретная блокировка, маячок и обратная сигнализация. Не беспокойся за него.

– Не хватает только таблички: «Принадлежит адвокату уголовной практики».

– Хм! Отличная идея, мерзлота!

– Одна голова – хорошо, а две лучше.

Магазин спорттоваров оказался недалеко от эскалатора на первом этаже. Напротив бутика интимных товаров «Напряжение». Мой взгляд волей-неволей обращался к витражам, завешанным дорогими портъерами, скрывавшими от случайного взора несовершеннолетних таинство взрослого мира. Подведомственный магазин попался не вовремя. Андрей не мог не заметить мой интерес и, расплатившись за покупки, в которых я вышла из «Спортмастера», приглашающе открыл передо мной дверь магазина интимных товаров.

– Мне нравится твой интерес, мерзлота. Лёд тронулся?

– Это ты умом тронулся! Что там делать?

– Заглянем в замочную скважину, – Андрей обнял меня за талию и легонько втокнул в «Напряжение». – Любопытство надо удовлетворять.

Я рассмеялась над двусмысленностью слов. Приложив палец к губам, адвокат прошептал на ухо:

– Веди себя прилично, мерзлота. В мире секса громкий смех на людей действует крайне неблагоприятно.

Отказавшись от помощи консультанта, мужчина увлёк ме-

ня в глубину зала. Сказать, что мне было неловко – это ничего не сказать. Мне было крайне неудобно находиться здесь с Андреем, и единственное, на что я могла смотреть без стыда – наручники, плётки, повязки на глаза и прочие аксессуары не физиологичного вида. Уставившись на один из подобных наборов, я неожиданно услышала тихий голос адвоката. Он касался губами моего уха, я чувствовала его горячее дыхание, от которого по коже побежали мурашки, а на лбу мгновенно выступила испарина. Мужчина проникновенно шептал:

– Я вижу, как ты лежишь со связанными руками... голенькая и аппетитненькая... смущённая... с блестящими глазами... я завязываю их... ты не видишь... не знаешь, что ждёт тебя... ты можешь только чувствовать...

– Ты извращенец?

– Грубо... Очень грубо, мерзлота.

Мне пришлось задрать голову, чтобы встретиться взглядом с Андреем. Он серьёзно, как ни в чём не бывало, посмотрел на меня и... поцеловал.

– Оксана, я тебе совсем не нравлюсь?

Я не готова была отвечать на этот вопрос так быстро. Не здесь.

– Не до такой степени, чтобы позволить завязать себе глаза.

– А если не завязывать?

Я сумела загнать себя в тупик. Сказать «нет» после всего

– глупо и неправда. Сказать «да» в этой ситуации... Пауза затянулась. Достаточно четырёх секунд, чтобы пауза стала неловкой.

– В адвокатской практике молчание на конкретный вопрос означает положительный ответ. Я не буду связывать тебя, мерзлота... Я буду тебя развязывать. Поехали, счастье моё. А то у меня от всего этого... – Андрей обвёл взглядом витрины и улыбнулся, – ...высокое напряжение.

На облюбованную Андреем трассу мы приехали минут через пятнадцать. Я слезла с квадроцикла и огляделась.

С Караульной горы открывался великолепный вид на город. Не высота птичьего полёта, но великолепие современного мегаполиса раскинулось широкой панорамой от исторического центра на Стрелке до еле различимого невооружённым взглядом Бобрового лога. Приглушённый низкими серебристо-цинковыми облаками свет низко осевшего к горизонту солнца уже не ослеплял, и будничная суэта города отсюда воспринималась копошением технологически продвинутых муравьёв.

Часовня Параскевы Пятницы, увековеченная Центробанком на десятирублёвой купюре, возвышалась левее того места, где собрались такие же любители экстремальных гонок, как Андрей. На её выбеленных стенах тени облаков и растущих рядом деревьев устроили настоящий театр теней. Может быть, всему виной моя разгулявшаяся фантазия, но я

воочию наблюдала, как сменялись на белом полотне исторические картины: вот известный купец воздвигает деревянную часовню в память о счастливом спасении из водоворота на речном пороге... а вот она уже служит караульной башней для стерегущих от врагов часовых. Неумолимое к дереву время разрушило часовню почти до основания, но красноярский золотопромышленник выделил немалые по тем временам средства на восстановление исторической архитектурной реликвии. Эх! Были же раньше в Красноярске меценаты, от души радеющие за родной город! Где же вы теперь, судари?

Я смотрела на часовню, как заворожённая, будто не видела её никогда, словно она не была давно знакомой. Ничего не изменилось в ней. Но, значит, изменилась я?..

Повернув лицо навстречу освежающему вечернему ветеру, я с удивлением поняла, что прошло не больше минуты. Андрей всего-то и успел, что поздороваться с единомышленниками и...

– Мерзлота, ты где? Ты со мной, краса моих очей?

Встрепенулась, стряхивая наваждение Времени. Я будто услышала голос города – немного низкий, с хрипотцой, скрипнувший деревянными половицами и хлопнувший воротинами с лязгнувшими железными затворами.

– Я всегда с тобой.

– Я тоже тебя люблю.

С удивлением обнаружив, что скрипнуло сиденье, а лязг-

нуло что-то со стороны протянувшейся под горой дороги, я покрылась мурашками от неожиданного признания Андрея. «Я тоже тебя люблю»?.. «Тоже»?.. Я ничего подобного не говорила!

Так легко разбрасывается такими словами? Ну, правильно! А чему я удивляюсь? Он же жениться не собирается, а соблазнить женщину легче всего, признаваясь в любви. Ведь что для одних – любовь, то для других лишь секс. И адвокат с самого начала не скрывал интереса ко мне, как к объекту удовлетворения своих естественных мужских потребностей. Вот только обхожусь я ему дорого, и возится он со мной уже долго.

Мне стало обидно. Досадно. И от неожиданной бури эмоций – странно. Что меня раз за разом заставляет встречаться с ним?.. Нравится он мне! Всем сердцем... и всем телом – нравится! Хочет меня?.. Да на, бери! Больше ничего тебе и не нужно?! Ну так давай уже получим взаимное наслаждение и расстанемся с щемящим чувством выполненного «долга», и я, наконец, займусь своей жизнью. Верну в неё Марата.

– Оксана, всё в-порядке?

– Всё, как должно быть, не сомневайся.

Получилось излишне резко. С наездом даже. Стало неудобно перед Андреем, и я отвела взгляд.

– Оксана, спрошу ещё раз – всё в-порядке? Ты в лице изменилась.

Андрей задал вопрос медленно, чётко расставляя акценты

и выделяя каждое слово. Я заметалась внутри себя, не понимая, что чувствую, что со мной происходит. Хотелось увлечь его в кусты и отдаться со всей страстью и фантазией, на которые была способна. А потом уйти, не оборачиваясь, и забыть его, будто и не было никогда. Но абсурд моего поведения выходил за рамки моего же характера. С адвокатом я становилась маленькой девочкой – глупой, слабой, беззащитной. Ощущение основательной надёжности и уюта рядом с ним обезоруживало. А brutальный облик, мгновенно стиранный мальчишеской улыбкой, делал мужчину необыкновенно притягательным, родным. И очень желанным. Но что я для него?

– Андрей, всё в-порядке. Честно. Просто немного страшно.

– Ну, если дело только в этом... Ты должна мне полностью доверять и не стремиться выскочить из седла раньше времени. Поняла?

– Будем считать, что да.

Или я искала в словах адвоката скрытые смыслы, или они там были. Но... я должна доверять полностью? Ну уж, ну уж!

– Мы не будем считать. Ты будешь мне доверять. Или мы вернёмся к вопросу о связывании. Ты услышала меня, мерзлота?

– Я слышу тебя, Каа.

Адвокат заразительно рассмеялся.

– Ну, тогда иди ко мне, моя бандердложка! Я буду тебя

целовать!

Мужчина сгрёб меня в охапку и запечатал не успевший вырваться из моих уст возглас протеста страстным поцелуем. Пока разум выбирал между желанием оттолкнуть или раствориться в ласке без остатка, руки обвили могучую шею мужчины, а губы отвечали взаимностью. Взаимностью отвечало само тело, прильнувшее к мужчине так крепко, что без поддержки его рук не устояло бы, рухнуло пред ним на поляну одуванчиков. Внизу живота развязывался тугой узел, скользя шёлковым прикосновением горячего вихря по коже до самых волос. Я не могла оторваться от его губ, не могла напиться его дыханием, не хотела останавливаться на этом. Я будто сошла с ума...

Андрей взял моё лицо в ладони и, обуздав воспламеняющую нас обоих неожиданно вспыхнувшую страсть, касаясь губ успокаивающими лёгкими поцелуями, прошептал:

– Никакая ты не мерзлота. В тебе – опасно высокое напряжение. Или сгоришь, или поделишься. Ты поделишься со мной, Ксана?

Сгорая от желания впиться в его губы, дрожа в его руках всем телом, я отрывисто ответила:

– Да... да.

– Я хочу тебя, как никогда никого раньше, Оксана. Унёс бы тебя в кусты и любил бы, пока небо не рухнуло. Но я не хочу вот так... здесь.

Я была согласна на кусты. Даже на этот ковёр из одуван-

чиков, ведь всё равно никого, кроме нас, здесь уже не осталось.

– Ты привык всё доводить до конца. Я помню, адвокат.

– Андрей.

– Андрей. Ты дашь мне порулить?

– Девочки любят сверху?

– Андрей! Ты же сказал – не здесь!

– Я про гору сейчас спрашиваю – ты поведёшь с горы или в гору?

– Ну ты и... адвокат.

Подхватив на руки, Андрей усадил меня на пассажирское сиденье.

– И снизу поведёшь, и сверху, но доминировать буду я. Держись крепко и ничего не бойся. Поехали.

Глава 6. Неспроста

*Я был влюбчив, я был выюбчив, но глаза мне отворя,
Бог шепнул: «Вглядись, голубчик... Это – женщина твоя»⁴*

Оксана ещё в тот памятный вечер в павильоне показалась беззащитной и несчастливой женщиной. Никогда не думал, чтобы можно плакать так, чтобы у меня – у меня! – сердце дёрнулось. Мало я разве видел слёз? Но чтобы плакать ТАК... Хватило простой решимости увезти домой ночную гуляку, и её прорвало, как худую плотину.

Она, будто дикий зверёныш – откусывается, как может. Никогда ещё так со мной не пикировала ни одна представительница прекрасной половины человечества. А Оксана и отталкивается, и тянется тут же. Как на резиночке.

Совсем не похожа на моих бывших. Взять Асю – сокурсницу. Ведь знала – сама адвокат, а душу вынула и раскромсала. Избалованная единственная дочь известного судьи, хорошистка по всем статьям на курсе оказалась никудышной женой и первой стервой, стоило выйти из ЗАГСа. А ещё говорят – мужчины после свадьбы меняются. Одна радость – сын. Антон! Настоящий мужик вырос.

А вот в этом уже заслуга второй супруги – Веры. Душевной мягкостью компенсировала стервозность Аси. Верочка

⁴ Евгений Евтушенко

– моя «подушка безопасности» – из тихой семейной гавани превратилась в унылое болото стенаний, что занимаюсь грязным делом – защищаю преступников. Будто безжалостный садист – нервы вытягивала медленно, но наверняка. Знала, за кого замуж выходила, но нет – оставшуюся кровь высосала.

Оксана не похожа ни на ту, ни на другую. А я, уже раз попав из огня в полымя, кажется, всё испортил. Хотел развлечь... отвлечь Оксану от неизвестных мне проблем, да и сам развлечься – себе-то что уж врать. Метнул бисер перед женщиной. А ей плевать, хоть он и был почти алмазный. Плевала на антураж, в глубину смотрит. Умная женщина. Зацепила.

Неожиданная у неё реакция на «люблю» оказалась. Сам идиот. Разве такими словами с такими женщинами разбрасываются?! Словно «Да на, подавись!» на меня набросилась. Не закокетничала, а будто стену выставила, хотя всем телом прильнула... Будто на прощание отдаться решила. Не удивительно было бы по лицу получить после такой близости. Заслуженно было бы.

Нет уж, милая моя женщина. Так не будет...

Я впервые каталась на квадроцикле. Всегда хотела, но ни разу не довелось. С дельфинами плавала – однажды подчинённые на день рождения подарили сертификат на это счастье. Это было невероятно!

Но и катание на квадрике оказалось не менее захватывающим. Адреналин только что не брызгал во все стороны, но что пропитал каждую клеточку тела – без сомнения!

Караульная гора оказалась полна сюрпризов. Трудно передать словами тот драйв и страх одновременно, когда Андрей на скорости нёсся в сторону крутого спуска и, с заносом меня направление, под урчание мотора взбирался вверх по склону. Адреналин тогда скатывался по спине холодным потом страха сначала от того, что на полном ходу сверзнемся с горы в карьер, а потом – что перевернёмся навзничь. Лишь через несколько минут, убедившись в устойчивости железного монстра и в мастерстве Андрея, визги страха сменились визгами удовольствия от скорости и ощущения полёта, когда «коня» подбрасывало на очередном ухабе. Тогда казалось, что в солнечное сплетение врывается космическая невесомость, мгновенно распространялась по нервным нитям и вырывалась на волю через поры вздыбившейся мурашками кожи, устремляясь ввысь моими восторженными визгами.

Удивительно, но, держа в напряжении, дикое ралли напряжение снимало. И верхом удовольствия стало положить ладони на квадрануль. С замирающим сердцем я тронула монстра с места. Конечно, я не носилась с такой же скоростью, но даже на той, что позволяла чувствовать себя уверенно, ощущения испытывала непередаваемые!

Сказать, что «дорога стелилась ровной лентой», как я писала в своём романе «Внедорожная любовь» – соврать. Со-

врать. И ещё раз – соврать. Она не стелилась! Она извивалась, стараясь выбраться из-под колёс квадроцикла, настойчиво стремилась выбить нас с сидений, подсовывая то яму, то камень, то крутой поворот.

Она напоминала мою жизнь, полную ухабов и провалов. И я так же настырно спотыкалась на тех же камнях, поворачивала в ту же сторону и стремилась держаться наезженной трассы. Так было безопасно.

Я только сейчас, сев за руль квадроцикла, поняла – безопасно не было. Проторённый путь не всегда лёгкий и правильный. Чаще наоборот, ведь дорогу прокладывали другие. Может быть... мне вообще в другую сторону?.. Я остановилась посередине серпантина. Посмотрела вверх, на вершину склона. Трасса извивалась клубком змей, но ведь можно и по бездорожью. Сколько можно катиться по тому, что мне не подходит? Сколько ещё я буду наткаться на камни, которые кто-то положил для себя, чтобы присесть и отдохнуть?

Снова стронув квадр с места, направила его поперёк серпантина. Прочертила новую дорогу. С трудом, не ведая подвохов неезженого пути, проваливаясь в ямы и выбираясь из них, рыча вместе с мотором на пределе возможностей, не замечая, как сжимаю мышцы живота и зубы, помогая монстру выкарабкиваться и взбираться по склону, вышвыривая камни из-под колёс... Остановилась на вершине, за трассой. Расслабив заболевшие мышцы пресса и разжав зубы, сняла шлем и слезла с квадроцикла. Ноги тряслись от напряжения.

– Лёгких путей не ищешь, Ксана?... Да ты вся дрожишь!

– Я что-то устала. Руки, ноги, зубы свело. Про живот вообще молчу. Но это было здорово, Андрей! Совсем не то, что по асфальту!

– Ну, ещё бы! Я тебе немножко завидую. Давно уже не испытываю такого драйва. Теперь для всплеска адреналина нужно что-то больше, чем эта трасса. Один бы я не сюда поехал.

– А куда?

– А туда, где грязь, и скользишь по ней, кружась, как на карусели. Где бездорожье такое, что больше летишь, чем едешь. Где каждая кочка – трамплин.

– Здорово! Спасибо, Андрей, за незабываемые впечатления.

– Звучит... как бы сказать... мне не нравится, как ты это сказала.

– Обычно сказала. Я домой хочу. Мне бы теперь после такого отдыха передохнуть. Я как из соковыжималки себя сейчас чувствую.

– А тебе ещё корову доить.

– Нет, я пока поживу в городе, у подруги.

– Я пошутил. Ты на самом деле устала, радость моя. Иди ко мне...

Андрей потянул за руку. Обняв меня, он осыпал поцелуями мой висок... щеку... уголок рта. Я стояла в его объятиях с опущенными, как плети, руками и закрыла глаза. Если

бы он подержал меня так ещё несколько минут, я бы уснула. Тело не отзывалось на ласку, хотелось в тёплую ванну, бокал вина и забыться.

– ...отвезу домой, скажи куда, Ксана.

– К тебе. Поехали к тебе?

Я посмотрела Андрею в глаза. На его лице мелькнула тень, на мгновение нахмурились брови. Мне хотелось уснуть с ним. Уснуть, чувствуя, как он обнимает. Ничего больше. Он же сказал «люблю». Пусть любит. Я мешать не буду. И поставим на этом точку.

В кармане завибрировал телефон. Я вздрогнула, вспомнив, что уже не первый раз ощущаю его вибрацию.

– Ты где пропала, Оксанка? Я тут картошку жарю, ужином тебя кормить, а ты где-то носишься.

– Ой, Лен, не спрашивай. Я тут Эверест покоряла... или он меня.

– Торговый центр, что ли? Там же всё дорого, что ты там забыла?

– Да забудь, Лен, проехали.

– Ну ладно, пусть проехали. Когда будешь?

Я снова подняла глаза на Андрея. Он прижал губы к моему лбу.

– Скоро буду, Лен.

Сунув телефон в карман, обвила крепкий мужской торс руками и прижалась щекой к груди. Так уютно, хорошо и спокойно мне не было очень давно. И расставаться с этим ощу-

щением не хотелось.

Андрей оказался предусмотрительным – в бардачке в пакете с искусственным льдом припас пачку сарделек и ломти чёрного хлеба. Мы поджарили их, бросив прямо в костёр. К Ленке приехали уже затемно, когда Красноярск вспыхнул огнями уличного освещения, рекламной иллюминацией и осветил дороги потоками и ручейками габаритных огней и фар автомобилей. Заехав по пути в ближайший к дому подруги супермаркет, Андрей пожелал мне хорошенько выспаться и пообещал позвонить в обед.

– Лен, разбери пакет с продуктами сама. У меня сегодня больше нет ни физических, ни душевных сил.

– Где же тебя носило, горемыка? Что на тебе, вообще, надето?

Я почти упала на стул в кухне, выложила на стол мобильный и откинула голову, упёршись затылком в стену.

– У меня было свидание.

– Да ладно?! Это с кем же, это с кем же, это с кем же?

– С адвокатом.

– Что, всё так плохо?

– Ты о чём?

– Ясно. Шуток уже не понимаешь.

– Уже не понимаю. Вымоталась. И танцевала я сегодня, и вибраторы с фаллоимитаторами изучала, и такой драйв получила!

– Чего ты сегодня делала?..

Лена вытаращила глаза, не поверив своим ушам. Объяснить ничего не хотелось. Я сморщилась, как от зубной боли, давая понять, чтобы отстала с вопросами, и, взяв предусмотрительно приготовленный для меня халат и ночнушку, отправилась в ванную. Запланированный разговор отложили до завтра.

Утром проснулась очень рано. Есть у моего организма такая особенность – стоит устроиться на новую работу или получить новую должность, как биологический будильник начинает издеваться: будит за несколько часов до звонка будильника механического. Так случилось и в этот день – до подъёма ещё два часа, а сна уже ни в одном глазу. Вставать и шуметь не хотелось – Лена и Данилка привыкли к тишине, а отсутствие дверей в комнате и на кухне в её малюсенькой однушке не располагало к активной деятельности. Слышимость была на грани фантастики. Поэтому я лежала на кресле-кровати, разглядывая потолок, положив руки под голову.

Мысли слонялись от Андрея к Марату, от предстоящего первого рабочего дня к недописанному роману. Меня пугало то, что я вчера почувствовала к адвокату. Мне нравилось давно забытое чувство влюблённости, но я боялась, что оно испортит мою жизнь окончательно. До любви ли теперь, когда надо оправдать доверие нового шефа, не ударить в грязь профессионализмом и, что ещё лучше, превзойти его? Пусть

Максим не думает, что такой весь умный, а я женщина. Но адвокат занял мои мысли полностью. Если я не думала их активно, то они фонировали в режиме ожидания.

Точно так же вели себя думы о бывшем супруге. Он для меня – наезженная дорога. Хорошо знакомая и понятная. Все десять лет я вела с Маратом не прекращавшиеся диалоги, спорила, что-то объясняла... Все эти новомодные психотехники про «отпустить прошлое» не сработали. Прошлое не отпускалось. Я все десять лет мучилась тем, что представляла, как бы сложилась наша с Маратом жизнь, если бы я не увидела на его столе секретаршу... или осмелилась войти в тот момент в кабинет... или просто бы скандал устроила, разбираться начала дома или в кафе. Почему я промолчала?

– Оксан, не спишь? – Лена поправила одеяло на заёрзавшем во сне сынишке и села на диване. – Пошли кофе пить.

– Данилка проснётся. Я бы уже давно встала.

– Завешаю проём покрывалом, не проснётся. Иди чайник включай, я сейчас...

Я потянулась каждой клеточкой тела и встала. Включив чайник, умылась и вернулась на кухню. Подруга настрогала колбасы и сыра, высыпала в вазочку шоколадные конфеты и села напротив.

– Ну рассказывай. Мне всю ночь пластиковые члены снились.

– Впечатлительная ты, однако.

– Хотела бы я на тебя посмотреть после новости, что я

изучала фаллоимитаторы и получила драйв.

– Ох, Ленка. Пора тебе замуж. Напридумываешь себе вечно.

– Кто бы говорил... Рассказывай!

– Да что рассказывать... Устроилась на работу в компанию, торгующую интимными товарами. Полдня смотрела презентации об этих товарах. Сегодня первый рабочий день. Правда, Максим пообещал, что он будет сокращённый на количество вчерашних часов. Так что освобожусь я рано.

– Ясно. А драйв от чего?

– От адвоката.

– Вау! Да?..

Ленка смотрела на меня с хитрецей, что делало намёк практически прозрачным.

– Нет! – я потрясла головой с наигранным негодованием: «Как ты могла подумать?!»

– Ну а в чём тогда драйв?

– Мы на квадроцикле катались на Караулке. Он мне порулить дал.

– Интересно, но не так, как было бы с искусственным членом...

Я рассмеялась и получила от Ленки шлепок по руке. Она прыснула со смеху, но напонила о спящем сыне и спросила:

– Рассказывай, что ты там придумала?..

Время за разговором с подругой пролетело быстро. Лена

с радостью согласилась принять меня на постой, а заодно и мою помощь, но ограничила её двумя днями в неделю в рабочие дни, сославшись, что в выходные летом всё равно покупатели отдыхают за городом, а то и вовсе в отпусках, поэтому продаж особых нет, как бы начальство ни настаивало, что это самые торговые дни. И что бутик элитный – ситуацию только усугубляло. «О сколько нам работы чудной приносит ум начальства скудный⁵» – любимая Ленкина присказка, которую я запомнила и старалась ей не соответствовать. Удивительно, как чья-то вскользь брошенная фраза может изменить отношение к профессиональным обязанностям и к людям... а то и всю жизнь.

На работу приехала рано и очень удивилась, что не одна такая – за полчаса до начала рабочего дня в офисе оказалось полно сотрудников. Девушки крутились друг перед другом, хвастаясь обновками, кто-то красил ресницы, а аромат свежесваренного кофе был настолько густым, что, казалось, его можно было видеть. Зарегистрировав время прихода в интерактивном журнале, я собиралась пройти в презентационную, где располагался мой, обставленный не хуже, чем у Максима, кабинет. Но уже знакомая девушка из отдела персонала буквально затащила меня в зону отдыха и познакомила с коллегами. Через минуту я вместе со всеми пила невероятный кофе с взбитыми сливками, корицей и кусочком кайенского перца. Такого я ещё не пробовала, особенно

⁵ Из интернета. Автор неизвестен.

вприкуску с шоколадной конфетой. Поинтересовавшись моими впечатлениями от собеседования, девушки вспоминали, как сие таинство проходило у них. Я с удивлением узнала, что шеф креативит неповторимо, но вопрос о точке джи задаёт всем.

– Оксана Георгиевна, а вы философию своей жизни наверняка уже знаете?

– Философию жизни?..

– Ну, в чём ваша точка джи.

– Даже не знаю, что ответить. Нет, наверное, ещё не знаю.

А вы уже знаете?

Девушка лет двадцати пяти, полненькая брюнетка из отдела рекламы, смотрела на меня с нескрываемым любопытством.

– Теперь да, знаю. Я ведь, видите, какая полная, раньше сильно комплексовала из-за этого, но мне нравится такой быть! И от этого становилось ещё хуже. Мама всегда говорила, что толстух никто не любит, я буду несчастна и так далее. Но, когда я пришла сюда работать, Максим пригласил меня на деловой ужин. Представляете?! Мы обсуждали наружную рекламу, разъезжая по городу на машине с откидным верхом, а Максим вёл себя так, будто у нас свидание, а не решение деловых вопросов. Видели бы вы, как на меня смотрели мужчины! А когда мы закончили обсуждение, шеф пригласил отметить удачные находки образов в ресторане. И там мы танцевали. Сначала с ним, потом меня пригласил Валера.

Я уже два года замужем и очень счастлива, – глаза девушки загорелись неподдельным счастьем, а пухленькие губы расплзлись в улыбке. – Муж любит меня такой вот полненькой, а я научилась любить себя и не подстраиваться под людей. Вот и вся моя философия – жить в мире с собой и окружающими. И вы, Оксана Георгиевна, обязательно поймёте что-то важное, что сделает вас счастливой. Вы, главное, верьте шефу. Вы ведь знаете, что он известный психолог?

Я удивилась. Ненадолго. Ведь это многое объясняло.

– Нет, не знала.

– Как?! Он на местном канале ведёт программу «Жизнь неспроста», его вообще в аппарат президента приглашали работать, но Максим сказал так красиво: «На свете слишком много несчастливых женщин, чтобы я тратил время, делая счастливыми президентов». А знаете, почему занятия танцами у нас обязаловка?.. Потому что Максим сказал: «Если женщина владеет телом – она владеет мужчиной. Если женщина владеет мужчиной – войны не будет. Владейте, женщины, своим телом!» Вот так! Добро пожаловать туда, где вас научат решать проблемы, быть счастливым человеком и нести людям мир!.. А вот и Максим!

– Доброе утро, красавицы! Танюша, у тебя новая юбка? Отлично подчёркивает талию, хороший выбор! Леночка, солнце, как наш Васенька, не рано ли ты на работу вышла?

– Всё уже хорошо, Максим, Василёк освоился в садике и больше не стоит под дверью и не плачет.

– Это радостно и стоит отметить! Кофе угостите? Но, если надо – уходи раньше, нет такой работы, чтобы ею заменить детей. Анжела, твой маникюр ослепляет! Тебя на весь день запомнили все мужчины, с которыми ты ехала в автобусе – это вне сомнений! Оксана, со вчерашнего дня я только о вас и думаю...

Я чуть не поперхнулась кофе. Девушки дружно посмотрели на меня, а недавняя собеседница – полненькая Ольга – подмигнула, давая понять, что это какой-то психологический приём. Не зная, как реагировать, я встретилась взглядом с Максимом и к своему ужасу, почувствовала, как заливаются краской щёки. Ладно бы только это, на лбу мгновенно выступила испарина. Боже мой! Я совершенно растерялась! Шеф положил руку на моё плечо, поблагодарил за кофе Настю, сделав комплимент туфлям из новой коллекции, и сообщил о родившейся у него идее провести в день города маппинг-шоу.⁶ Через час он ждал от коллег идей с тематикой светопреставления, а пока, взяв меня за руку, как маленькую девочку, повёл в кабинет. Тактильный контакт с Максимом... шефом... был неожиданностью. Но, как и вчера, он ходил по лезвию допустимого, не заступая черту.

– Оксана, вы уже заметили, что мы все на «ты»? Но к вам я не могу так обращаться. Почему?

– Наверное, потому что я новый человек, вы ещё не привыкли.

⁶ *Маппинг-шоу – лазерное шоу на фасадах зданий со спецэффектами*

– А вы можете называть меня на «ты»?

Я прислушалась к ощущениям.

– Не могу.

– Надо с этим что-то делать. Что предлагаете?

– Общаться на «вы».

– Действительно. Простое решение – пустить всё на самотёк. Стерпится, слюбится, привыкнется, образуется... Мне такой подход к жизни не нравится. Вы и к работе так же относиться будете?

Я возмутилась:

– А причём тут работа и обращение на «ты», «вы» или по имени-отчеству? Давайте, Максим, котлеты от мух отделять!

– Давайте. А что есть мухи? И что – котлеты?

– Я не знаю, что для вас котлеты, а что мухи.

– Вот! Истину глаголете, Оксана Георгиевна! А как понять... как разобраться в моих мухах?

– Узнать вас поближе. Тогда я буду знать, из какого фарша котлеты вы любите. Может, вы его из мух готовите.

– Вау!.. – Максим сделала паузу, шёпотом прокричав это «Вау!». – Я в вас не ошибся!

Вытащив из принтера лист бумаги, шеф нарисовал в центре жирную точку и положил завораживающую воображение картину передо мной.

– Что вы видите? – я собралась уже ответить, но Максим поднял обе ладони в упреждающем жесте: – Стоп, стоп, стоп, стоп! Не отвечайте сейчас. Прежде я хочу рассказать вам о

людях. Вы не поверите, но почти сто процентов людей перед смертью жалеют, что мало занимались сексом. Людей вообще не интересует ничего, кроме секса. Я уже вижу ваше недоверие и протест, но это так, даже если люди не отдают себе отчёт в собственных мыслях и желаниях – люди всегда думают о сексе. Неважно, чем они занимаются: едят, покупают одежду, идут в кино, включают телевизор или гуляют в парке – люди думают только о сексе. Это думание настолько естественно и жизненно необходимо, что стало частью любого человека, и поэтому чаще всего мы думаем о сексе, не задумываясь о нём. Как дышим. Мы же не думаем и не представляем, как раскрываются наши лёгкие, как насыщается кислородом кровь – мы просто дышим. И думаем о сексе так же ненавязчиво. Это правильно, иначе бы мы вымерли. Вся биохимия любого живого существа устроена так, чтобы выжил вид: мы улавливаем запахи потенциального партнёра, женщинам нравятся крупные мужчины, потому что они способнее защитить потомство и её, а мужчинам нравятся женщины с крупной грудью и широкими бёдрами. Выезжая на природу и рассматривая красивые пейзажи, мы говорим: «романтика»! А что есть – романтика? Это – эмоционально-возвышенное мироощущение, которое возможно, когда рядом с нами тот, кого мы любим. А раз любим, то рассматриваем, как объект сексуального влечения. Романтикой часто называют идеализацию мира, но это не романтика, а психическое отклонение. Мир не идеален, красота не

бывает идеальной. И мужчину, подарившего женщине букет ромашек, нельзя назвать романтиком. Настоящие романтики другие: они несут ответственность за отношения, не отвергают материальные блага, преподносят любимым женщинам презенты более ценные, чем букет полевых цветов, потому что их финансовый поток налажен. Романтики-мужчины непредсказуемы в организации совместного отдыха, предусмотрительны в мелочах. Снижая моменты неудобства для женщины, они подмечают настроение любимой, всегда на шаг впереди неё. Романтик – не равно парень с длинными волосами, пустым карманом и мечтательным взглядом. Это неудачник и халтурщик, а не романтик. Романтиков не сбивают с пути их ошибки и возникающие трудности. Умение ценить достигнутых благ учит романтика ценить женщину. Поэтому романтик никогда не станет изменять ей, обижать её, унижать, довлеть, заставлять... Продолжать список негатива можно ещё и ещё. Романтик – это не бунтарь и творческая личность, как нам навязала мировая художественная литература. Романтики – заостряют внимание ещё раз – люди, которые выбирают серьёзные отношения. И они пропускают всё через себя, через своё сердце, и тем самым знают цену искренности. Они искренни сами. И с ними легко быть искренней. Потому что романтик не посчитает женщину легкодоступной просто потому, что она обняла его. Не задержит ей юбку в подъезде просто потому, что она ответила на поцелуй. Романтик не будет плыть по течению, потому что над

настоящими чувствами надо работать. Работать над собой. Работать над предметом своих желаний. Романтиков интересует тот, кого он любит. Оксана Георгиевна, вы интересуетесь у новых знакомых, есть ли у них братья и сёстры? Живы ли их родители?.. Я уже вижу – нет, не интересуетесь. Максимум – есть ли на его пальце обручальное кольцо, стоит ли штамп о браке в паспорте и не записана ли туда пара отпрысков. Этого достаточно, чтобы глаза загорелись охотничьим азартом, который что?.. Утащит добычу в постель. Это не поведение романтика. Это даже не поведение мужчины. Да и женщины тоже. Вам, наверное, удивительно, что владелец огромной сети секс-шопов ведёт с вами высокоинтеллектуальную беседу о романтике среди прайсов на вибраторы, плётки, кляпы и вагины?

– Это как раз нормально. Я только не поняла про «интересуюсь ли я»... Это был упрёк?

– Это была пища для размышлений. После летучки мы с вами поедem в поля.

– В какие поля?

– В интимные, Оксана Георгиевна. Будем с вами заниматься сексом, пока не научимся обращаться друг к другу на «ты». Нет, так просто невозможно работать над новым дизайном членов и женских выпуклостей, если называть друг друга по имени-отчеству!

Ткнув пальцем в нарисованную точку, Максим вышел из кабинета, оставив меня сидеть с приоткрытым от возмуще-

ния ртом. Нет, это как, вообще?! Охренел? Вот тут точно перешёл границу! Нет, каков наглец! В каких-то полях! Сексом!..

В полях?.. В полях... На торговом сленге «полями» называются магазины сети. Вот же!.. Ладно, если «поля» – это магазины, то что в его интерпретации «заниматься сексом»?

До запланированной летучки оставалось чуть больше получаса, и я включила компьютер. Лист бумаги с жирной точкой посередине притягивал взгляд. После неожиданной лекции и, узнав, что шеф – известный успешный психолог с креативным подходом к работе и индивидуальным – к каждому человеку, я понимала, что эта точка – что угодно, но не точка. Вопросы Максима впору было записывать, что я и решила сделать.

Вынув из сумочки мобильник, я вдруг вспомнила вопрос: «Вы интересуетесь у новых знакомых, есть ли у них братья и сёстры? Живы ли их родители?» И поняла, что он прав – не интересуюсь. И никто никогда не поинтересовался об этом у меня. Люди слишком заняты собой, чтобы мало того, чтобы делать вид, что им интересна я, притворяться, что их интересуют ещё и мои родственники.

Пролистав список контактов, я нашла номер Андрея. Не знаю почему, но мне было жизненно необходимо поговорить с ним именно сейчас. Непреодолимое желание услышать его голос заставило заметаться по кабинету. Я боялась позвонить в неудобную минуту – вдруг он встречается с подзащит-

ным, в суде или за рулём? Я совершенно ничего не знаю о нём, кроме того, что он адвокат. И он ничего не знает обо мне. Он вчера даже не спросил, куда я устроилась работать. Я точно интересна ему только как объект охотничьего азарта. Но ведь и я его не спросила ни о чём!

Глава 7. Разреши себе себя

*А может, просто встать с другой ноги,
И вместо кофе взять и выпить соку...
И повернуть свои привычные шаги
В ту сторону, где будет больше проку...*

*И в этот день проделать всё не так:
Поставить от конца к началу числа,
И самый незначительный пустяк
Наполнить добрым и высоким смыслом.*

*И сделать то, чего никто не ждёт,
И рассмеяться там, где столько плакал,
И чувство безнадёжности пройдёт,
И солнце встанет там, где дождик капал.*

*Из круга, заведённого судьбой,
Возьми и выпрыгни на станции безвестной...
Ты удивишься – мир совсем иной,
И неожиданнее жизнь, и интересней.⁷*

Андрею я всё-таки позвонила. Мне было бы достаточно услышать «я занят, перезвоню позже», но он был свободен.

⁷ Наталья Гондарь, 2011

– Нечаянная радость, привет. Как дела?

– Привет, Андрей. Да вот... первый день на работе.

– Ты устроилась на новую работу?

– Если первую работу после переезда можно назвать новой, то да – на новую.

– Извини, Оксана.

– За что?

– Должен был поинтересоваться раньше. Знаешь, давай начнём сначала?

– Мне снова напиться и вылезти ночью в павильон на оставке?

– У меня есть другое предложение.

– Продолжишь испытывать на мне тяжёлую артиллерию?

– Скорее, лёгкую кавалерию.

– Повеяло ветерком и ароматом свежескошенной травы.

В голосе адвоката чувствовалась улыбка:

– Надеюсь, так и будет. Оксан, где забрать тебя с работы?

Мне совсем не хотелось, чтобы Андрей узнал, где я работаю. Мне ещё самой нужно было привыкнуть к этому. Взыгравшая обида и злость на семью отступила, и я уже не так полна решимости свергать горы на nive продаж товаров для интимного использования. Вчерашний запал остыл, и я растерялась. А Максим сумел выбить из колеи мгновенно, стоило ему появиться на пороге.

– Я ещё не знаю, когда освобожусь и где освобожусь.

– Не понял?..

– Работа сегодня выездная.

– Тебе нравится новая работа?

– Я не знаю. Вчера казалось – сверну горы. Сегодня – не знаю с чего начать.

– Кто-то же должен быть рядом, ввести в курс, расставить флажки на первом этапе?

– Вчера расставили, а сегодня всё равно как первый раз в первый класс. Вообще из колеи выбита.

– Извини, это я виноват – надо было вечером пораньше закончить наш экстрим.

– Романтик.

– Расшифруй?..

– Проехали... Андрей, у тебя есть брат или сестра?

– Брат. Дотошный и навязчивый тип. Почему ты спрашиваешь?

– Хочу о тебе всё знать. А родители?

– И родители есть. Как же без них? – в голосе адвоката снова послышалась улыбка. – Осенью у них годовщина свадьбы, пятьдесят лет вместе. Жаль, что у меня так не будет.

– Почему не будет?

– Адвокаты столько не живут, – рассмеялся Андрей, – им всё время кто-то угрожает. Или что-то.

Тревога коснулась сердца холодной рукой. Хотелось попросить сменить работу, не беспокоиться о нём. Но это же глупость будет. Что же теперь, всем людям бросить опасную работу? Лётчикам – не летать, машинистам – не водить по-

езда, капитанам – не плавать, а крановщикам – не строить дома?

– Я думаю, будет. Пусть в глубокой старости, но будет.

– Ты обещаешь?

Адвокат лез из Андрея при каждом удобном и неудобном случае. Сколько ему? Лет сорок восемь? Обещание может быть пророческим. Чем я хуже гадалки?

– Обещаю.

– Ловлю на слове! Увидимся и скрепим обещание как следует. Заодно и познакомимся поближе, а то целуемся, а ты ничего обо мне не знаешь.

– А ты обо мне.

– Немного знаю, Ксана. До встречи, радость моя. Рад, что позвонила.

От разговора с Андреем осталось приятное послевкусие – появился робкий намёк на уверенность в наших отношениях. Обычный разговор с адвокатом необыкновенным образом вернул рабочий настрой. Я села за стол и включила компьютер. Самое первое, что предстояло сделать – вставить корпоративную сим-карту и синхронизировать корпоративное мобильное приложение, позволявшее всегда находиться в режиме онлайн. Второе – объявить общий сбор супервайзеров и администраторов сетевых магазинов. И третье – облететь «поля» на той метле, что будет мести по-новому. Даже в отлаженном механизме нужно разбираться досконально. И именно это я и собиралась сделать.

Набросав план на ближайшую неделю, я успела только составить приветственное письмо и отправить его рассылкой на электронные адреса подведомственных салонов, как подошло время предстать пред ясные очи Максима. Обсуждение идеи маппинг-шоу много времени не заняло, и уже через час мы с шефом шли по улице в сторону ближайшего бутика «Напряжение».

– Оксана Георгиевна, знаете, почему я взял на эту должность именно вас?

Вопрос шефа не был для меня новым. Я и сама задавала его себе.

Моя карьера началась поздно, а я не отличалась постоянством – стоило мне постичь все нюансы на новом месте, как я начинала скучать, раздражаться на тех, кто годами не мог вникнуть в суть, и увольнялась без сожаления. Мне думалось, что всему виной как раз то, что впервые устроилась на работу уже в зрелом возрасте с кое-каким жизненным багажом. Два высших образования приучили много читать. И книги сделали меня. Я впитывала информацию, как мох дождевую влагу. Всегда любила интеллектуальные романы, смелых авторов, цепляющих сокровенные крючки и препарирующих повседневные жизненные вопросы пером, заточенным острее канцелярского ножа. Некоторые книги оставляли в душе рваные раны. И я лечила их другими книгами. Когда читаешь хорошие книги, начинаешь разочаровываться в реальности. А, раз побывав в толпе, начинаешь разоча-

ровываться в индивидуумах. Тогда очень трудно дружить. И дружбу ценишь как великое счастье. Учишься прощать ошибки подруги, учишься не заикливаться на её недостатках.

И тогда очень трудно любить.

Люди разучились любить. Люди научились зарабатывать деньги и тратить их на красивые, но ненужные вещи. Люди научились вести блоги и будить животные инстинкты просмотром порно. Люди научились пожимать друг другу руки, держа в кармане оружие. Люди научились лицемерно улыбаться, ведь так прописано в регламенте каждого работодателя. Они научились проводить «тренинги улыбок», доводя лицемерие до автоматизма, подменяя этим индивидуальный подход к сотрудникам и клиентам. Главное – улыбайся. И бей. Это стало принципом жизни. Улыбнись и убей. Убей в себе человека. Убей в себе искренность. Теперь даже противовирусные повязки делают с улыбкой. И никто не смотрит в глаза друг другу. Это страшно – посмотреть в глаза и увидеть правду. Люди научились трахаться и делать аборты. Научились питаться фастфудом и заказывать готовую еду на дом. Научились выделяться не умом и человеколюбием, а эпатажными одеждами и искусственными животными. Это ужас, когда под мышкой одетого как женщина немужчины болтается лошадка величиной с пекинеса. Люди разучились ездить верхом. Зато научились уничтожать животных. Это люди научились делать лучше всего. Люди благоволят котикам,

но убивают тигров. Люди научились выставлять в соцсети фотографии своих детей и доверять интернету тайны. Удивительно, но как легко можно узнать о человеке абсолютно всё, лишь зайдя на его страницу! Люди научились подражать мыльным операм, но не научились любить. Самое страшное – одни люди разучились любить, другие – не научились.

Никто никого не любит. Люди не любят своих детей, оставляя их воспитание «Маше и медведю» и «Свинке Пеппе», люди перестали читать детям книги, заменяя это священнодействие планшетами и детскими компьютерами. Единственное, что отличало человека от машин – умение любить – стало пережитком времени.

Марат был против работающей жены, и это полностью совпадало с моим убеждением, что главное женское дело – семья и дети. Мне не нужно равноправие с женщиной. Оно делает мужчину слабым, но не делает сильной женщину. Равноправие убивает мужчин и женщин. Стирает границы. И теперь немужчины и неженщины устраивают парады нетрадиционности. Жертвы нелюбви и лицемерия. Поколения равноправия.

– Не знаю, Максим. И что-то мне подсказывает, что не узнаю, куда делся мой предшественник.

– Никуда не делся, жив-здоров. Прямо сейчас держит вас под руку.

– Разве вы не владелец «Напряжения»?

– Совладелец. Но до вас в штатном расписании не было

должности руководителя отдела продаж. По большому счёту это даже не совсем то, чем вам нужно заниматься. Вы помните телефонный разговор с Анжелой?

– Помню. Ничего особенного, обычный разговор менеджера по персоналу с потенциальным соискателем.

– Так, но не совсем. Анжела отметила ваш творческий потенциал и... кстати, вы не обратили внимания, что в офисе всего пять сотрудников, не включая вас и меня?

– Не пять. Шесть. Кроме девушек на собеседовании видела женщину. Кто это была?

– Любовь Васильевна. Она готовит нам обеды и убирается. Вы сегодня не успеете отведать солянку в её исполнении, поскольку ваш рабочий день закончится после нашей дуэли.

– Какой дуэли?

– Сексуальной. А чтобы вам было интересно выиграть, предлагаю приз: если выиграю я – вы целый день будете делать то, что я захочу. Если вы – наоборот. Ничего некомфортного, но с эротическим намёком. Принимаете вызов?

– Даже не знаю. Вы не находите, что это чересчур?

– Вам не хочется покомандовать мужчиной?

– Никогда не хотелось.

– С эротическим подтекстом?.. Сказать «почеши мне спинку, милый» на глазах у девочек из офиса? Разве это неинтересно?

– А вам, как шефу и мужчине, это интересно?

– А кто сказал, что выиграете вы?

– А разве может проиграть женщина в сексуальной дуэли? Хотя я не представляю, что это вообще такое.

– Оксана Георгиевна, всё, что от вас требуется – немного похулиганить. Отпустить внутреннего ребёнка. Пусть он побесится от души. Пусть маленькая девочка, которую вы насильно делаете взрослой и мудрой, станет просто девочкой. Маленькой. Взбалмошной. Смелой. Открытой. И мне нравится ваша уверенность в победе!.. Вот мы и пришли.

Максим галантно открыл передо мной двери бутика интимных товаров.

– Это наш головной магазин. В других бутиках интерьер совершенно иной...

Интерьер бутика на самом деле разительно отличался от магазина в торговом центре. Там был магазин. Здесь – интимный салон. Убранство помещения изобиловало парчовыми и бархатными шторами, отделявшими небольшие тематические зоны: эротическое бельё соседствовало со стойкой афродизиаков, богатый выбор художественной и медицинской литературы о сексе граничил с эро-кухней, удивившей разнообразием сухих трав, специй, чаёв и даже эротично-экстравагантно выглядящих сладостей. Бордовые оттенки мягкой обивки с потёртыми под старину золочёными элементами мебели создавали атмосферу богатых будуаров. Подсвеченные витрины, явно выполненные по эксклюзивному проекту из массива дуба, уютно смягчались широкими мягкими диванами, буквально заваленными подушка-

ми. Интимность и царственность атмосферы навевали мысли о куртизанках. Смешанные чувства будоражили, а тело невольно одновременно и выпрямлялось, будто затянутое в корсет, и расслаблялось в предчувствии...

– ...пожалуй, вот здесь мы и расположимся.

Максим остановился около одного из двухместных диванчиков и отвлёкся попросить кого-то из персонала принести два стакана лимонада. На низком столике среди каталогов лежала толстая красочная «Энциклопедия сексуальных обрядов разных времён и народов». Большой богато иллюстрированный глянцевый формат издания привлекал внимание. Я присела на диван, провалившись в подушки. Сидеть с прямой спиной оказалось невозможно, я взяла в руки книгу и откинулась на невероятно удобную спинку.

– Оксана... – шеф секунду помедлил, увидев, что я листаю энциклопедию, и сел рядом. И без того неформальная интонация его голоса изменилась: он стал тихим, даже проникновенным, будто открывал тайны и намекал «никому больше не рассказывай, я по секрету сказал». Мужчина взял мою руку. – Секс такая же естественная биологическая потребность всего живого, как есть, дышать... спать. У разных народов свои сексуальные традиции, но их принято разделять на несколько направлений: одно основано на гармонии между душой и телом и известно, как «апполоновское». Оно восходит к древним римлянам...

Максим разглядывал кисть моей руки, легонько поглажи-

вая ладонь у основания пальцев.

– ...Второе направление – «либеральное», с терпимостью относится к любым сексуальным связям. «Оргиастическая» – это ритуальная культура. К «мистической» относится тантрический секс. Есть «репрессивная», в которой подавляется любое публичное проявление сексуальных побуждений и открытых разговоров о сексе. И у религиозных обществ часто принята «пуританская» культура...

Мужчина будто забыл о моей ладони, погрузившись в какие-то мысли. Его неспешная речь казалась мягкой и успокаивающей, он играл моими пальцами, как мог бы крутить карандаш. Его прикосновения вызывали странные ощущения – такие появляются, когда ты знаешь, что сейчас будет секс⁸.

– ...Я несколько лет путешествовал по странам, изучал сексуальные традиции разных культур, – Максим на секунду сцепил наши руки в замок, но тут же разжал и стал легонько поглаживать между пальцев. – Особенно запомнился Таиланд. Там все первые впечатления обманчивы, а настоящее ютится в монастырях и ветхих лачугах. Сексуальные нюансы формируются под воздействием общественных отношений. У тайца на первом месте всегда семья, в которой он родился – отношения между супругами не так важны, как отноше-

⁸ На ладони есть одно секретное место – между бугорками под средним и безымянными пальцами. Это проекция паховой области на ладони. Невинное поглаживание и разминание этой зоны может вызвать у мужчины вполне заметную эрекцию. Вторая эрогенная зона на ладони – это участок кожи между основаниями указательного и среднего пальца с тыльной стороны.

ния каждого из супругов с их родителями. Нам это трудно понять, но бросить жену и собственных детей тайцу гораздо проще, чем порвать связь с родителями. К тому же часто браки не заключаются официально и расторгаются с обоюдного согласия практически мгновенно, а тайландские мужчины одержимы молодостью и любят заводить «побочных» жён...

Шеф легонько массировал мою ладонь. Я чувствовала, как теплело внизу живота, заметалась в предвкушении нежности душа. В интимном салоне не было в этот час посетителей, кроме нас с Максимом.

— ...Склонность тайландских мужчин к внесупружеским связям с шестнадцати-семнадцатилетними девушками является основной причиной краха многих браков, хотя мужчина в тридцать пять лет у тайцев считается «поношенным» и уже старым. После разводов женщины остаются с детьми и, часто, родителями на плечах, а суды редко принимают сторону женщины...

Рассказ о тайцах, казавшийся неуместным, не мог вызывать во мне странные реакции. Я отчётливо чувствовала возбуждение. Оно предательски выступило румянцем на щеках и испариной на лбу. Я хотела отнять ладонь, но Максим не отпустил, снова на секунду сцепив наши руки в замок и продолжив ненавязчивые прикосновения. Я с удивлением поняла, что источником сексуального возбуждения оказался вполне безобидный массаж.

– ...Таиландские женщины прекрасно осведомлены о похождениях своих мужей и научились ставить на теле мужа «якоря». Гуляка чувствует, что секс с другой женщиной не такой чувственный, не так приятны ласки... чего-то не хватает. А дело в неактивированном «якоре»...

Я знакома с Максимом всего ничего – даже в полные сутки не сложатся часы нашего общения, но уже прекрасно знала, что просто так ничего шеф не скажет. И не сделает. И этот массаж, и эти «якоря» явно не просто ради поддержания беседы – всё это несёт какую-то логическую нагрузку. По мнению Максима. Но что делать с моим мнением? Которого не было. Вырвать руку – признать, что массаж имеет на меня сильное воздействие. Будто Максим сам об этом не знает... Но это был новый опыт, полезный для меня, как для автора эротических романов, и как женщине... на будущее. Но... это же бесконтактный секс! Не его ли предлагал шеф? Эту черту я переступить не могла. Но и гордо хлопнуть дверью я тоже не могла: эта работа – моё спасение, моя надежда на стабильность... мой будущий дом. Мои мысли метались, бились в висках молоточками, пробирали то холодом страха потерять обещавшую финансовую стабильность работу, то ошпаривали протестом подчиниться абсолютно всему, что навязывал Максим.

– Максим, – я отняла у шефа ладонь, – спасибо за массаж, но мне бы хотелось установить другой «якорь» – профессионально обоснованный.

– Оксана, ты не перестаёшь меня удивлять... – шеф оборвал фразу на полуслове, но уже через секунду улыбнулся, как обычно. – Я как раз стремился подвести разговор к тому, что «якоря» – вещь не всегда полезная. Есть такие, которые надо отцеплять. Ржавые крюки зачастую тянут за нами прошлое: неоправданное чувство вины, сожаление о содеянном... или о том, что могло бы быть, если бы... Жизнь не состоит из сослагательных моментов, они делают её похожей на измученную царь-рыбу, испещрённую ржавыми крючками с оборванными лесками, которые опутывают неразрывным коконом. Иногда нужен кто-то с ножницами, чтобы разрезать сослагательную сеть и помочь избавиться от якорей. Только не все царь-рыбы осмеливаются разрешить себе себя и принять помощь от человека с ножницами... А массаж... ты никогда не задумывалась, почему влюблённые часто держатся за руки?..

Несколько часов до обеденного перерыва пролетели, как пять минут. Незаметно, легко и очень быстро мы стали общаться с шефом, как давние друзья. Я отпустила внутреннего ребёнка, и с искренним любопытством и ни с чем несравненным удовольствием новых открытий впитывала всё, что рассказывал Максим. Мы, порой захлёбываясь смехом, искали небанальные зоны для установки якорей «поднять паруса»⁹ и «полный штиль»¹⁰. Эти шуточные названия роди-

⁹ Это небанальная часть тела, которой нужно уделять внимание в самом

лись в минуты дружеской потасовки.

Массаж... Это стало для меня самым трудным. Максим, разумеется, знал, какие ощущения и желания призван вызывать массаж ладони. Но он сумел продемонстрировать волшебную силу простых прикосновений к самой обычной части человеческого тела так, что я не чувствовала неловкости и не ощущала себя изнасилованной. Наоборот, я рассказывала, какие ощущения испытываю. И Максим отвечал тем же, ведь я делала массаж ему, повторяя за ним движения пальцев. Это была, скорее, помощь доктора пациенту, практическое занятие учителя с учеником. И действительно бесценный опыт, научивший не только не бояться откровенно признаваться в своих чувствах и желаниях, но и понимать, что испытывает партнёр.

Всё это разбавлялось интересными рассказами Максима о его поездках по миру в поисках необычных сексуальных практик, беседах о главной концепции нашей работы «делать

начале любовных ласк. Если правильно выбрать секретное место, которое обозначает «дорогой, скоро будет секс», то можно в будущем возбуждать партнёра, лаская эту зону.

¹⁰ Аналогично вместо надоевшего «у меня болит голова» можно поласкать завершающую зону, и романтические намерения вашего партнёра утихнут сами собой. Зоны должны быть такие, до которых редко дотрагиваются в обычной жизни. Если вы будете гладить вашего партнёра по плечу в начале каждого акта, то потом любое дружеское похлопывание в офисе может привести к ненужному возбуждению. В дальнейшем якоря желательны поддерживать в актуальном состоянии. Источник: <http://vitaportal.ru/seks-i-otnosheniya/erogennye-zony-u-muzhchin-chto-dolzhdna-znat-idealnaya-lyubovnitsa.html>

семьи крепкими, людей счастливыми и здоровыми». Дружеская беседа о товарах для профилактики и лечения мужских и женских заболеваний и сексуальных дисфункций незаметно перетекла в обсуждение трудностей интимной жизни людей с ограниченными возможностями. И я снова вспомнила массаж.

Я с удивлением и радостью открыла для себя мир интимных товаров совершенно с другой стороны – «Напряжение» звучало для меня гордо. Я уже без всякого стеснения задавала вопросы о назначении незнакомых предметов и способах их использования. О том, какие проблемы они решают, я быстро стала догадываться сама.

Когда время подошло к обеду, я совершенно отчётливо поняла, что Максим – талантливый психолог и очень мудрый человек. Я научилась видеть в нём мужчину и шефа, партнёра и друга, помощника и человека, которому нужна моя помощь. Он, уже привычно, был внимателен и многословен, но каждая сказанная им фраза несла смысл, заставляла смотреть на себя со стороны и познавать себя настоящую, не боясь вытаскивать на белый свет и «отцеплять застарелые крючки с оборванными лесками». Он ввёл меня в должность совершенно неожиданным образом, настроил на работу, вселил уверенность и понимание пути, по которому мне предстояло идти с ним вместе. За несколько часов узнала всё о товарах, которые мне предстояло продавать. Никогда ещё обучение не было настолько захватывающе интерес-

ным, качественным и коротким.

Мы и персонал магазина, как и редкие в эти часы посетители, хохотали от души, когда Максим предложил «помериться силами» и неожиданно кинул мне в руку метровый увесистый сувенир в виде члена. Нападая таким же, словно шпагой, он заставлял парировать удары и наступать в ответ, не давая зажать себя в угол. Когда сумела оттеснить шефа к дивану, и он, споткнувшись, рухнул на него, я провозгласила победу... и выиграла один день «покомандовать мужчиной», то есть Максимом, в офисе.

Когда мне позвонил Андрей, я извинилась и собиралась попросить адвоката перезвонить позже, но шеф сказал: «Нет ничего важнее близких людей. Мы не заняты ничем таким, что помешало бы уделить разговору несколько минут. Для родных человек должен быть доступен, даже когда ведёт переговоры с китайскими партнёрами», – и отправился наливать холодный цитрусовый чай со льдом. Я мгновенно вспомнила Марата, вечно «немогуговорить» для меня, но доступного для соседки. Неприятное воспоминание оказалось ещё одним ненужным якорем из прошлой жизни. И я вдруг поняла, что не хочу повторить всё сначала. И вычеркнула из жизненных планов пункт «вернуть мужа».

На встречу с Андреем шла другая я.

Глава 8. Три точки над

i

Чем дальше отделяют нас года,

*Тем голос памяти слабей и глуше
Не то, чтоб обуяло равнодушие
А просто время смыло, как вода,
Раздоры, непрощённые обиды...¹¹*

Вспомнилось вчерашнее ралли на квадроцикле, и сегодняшнюю встречу я ждала с нетерпением. Я бы не удивилась, если бы адвокат покатал на дельтаплане или предложил прыгнуть с Октябрьского моста на тарзанке. С ним хоть с парашютом. Он из тех мужчин, которые дарят чувство защищённости. И это пуленепробиваемое неприятности неприкасаемое ощущение, как фантастическое силовое поле, окутывало ласково, незримо и надёжно. Но сегодня я должна забрать из детсада сына подруги.

Андрей, как договорились, ждал у машины за автобусной остановкой.

– Ммм, мы сегодня улыбаемся! Редкая радость! – поцеловав меня в щёку, адвокат открыл дверцу. – Прекрасно выглядишь, Оксана!

– Спасибо, Андрей. Какие планы на сегодня?

– Сначала пообедать. Если бы у меня было больше времени, предложил бы пикник за городом, но...

– Пикник придётся отложить. Я вечером занята. Но на будущий пикник согласна!

– Рад, что у тебя хорошее настроение. Прости, запланировал прогулку верхом, но выкроил максимум три часа сво-

¹¹ Леонид Чашечников

бодного времени.

– Спасибо, что находишь для меня время.

– Один мелкий негодяй сказал, что для дорогих сердцу людей время есть всегда. Бывает – нет желания это время уделить. Но это не наш с тобой случай.

На секунду показалось, что я знаю этого «мелкого негодяя». Хотя, почему мелкого? Максим – не мелкий во всех смыслах мужчина. И на негодяя не похож. И вообще, что может быть общего между Максимом и Андреем?

– А кто этот «мелкий негодяй»?

– Мой брат.

– А. «Дотошный и навязчивый тип», он же «мелкий негодяй». Мне буквально рисуется знойный красавец, но редкостный аферист и проходимец.

– Не всё так страшно, но в каких-то моментах да – аферист. И женщинам нравится.

Портрет, нарисованный воображением по характеристикам адвоката, явно не соответствовал шефу, хотя что-то общее вырисовывалось. И я вообще удивилась собственному желанию сравнить незнакомого «дотошного мерзавца» с Максимом. Даже плечами повела недоуменно.

За разговором дорога до речного порта пролетела незаметно. Красноярск хоть и город-миллионник, но его центр, расплзшийся вдоль левого берега Енисея, компактный – всё в шаговой доступности. Плавающий ресторан, пришвартованный к пирсу, гостеприимно откинул мостик для посетите-

лей, а одетые в матросскую форму администраторы радушно приветствовали каждого гостя. Проводившая к столику юркая «юнга» звонким голоском пожелала приятного путешествия, предупредила о готовности врача помочь в случае морской болезни и, оставив меню и винную карту, весело улыбаясь, отправилась встречать следующего гостя.

– Бойкая девчушка. Солнечная такая. Душа радуется вместе с ней.

– Ника такая. Она – дочь капитана, с двенадцати лет каждое лето здесь. Между прочим, в этом году школу с золотой медалью окончила.

– Чудо, а не девушка. Глядя на таких детей радостно становится.

– Как дела у твоих дочерей?

– Ты про моих дочерей знаешь?!

– И про внуков знаю. Странно было бы не знать.

– Ах, да... Марат. У дочерей жизнь сложилась, всё хорошо. По мальчишкам скучаю, но такова участь бабушек.

– Глядя на тебя никак не укладывается, что ты уже бабушка. Хотя и мой сын женат, но они с невесткой слишком осовременены и путешествуют по миру охотнее, чем думают о детях.

– Дети не мешают ни путешествиям, ни личной жизни.

– По тебе этого не скажешь. Почему ты больше не вышла замуж?

– Ты много знаешь. Не думала, что Марат такой болтун.

– После вашей случайной встречи в кафе его на два дня вышибло. Он считает, что между вами не поставлена последняя точка.

– Серьёзно?!

– Я тоже так считаю, Оксана. Марат был счастлив с тобой, и ему казалось, что ты была счастлива с ним... Ему казалось?

– Нет, не казалось. Но он, похоже, простил себе... – я оборвала себя на полуслове. – Андрей, я не хочу говорить о Марате. Он женат, у него растёт сын...

– Марат не женился после развода. И у него нет сына.

Сказать, что новость меня ошарашила – ничего не сказать. Я почувствовала, как залилась краской, как почти осязательно зашевелились на голове волосы, как покрылись руки гусиной кожей. Моя внезапная реакция не могла остаться незамеченной. И не осталась. Поблагодарив за принесённый заказ, Андрей совершенно обычным голосом утвердил:

– Я и говорю – не поставлена между вами точка. Оксана, вам нужно расставить все точки над *i*, – взяв вилку и вонзив её в стейк из сёмги, адвокат продолжил: – Считаю это моей точкой зрения... Хотя наговорил я на целое многоточие.

Лена вернулась домой, когда я уже искупала и уложила спать Данила. Устало опустив у кухонного стола несколько набитых под завязку пакетов с продуктами и глухо застонав, плюхнулась на табуретку и вытянула ноги.

– Устала до чёртиков в глазах.

– Чай будешь? Или ужинать? Я Данилкин любимый суп с колбасой варила, так что на кулинарные шедевры не рассчитывай.

– Нет, не сейчас. Сначала в ванну. С пеной.

Подруга пошла в комнату, на ходу стаскивая с себя юбку. Я разогрела ужин, разобрала пакеты с покупками, поставила заряжаться брошенный на столе Ленкин телефон. Дожидаюсь её из ванной, строчила на смартфоне продолжение своей книги и никак не могла выбросить из головы слова адвоката: «Марат не женился после развода. И сына у него нет». Но спрашивать о подробностях жизни бывшего супруга я, разумеется, не стала.

Лена вернулась на кухню спустя почти час.

– Спасибо, что с Данилом помогаешь. Мне очень неудобно, но...

– Брось, Лен. Ты столько для меня сделала за годы нашей дружбы, что это мелочи.

– Угу. Мелочи... Оксан, чего бы ты не смогла мне простить?

– За тридцать семь лет нашей дружбы ты не сделала ничего такого, за что тебя надо было бы прощать. Или не прощать. Ну разве что я не прощу тебе того парня из трудового лагеря, которому ты понравилась больше, чем я. Век не забуду, как я прихорашивалась на дискотеку, три дня на поле строила ему глазки, а он подходит и приглашает на танец тебя.

Ленка улыбнулась.

– Ну, это тебе придётся мне простить. Он пригласил меня, и весь танец... да что там танец... весь вечер задавал вопросы о тебе. Всё боялся, что такая красивая девушка просто посмеётся над ним. Ты разбила его сердце.

Я удивилась.

– Ты серьёзно?!

– Помнишь, каждый вечер заходил за мной в отряд и звал гулять?.. Вот он мне выносил мозги вопросами о тебе. И всё время спрашивал, может ли он тебе на самом деле понравиться, и что я думаю о его глазах, ушах, губах, фигуре, мускулах, которых там почти не наблюдалось... Только не смейся... но он просил меня научить его целоваться, чтобы тебе понравилось. На этом моё терпение кончилось, и я его послала...

Я захохотала, не в силах сдержаться. Ленка поддержала, в красках рассказывая, как объясняла горе-ухажёру, что понятия не имеет, как мне нравится целоваться, потому что со мной не целуется.

– ...Ну и тебе говорить ничего не стала. За тобой тогда Крик ухаживать начал. Вот это был крутой парень.

– Крик... да, вспоминаю. Из местных, деревенских. Молодой тракторист.

– Да-да, он самый. Только я так и не поняла, почему он Крик. Это же прозвище было.

– А я его имя узнала, только когда последний день на по-

ле работали. Кир его зовут. А Криком его младшая сестра называла. Ей тогда два или три года было, и она не могла его имя выговорить. А то, что получалось, походило на «крик». Так его и стали называть... Но я не поняла, Лен, к чему этот разговор? Что я должна тебе прощать или не прощать?

– Ты мне ничего не должна. Это я тебе должна.

Лена тяжело вздохнула и посмотрела как-то затравленно, заставив сжаться сердце в тревожном предчувствии. Мне стало немного не по себе. Снова мелькнула мысль о Марате.

– Лен, когда у тебя выходной будет?

– А когда надо?

– Я ещё не знаю... Хочу познакомить тебя с адвокатом.

– С удовольствием!

– На пикник с Данилом поедешь?

– Можно. Почему нет? А когда?

– Андрей сказал, скорее всего, теперь получится только через неделю-две. Пока он по уши занят новым делом.

– Скажи заранее, чтобы я подменилась на пару дней.

– Договорились... Лен... Андрей – партнёр Марата по бизнесу. И он сказал сегодня, что Марат не женился после развода. И у него нет сына.

Лена замерла, так и не донеся до рта кружку с чаем. Я словно видела, как в её глазах быстро прокручиваются мысли. Она сдвинула брови и медленно вернула кружку на место, пальцем отодвинув её от края стола, будто отводила опасный кипяток от обрыва. Пауза уже сильно затянулась.

Неожиданно охрипшим голосом, будто что-то мешало в гортани, подруга проговорила:

– А... кто же тогда... те женщина и мальчик... с которыми я видела... его?

– А это интересный вопрос. Я тебя хотела спросить, как давно ты разговаривала с Маратом, и что он говорил?

Лена посмотрела на меня пристально и как-то странно. Будто пыталась заглянуть в душу.

– Пять лет назад... Я поддатая возвращалась со дня рождения, зашла за минералкой в павильон на остановке... пить хотелось дико. Он там с каким-то мужиком был, тоже изрядно пьян. Ничего путного не говорил, как сама понимаешь. Только наезжал, что я скрывала, где ты, и что он тебя из-под земли достанет и вернёт, потому что любит и не понимает, почему ты сбежала... Но кто тогда та женщина и мальчик?

– А когда ты видела их вместе последний раз? И первый?

– Первый – года через два после твоего отъезда. Он с беременной женщиной в машину садился. А потом из молочной кухни выходил, которая около вашего дома. Меня всё время бесило, что он уже женат и с ребёнком, а мне мозг выносит, о тебе допытывается. Я ему как-то ткнула, что пора бы заняться новой семьёй, он глаза по кубику сделал и переспросил: «Какой ещё новой семьёй?» Я тогда про мальчика и женщину сказала, а он небрежно отмахнулся и поморщился, сказав, что это не моё дело.

– Ясно, что ничего непонятно. Ну а ты что за долги передо

мною придумала?

– Да это я так... Проехали.

– Ну, проехали, так проехали. Но ведь должна быть причина несостоявшихся откровений?

– Первая причина – это ты, а вторая – все твои мечты, третья причина – это ложь. Кто прав, кто виноват – не разберёшь...¹²

Лена встала, коверкая слова песни, собрала со стола посуду и включила воду. Я слушала, как мелодично она уродует текст, написанный Игорем Николаевым, и думала...

Не рано ли я вычеркнула из планов пункт «вернуть мужа»?

Я никогда не разговаривала с дочерьми об их отце. Старшая – Ирина, возобновила контакты с ним, когда, родив первенца, поехала погостить в Красноярск к однокласснице. Тогда она и познакомила Марата с первым внуком. Позже привозила ему и второго, и в отпуск с мужем они ездили всегда в Красноярск. Потом так же сделала и Яна. Я знала, что бывший супруг помог выплатить старшей дочери ипотеку, материально поддерживал обеих в трудные времена, компенсируя годы отчуждения. Всё это я узнавала вскользь. Запретив дочкам раз и навсегда говорить со мной об отце, я не препятствовала их общению. Только просила оградить меня от новостей его жизни. А его – от новостей моей жизни. И никогда ни в коем случае не давать ему мой номер телефона.

¹² Стихи Игоря Николаева

Я чувствовала, что между нами не оборвалась связь. Тот самый крючок с запутавшейся леской резко законченных отношений.

«Точка зрения» Андрея ударила словно обухом, заставив биться сердце так сильно, что я готова была поклясться – адвокат слышит каждый его удар. Если он считает, что между нами остались нерешённые вопросы, значит, они есть. И их видно невооружённым глазом окружающим меня людям. Лена, которая не любит и как-то даже болезненно относится к разговорам о Марате, тоже вчера удивила – впервые она ответила на мои вопросы, не попытавшись пресечь любопытство и не напомнив, что десять лет – большой срок, пора забыть. Вычеркнуть. Жить дальше. Смотреть вперёд. Это всё арсенал её доводов и аффирмаций. Жизнерадостная подруга мрачнела, стоило упомянуть имя бывшего супруга. Если бы я не знала Ленку, как себя, наверное, подумала бы, что их что-то связывает. Какой-то неприятный инцидент.

– Оксан, ты уже не спишь?

– Нет. А ты что подскочила ни свет ни заря?

– Кажется, я заболела. Всю ночь голова, как чумная, сил вообще нет. И не спала путём, и как работать весь день на ногах – не представляю.

– На больничный?

– Ты что, какой больничный?! Я с Данилом на больничный уйти боюсь, уволят «по собственному желанию», а ты

говоришь... Буду мучиться.

– Вот и отменили рабовладельческий строй... Тебя бы в «Напряжение». Шеф у нас необычный, штучный вариант. Не могу представить, чтобы он повёл себя подобным образом.

– Членами торговать? Не вижу себя в этой роли вообще никак.

– Я же тоже сначала не представляла.

– Ну ты-то рукой водишь, пальчиком грозишь. А я что? Простая торгашка. «Какой пенис вы предпочитаете? Розовый или негритянский? Вам со вкусом миндаля или голубики? Ах, что вы, что вы! Это совершенно не аллергенный материал! Вы только посмотрите, какая головка, какой размер, какой дизайн!»

Я уткнулась в подушку, глуша дикий хохот и стараясь не разбудить мальчишку раньше времени. Ленка, стоя в короткой шёлковой сорочке с распущенными по плечам, как у меня, светлыми длинными волосами и большими серыми глазами, наигранно жеманничала, изображая стеснительного, покрывшегося краской неловкости продавца.

В школе нас часто принимали за сестёр, пусть не родных, но чем-то похожих друг на друга. Мы одинакового роста и комплекции, часто покупали одинаковое постельное и нательное бельё, и часто случалось, что наши покупки, сделанные врозь, тоже оказывались одинаковыми. Мы крепко дружили с первого класса. Никогда не соперничали, не требо-

вали друг от друга невозможного, не лезли в душу и всегда поддерживали друг друга.

Замуж Ленка вышла на год позже меня. Мы ездили отдыхать на хакасские озёра, и там у неё случился роман с местным парнем. Через месяц он явился на порог её квартиры с букетом цветов и предложением руки и сердца. Сначала всё было хорошо. Но, укрепив свои позиции в городе и квартире жены, он начал показывать своё истинное лицо. Лена любила Димку, терпела его измены и часто приезжавших погостить родственников. Гостили они месяцами. Потом у Димы появился внебрачный ребёнок, и Лена приняла его, скрепя сердце. Временами даже Марат сжимал кулаки и еле сдерживался, чтобы не расквасить физиономию наглому мужчине. А Димка со временем сел на шею Лены, бросив работу и дни напролёт почёсывая разжиревшее пузо перед телевизором.

Марат отказался приходить в гости к «дуре, которая тащит на себе не только эту наглую жирную морду, но ещё его отпрыска и всю вальсяжную семейку». Он всегда хорошо относился к Ленке, не раз забирал её посреди ночи к нам, спасая от взбесившегося бездельника. Нас Димка невзлюбил и запрещал подруге общаться со мной, и на это уже взбесился Марат. Он предлагал Димке работу охранником в его фирме, ругал Ленку за странную любовь и мазохизм.

Лена не обижалась, мечтала о ребёнке и ходила по многочисленным клиникам, где ей говорили, что у неё со здоровьем всё отлично и матерью она может стать в любой мо-

мент. Подруга просила обследоваться Димку, но он устроил истерику и, хлопнув дверью, на неделю уехал погостить к родне. Решив заняться генеральной уборкой, подруга нашла противозачаточные таблетки. И подала на развод. Он дался ей нелегко. Но время уходило, молодость и женское здоровье тоже. А претендента на руку и сердце больше не нашлось.

– Хватит ржать, пошли кофе пить. Надо себя как-то взбодрить перед работой.

Пока я умывалась, Лена сварила кофе.

– Я сегодня Данила сама заберу. У меня пока ещё график старый, воспользуюсь моментом и уйду пораньше.

– Тогда я к Ольге за вещами поеду после работы. Ты не против, если я компьютер привезу? Книгу надо закончить.

– Вези, конечно. Теперь у тебя впечатлений море, роман накатаешь офигительный!

– Когда-нибудь напишу о нас с тобой.

– Когда на пенсию выйдешь, тогда напишешь. Может быть, когда-нибудь у нас уже жизнь наладится. Не хочу читать о себе драму.

– С тобой любая драма превратится в журнал «Ералаш».

– Ах если бы, ах если бы, не жизнь была, а песня бы.¹³

Пора будить Данилку...

Сын стал единственной Ленкиной радостью. Всю бере-

¹³ Автор текста (слов): Энтин Ю.

менность она провела в депрессии, но рождение Данилки наполнило её жизнь смыслом. «Случайная связь в пьяном виде – и вот... Оксан, Бог меня наказал за эту связь. Я жалею о той ночи, но рада стать матерью. Прости, что говорю тебе это». Здоровья мальчику ни пьяное зачатие, ни Ленкина депрессия не добавили, но подруга сделала всё, чтобы компенсировать последствия и вылечить сына. Она долго носила его на массаж и сама научилась его делать, потому что мальчишка не сидел ни в шесть, ни в девять месяцев, ни в год.

Но, несмотря на физическую слабость, Данилка рос просто чудом: в три года он уже знал наизусть алфавит и считал до двадцати и обратно, складывал из кубиков слово МАМА и... танцевал. Научившись сидеть лишь в год и восемь месяцев, а ходить только в два – в три с небольшим года Данилка уже всюю плясал.

Лена растила его настоящим мужчиной, доверяла делать самому всё, что было ребёнку по силам – он включал стиральную машинку, запихнув в неё вещи, которые до этого сортировал по цвету, он с серьёзной мордашкой сам расчёсывался по утрам и с табуретки тянулся к крану помыть руки после прогулки. Ему в отдельный маленький пакет в магазине складывались сырки и йогурты, и малыш сам нёс свои лакомства домой. Он не был капризным, и разумом был старше детей своего возраста. Ощущалась в нём какая-то своя детская мудрость.

Я бы очень хотела, чтобы у него был отец, с которым он

научится сколачивать скворечники и играть в стрелялки из водяного пистолета, с кем бы он играл в футбол. Чтобы рядом был папа, который бы гордился маленьким мужчиной. И чтобы маленького мужчину направляла крепкая рука отца.

Глава 9. Кто старое помянет...

– Оксан, в следующие выходные хочу познакомить тебя с родителями.

– И «дотошным мелким негодяем»?

Андрей широко улыбнулся, и, будто собираясь с мыслями, потёр лоб.

– От знакомства с ним отвертеться точно не удастся, хотя я бы это прекрасное мгновение оттянул, насколько возможно.

– Настолько негодяй?

– Настолько дотошный. Своеобразный человек.

– Заинтриговал.

– Исход двух моих браков он предсказал и в красках расписал после первого же знакомства с будущими жёнами...

– И ты опасаясь, что и нашим встречам он предскажет скорый конец.

– Можно было бы опасаться, учитывая его стопроцентное попадание в точку дважды. Но нет, не в этом дело.

– А в чём?

– Я ж говорю – дотошный.

– Не волнуйся. После моего шефа никакие дотошные люди мне не страшны.

Я прильнула к Андрею, наслаждаясь прохладным летним вечером. Адвокат обнял меня за плечи, поцеловав в висок,

и рассказал о своей семье.

– ...Симка был трудным подростком. В двенадцать лет умерла его мать, а отец работал пожарным и задохнулся в дыму, когда парню едва стукнуло пятнадцать. Детдом – не то место, где помогут пережить психологическую травму. Сим угнал машину – решил убиться. Но не смог. Его так и нашли с машиной вместе. Он плакал от собственной трусости, от непонимания, как жить дальше и, главное – зачем. Дело закрыли практически сразу по отказу от заявления потерпевшей стороны. Сердце рвалось на части, глядя на мальчишку.

– Так это была твоя машина?

– Моя. Я привёл Симку домой прямо из участка, родители взяли над ним опеку. И благодарнее сына я не видел. Он справился с психологическим ударом, хотя тот наложил отпечаток на его жизнь и выбор профессии. Сейчас у него свой интересный бизнес, но Сим помогает мне в качестве официального помощника...

Есть люди, с которыми всё получается. Легко получается. Что угодно получается легко. С такими людьми легко пить кофе, не боясь капнуть на белую блузку и почувствовать неловкость. С ними легко, даже если окажешься на светском приёме в грязных кроссовках. Такие люди понимают всё. Абсолютно всё. Им не надо лгать, не надо ничего объяснять, не надо ничего выпрашивать и на что-то намекать. Они понимают, что в жизни есть место всему и часто невовремя.

Они испытали это не раз на себе. С такими людьми легко. С ними всё всегда получается. Само собой. Естественным образом.

Таким человеком был Андрей.

Последние две недели у нас было мало время на общение, но я не чувствовала себя забытой, второстепенной. Андрей звонил утром, чтобы попить со мной по телефону кофе и пожелать успешного дня. Он, когда мог, ждал меня на обед в суши-баре или кафе со шведским столом. Он интересовался моей работой, но я рассказывала о своих успехах обтекаемо, не вдаваясь в подробности, где работаю. Мы гуляли по городским улицам, взявшись за руки, и я, вспоминая уроки массажа, не спешила испытывать новые умения на мужчине. Мне не хотелось привносить в наше общение что-то искусственно навязанное. Мне нравилось всё, что между нами происходило и то, что главное ещё не случилось. Я чувствовала влечение к Андрею, и чувствовала его желание, когда он целовал меня. Научившись с помощью Максима понимать язык тела, я видела, как стремится ко мне Андрей, но мы оба будто чувствовали, что время ещё не пришло. И с удовольствием общались, как подростки, неистово желавшие, но всё же отодвигавшие волшебный миг плотской любви. Мне казалось, что это станет поворотным моментом. Окончательным решением.

Андрей стал неотъемлемой частью моей жизни. И первым мужчиной, которого я не сравнивала с бывшим мужем.

О Марате мы больше не говорили ни с Леной, ни с Андреем. Но он стоял между нами тяжёлой тенью моего прошлого. Я боялась признать, что разрушила семью собственными руками. Меня не отпускало чувство вины, что оставила дочерей без отца, что надолго лишила Марата общения с детьми. Я была благодарна ему, что он навёрстывал упущенные возможности. Благодарна, что не звонил, не вмешивался в мою жизнь теперь.

Я постоянно думала о бывшем супруге и всё больше понимала, что Андрей прав – пришла пора ответить за свои решения. Пришла пора выслушать Марата. Поздно, но я должна услышать то, что боялась услышать. Что боялась узнать все эти десять лет – узнать, что зря разрушила свою семью. Я понимала теперь, что натворила. Но не понимала... Что делать теперь?

Я не могла объяснить на суде, почему требую развода. Не могла упрекнуть Марата в плохом отношении ко мне или детям, не могла... боялась признаться себе, что боюсь испытать снова всё то, что заставила вытерпеть Лариска. Мне было очень тяжело простить мужа. Даже не простить. Забыть его измену. И быть счастливой дальше. А я была счастлива с ним. Измена с соседкой стала единственным пятном в наших отношениях. Как та точка на белом листе, что нарисовал шеф. Я теперь понимала, что она значит. Теперь я видела белый лист, а не маленькую грязную точку.

И, воспользовавшись командировкой Андрея и совпав-

шими с Леной выходными, я с волнением набрала номер бывшего мужа.

– Привет, Оксан.

– Привет...

Это было единственное, что я могла сказать. Просто не знала, о чём говорить. Будто не бывшему мужу звонила, а постороннему человеку. Будто нам поговорить не о чем. Будто ничего никогда нас не связывало. Я тёрла в замешательстве лоб и ходила по комнате, машинально собирая разбросанные Данилом игрушки.

– Как ты?

– Нормально. А ты?

– Оксан, давай увидимся? Прямо сейчас. Где ты?

– У Лены.

– Приезжай домой, я жду тебя.

– Марат... я не знаю даже...

– Боишься меня, что ли? С чего бы только?

– Нет, конечно, не в этом дело.

– Боишься не меня, а что вернёшься ко мне? В этом дело?

– Нет.

– Я жду тебя. Дома.

Марат положил трубку.

Ещё недавно я вынашивала план, как вернуть мужа. План обрастал диалогами, монологами, деталями, нюансами «случайных» встреч и намёков, слов, поцелуев и страстного примирения. И всё это оказалось ненужным. Нужно было про-

сто позвонить и... прийти домой.

Домой.

Туда, где я была счастлива. И несчастна. Туда, где мы любили друг друга...

Я села на диван в полной растерянности. Сердце бешено колотилось. Я не ожидала, что всё повернётся вот так. Ждала, что мы встретимся «на нейтральной полосе», в кафе, например. Уже и слова были приготовлены, и аргументы и вопросы...

Домой.

Такого смятения я не испытывала никогда. Но сделав шаг, надо идти до конца. Как бы тяжело и страшно не было. Сильно постаравшись взять себя в руки, я умылась холодной водой, переоделась и вышла во двор, где гуляли Лена с Данилкой.

– Оксан, ты надолго?

– Я... к Марату. Ненадолго. Надо поговорить.

По лицу подруги промелькнула тень, чуть дёрнулись брови и губы, но голос прозвучал, как обычно.

– Мы тут с мамами решили собрать деньги и заказать нормальную детскую площадку и резиновое покрытие, которое ты на московских фото показывала. Я сказала, что ты расскажешь сама про него.

– Да ничего особенного, сложность в том, что резину надо часто восстанавливать, латать, как ямы на дорогах. Кто это будет делать? Там же специальное приспособление, разо-

гревающее и заливающее и тут же разглаживающее покрытие. Слушай, на вот, возьми смартфон, тут фотографии есть, где уличные тренажёры, как раз хорошо видно это покрытие. Если что, звони на номер Марата. Последний набранный. Я недолго, потом в торговый центр поедем, Данилку в парк развлечений сводим, мне зарплата капнула на карту.

– Нет, ты мой тогда возьми телефон, Марату я звонить точно не буду.

– Давай. Я быстро.

Лена едва заметно кивнула и, обменявшись смартфонами, вернулась к группе мамочек. А я медленно, собираясь с силами и мыслями, шла в сторону дома. Идти всего три автобусных остановки, но так хотелось, чтобы они были бесконечные. Перед встречей не надышишься.

В подъезд я вошла минут через пятнадцать. Остановившись у двери квартиры, стараясь унять колотящееся сердце, шумно выдохнула и потянулась было к кнопке звонка... но почему-то почувствовала, что дверь не заперта. И нажала на дверную ручку.

– Оксана?.. – Марат вышел из комнаты на звук хлопнувшей двери. – Проходи. Рад, наконец, увидеть тебя.

Я замялась на пороге. Зачем-то схватилась за дверную ручку, но сразу же её отпустила.

– Тоже рада видеть тебя, Марат.

Бывший мой мужчина немного развёл руки, раскрыв ладони, будто приглашая в объятия. Я скинула туфли и шагну-

ла к нему – в любящие руки родного человека. Удары наших сердец отдавались в груди единым мощным ритмом. Марат уткнулся губами в мой висок и держал так крепко, словно боялся выпустить перед лицом смертельной стихии. А я искала в нём спасения. Я искала спасения в том, перед кем виновата. И знала точно – он всё поймёт. И сможет простить. Уже простил. Даже не понимая, в чём его вина... моя вина.

Мы простояли долго. Я «слышала» каждую мысль Марата и была уверена, что он знает, о чём думаю я. Мы разговаривали молча. За нас говорили крепко сжимавшие друг друга в объятиях руки, стекавшие по щеке и замершие в глазах слёзы, тихие вздохи и уткнувшиеся в шею губы. Мы не испытывали в тот момент влечения. Это были объятия, завершившие долгий путь друг к другу. Между нами не было страсти. Но было нечто, что становится ценнее со временем... с возрастом... опытом... с пониманием жизни и собственных ошибок.

Я положила ладошки на щёки бывшего супруга, кончиками пальцев разглаживая морщинки у его глаз.

– Ты по-прежнему хорош, даже лучше стал. Тебе идут морщинки... и седые виски. Ты такой солидный теперь. Только уголки глаз и губ немного опустились. Грустные.

– А ты не изменилась. Будто старшая сестра наших дочерей, хоть и морщинки появились. И губы... тоже грустно опустились уголки. И ты поправилась немного. Теперь ты стала ещё женственнее и привлекательнее. Наверное, наконец,

забросила фитнес и перестала оттачивать фигуру?

– И стала есть пирожные.

– Почему, Оксана? Что я сделал?

Это был трудный вопрос. Но ещё труднее был ответ. Две равновесные чаши весов, на которые сложились начавшиеся отношения с Андреем, и... ощущение новых отношений с Маратом. Я простила его и смогла бы снова быть с ним счастливой, но сможет ли он? Не встанет ли однажды между нами десять лет разрыва? Не вспыхнут ли позже, когда уляжется восторг воссоединения, ссоры и взаимные упрёки? Не будет ли ошибкой всё начать сначала? Мы изменились за эти годы, стали другими, и уже ничего не будет по-прежнему.

Но стоит ли тогда рассказывать Марату о той сцене в кабинете? Зачем тогда сейчас обвинять в том, что придумала? Зачем заканчивать отношения, оставляя его с чувством вины в том, в чём его вины нет?

– Ты не сделал ничего, за что тебя можно было бы упрекнуть.

– То есть, когда ты на суде говорила, что просто разлюбила – это была правда?

– Тогда мне казалось, что да. Потом поняла, что ошибалась.

– Когда поняла?

– Когда не сложились новые отношения

– Потом не сложились вторые новые. Потом третьи.

– Откуда ты знаешь?

– Девчонкам казалось юморным, что ты сбегашь со свиданий, отталкиваешь кавалеров перед «угрозой» оказаться в их постели. Но я взрослый человек и понимал – ты стала бояться доверять.

– Я всех сравнивала с тобой. И не находила того ощущения счастья и уверенности, которые давал ты. Ты ни в чём не виноват, Марат. Это я натворила дел. Прости... если можешь.

– Не виноватых не бывает, Оксана. Это я сломал тебя.

– Почему ты не женился?

– По той же причине – сравнивал с тобой.

– А женщина с мальчиком?

– Вероника, бывшая секретарша, жена Варлея. Она умеет разрушить жизнь себе и людям так, походя, между делом. Не прикладывая к этому особых стараний.

Марат выпустил меня из объятий и за руку подвёл к дивану. Мы сели, облокотившись на высокую спинку и повернувшись друг к другу. Мужчина не отпускал мою руку.

– Кому она ещё испортила жизнь?

– Встречный вопрос – а кому она испортила жизнь до «ещё»?

– Расскажу, если скажешь, как она попала к тебе и почему жила так долго?

– Неплохая, по сути, девчонка была, но легкомысленная и немного глупая. Есть такие, кто считает себя центром Вселенной, тянут на себя внимание, дразнят и балуются чужими

чувствами, но не способны переступить черту. Вероника любила быть центром внимания, но перегнула однажды. Варлей долго терпел её несерьёзные заигрывания со всеми подряд, и в один прекрасный день принёс чемодан с вещами на работу. Она беременная была, но Варлею уже было всё равно. Вера довела его до ручки намёками, что ребёнок, может быть, вообще не его. Хотела, чтобы муж ревновал. Я привёл её на пару дней, пока найдёт жильё, но она задержалась почти на шесть лет. Жила в маленькой комнате, платила символическую аренду и оберегала меня своим присутствием от внимания женщин. Так кому она «ещё» испортила жизнь?

– Нам.

Я всё-таки рассказала Марату о сцене в кабинете, сложила её с предсказанием Нонны и просьбами мужа родить сына. Чем дальше, тем труднее становилось рассказывать. Всё это выглядело полным абсурдом. Глаза Марата сначала расширились от удивления, потом на его лице прочно осела тень.

Марат молчал, напряжённо размышляя над моей исповедью. Он крепко сжал мою ладонь, я боялась пошевелиться. Наконец, он с паузами произнёс:

– То есть ты... сама придумала... сама обиделась... и не посчитала нужным ни спросить меня... ни просто войти в кабинет? Сошлись же две «умницы» на одном столе! Чёрт возьми! – Марат встал и заходил по комнате, заложив руки за спину. – Да я к Нонне пошёл, потому что ты настаивала. И это её предсказание вообще забыл уже на пути домой! Чушь

какая-то, – присев передо мной на корточки, Марат снова взял мою руку. – Оксана, я всю жизнь тебя ругал за привычку держать всё в себе. И она тебя подвела. Нас подвела. Ты понимаешь это? Ты понимаешь, что проблемы надо решать сразу, вместе? Что это за мазохизм такой у вас – женщин?! Почему вы любите издеваться над собой? Зачем?! Вас же понять нельзя, у вас вечно «не надо» – это «надо», а «надо», наоборот – «не надо». «Не подходи» – «иди сюда», а «отвали» – «немедленно обними меня покрепче». Если над вами не издевается мужчина, вы находите способ измываться над собой сами. Женская логика! Или полное её отсутствие.

– Видишь, как ты хорошо разбираешься в женской логике.

Я криво улыбнулась. Весело не было. Я пожинала плоды своей глупости. И недоумение Марата было совершенно естественным. Разрушить семью на пустом месте, сделать несчастными мужа и детей... Мудрой я себя не считала.

– Да есть один человек, разложил по полочкам. Только что нам теперь делать, Оксана?

– Не знаю, – я не могла заставить себя снова просить прощения. Нельзя простить то, что я натворила. Я сама себя не прощу. Так зачем теперь вымаливать то, что мне не нужно сейчас? Придёт время... – Ты будешь меня ненавидеть теперь?

– Ты сошла с ума? – Марат прижал к губам мои пальцы. – Я люблю тебя... но уже по-другому. Не знаю, как объяснить это.

– Я понимаю, Марат, – я вздохнула с облегчением и улыбнулась, – чувствую то же самое. Люблю тебя.

Я потянулась к супругу и обняла его. Так мы и сидели – в неудобной позе, обнявшись и не говоря больше ни слова.

Марат первым прервал молчание:

– Чай будешь? Я успел сбегать за твоим любимым, с чабрецом и мятой.

– Буду. Можно я, пока ты завариваешь, по квартире пройду?

– Разумеется, Оксан. Это всегда будет твой дом. И дом наших девочек. Кстати, Яна с семьёй переезжает жить ко мне. Как раз утром отправил ей данные своей карты, оплатить контейнер. И нам с тобой надо найти квартиру для тебя, Оксана. Жить у подруги, даже такой замечательной и преданной, всё-таки перебор, при живом-то муже.

– Ты всё-таки считаешь себя моим мужем?

– И всегда буду считать. Ты – мать моих детей. И всегда будешь женой, даже будучи замужем за другим. Просто ощущение это другое.

– Я понимаю тебя.

Марат ушёл на кухню, а я вошла в бывшую детскую комнату. Здесь ничего не изменилось, только добавилась кровать для младенца и поменялись обои. Всё тот же письменный стол и лампа, тот же шкаф и та же картинка с журнального разворота на дверце, с выгоревшим на солнце краем. Ничего не изменилось в спальне, только телевизор, как и в

гостиной, сменился на современный. И мой туалетный столик... с засунутой под раму вокруг зеркала семейной фотографией. Было видно, что она никогда не вынималась, только пыль вытиралась вокруг и с неё самой, и от этого почти оторвался уголок.

Сердце защемило. Это была моя жизнь. Семейная жизнь, которую я разрушила.

Я задержалась у Марата намного дольше, чем планировала. Мы говорили обо всём: о переезде Яны, о моих книгах, которые Марат читал, узнав от дочерей, что я пишу, о том, как он стал владельцем «Сэнсэя», и что свело его с Андреем. Рассказал и трагично закончившуюся историю Вероники.

Она доставляла Марату массу неприятных моментов и навязывалась если не в жёны, то в сожительницы. Но супругу не нравилась перспектива обзавестись женой-дурой, и он повысил ей плату за аренду и часто напоминал, что пора бы и честь знать. И хотя к мальчишке привязался, но вешать себе на шею его не собирался. Поэтому стимулировал неразумную девицу работать. Шесть лет она прожила в комнате наших дочерей, пока училась в институте, куда её, опять же, загнал Марат. Прокормить и вырастить ребёнка, будучи всю жизнь секретаршей – невозможно. Не скажу, что мне была интересна сама Вероника, но она стала частью нашей жизни, не самой приятной, но неотъемлемой и поворотной. Поэтому мы говорили и о ней.

Марат не раз наругал меня, что отказалась от его помощи, и не собирался принимать отказ теперь. Его самолюбие и мужское достоинство не давало ему покоя, и я не стала отказываться от покупки квартиры для меня.

Уже было совершенно понятно, какие между нами теперь будут отношения. Мы обрели друг друга... и отпустили, чтобы стать счастливыми. Единственный момент омрачал то облегчение, что я, наконец, почувствовала – Марат уже привык быть один и не планировал больше заводить семью. Он решил реализовать себя, как дедушка трёх замечательных мальчишек. Его глаза загорались счастьем, когда он говорил о них. Нетерпение, с которым он ждал Яну с малышом, усиливалось обещанием старшей дочери привезти сыночек к Марату на пару месяцев осенью.

Отношения с Андреем стали казаться несправедливостью – я не могла стать счастливой, разрушив жизнь супруга. Это было жестоко. Марат не подозревал, какие мысли обуревали меня. А я боролась с желанием разрыдаться.

И мне не нравилось, что между Маратом и Леной разверзлась пропасть. Марат по-прежнему относился к моей подруге хорошо, и был благодарен за поддержку мне, хотя и сердился за «тайны мадридского двора» и что Ленка скрывала «во имя дружбы», где я, «неразумная мать, шатаюсь по миру, отказавшись от его законной помощи с его детьми, балда осиновая». Я признавала свою величайшую глупость, и мне было стыдно, что я настойчиво просила Лену всё скрывать.

Я сама настроила подругу против Марата, и тень, мелькавшая в её взгляде при упоминании о супруге, меня печалила. Я решила, что пришла пора разобраться и с этой проблемой. И пригласила Марата на пикник.

Глава 10. Дотошный мелкий негодяй

Дождавишись, ты получишь всё¹⁴

Андрей из командировки приехал прямо ко мне. «Хаммер» осторожно вполз в Ленкин двор, виртуозно лавируя между припаркованных авто, подполз, как грязный вымокший щенок-переросток, к подъезду и остановился, приглушив свет круглых глаз. Сутки в пути не добавили машине чистоты – три последних дня в Сибири дождь лил с переменным успехом: то низвергал с хмурых небес цистерны воды, ломая ветки деревьев, то с мелодичным звоном барабанил по карнизам и плексигласовым крышам автобусных остановок.

Я ждала Андрея, обнимая себя и пытаюсь согреться, неосмотрительно выскочив в прохладу позднего вечера в шёлковом халате. Едва монстр остановился, я открыла водительскую дверцу и залезла Андрею на колени.

– Сумасшедшая женщина, я тоже скучал, – отодвинув по максимуму сиденье, адвокат крепко обнял меня, покрывая поцелуями щёки, шею, плечи...

Я томилась в его ласке, ощущая удивительный прилив нежности к брутальному адвокату. Я целовала его, ерошила короткую стрижку, заглядывала в глаза, с радостью находя в

¹⁴ *Арабская мудрость*

них теплоту и радость встречи.

Халат задрался и съехал на бок, обнажив ноги и половину того, что призван скрывать. Тёплая ладонь Андрея легла на бедро... медленно скользнула вверх по телу, вырвав вздох из пленённых поцелуем губ. Я прильнула к мужчине полуобнажённым телом, задержав дыхание от вспорхнувших в животе бабочек, когда его губы коснулись ложбинки между груди.

Оторвавшись от меня, Андрей смотрел в глаза с невысказанным вопросом.

– Расставила точки над і. Последняя осталась.

– Марат?

– И Лена.

– Не понял... Их же ничего не связывает.

– Я их связываю.

– К чёрту их, – Андрей снова завладел моими губами, но быстро отпустил и ссадил меня на пассажирское сиденье. Повернув ключ зажигания, осторожно вывел «Хаммер» со двора и вырулил на дорогу. Рванув в сторону леса на окраине микрорайона, сжал мою ладонь и не отпускал, пока не съехал в черноту густых сосновых крон подальше от дороги. Включив печку пожарче, повернулся ко мне: – Оксана... не так я это представлял.

Тронув кнопку сплит-системы, он не отрывал от меня взгляд, пока с тихим шелестом трансформировались сидения, образовав мягкое ровное пространство. Идеальное для того, чем я всем телом и душой хотела заняться с любимым

мужчиной.

Желание увидеть Оксану жгло немилосердно. Сердце начинало биться чаще, стоило вспомнить любимую женщину. Да что там вспомнить... Я не забывал о ней ни на секунду. Меня пугало давно забытое ощущение молодости... мальчишества, появлявшееся каждый раз, когда она была рядом. Зачем взрослой женщине мальчишка? Но рядом с ней хотелось быть мальчишкой: валяться на сеновале или ромашковой поляне, держать её ладонь и кружить на руках, теряя себя в её глазах. И безудержно хотелось её любить... нежить... баловать.

Я гнал машину без остановки больше двадцати часов. Хотелось увидеть Оксану ещё сегодня, уснуть со вкусом её поцелуя на губах. И я даже мечтать не мог, что полураздетая тигрица запрыгнет на колени и разрушит ту крепость, что я воздвиг, настаивая на близости. Пока она не расставит для себя нужные точки. Потому что близость с ней – это наше многоточие... наши запятые... наше будущее. Вместе с ней. И теперь уже на всю жизнь. Впервые захотелось жить вечно.

Не так я себе это представлял... Казалось бы, такое знакомое дело, отработанный природой механизм, ничего нового... но сейчас будто в первый раз.

Некстати мелькнувшее воспоминание о последней двадцатилетней любовнице с идеальным по всем стандартам телом... жилка... сухарик... Она так старалась понравиться

известному адвокату и крутилась в постели, как веретено, будто стремилась показать со всех сторон своё гладкое, без лишней складочки и изъяна скульптурное тело. Закатывая глаза, кусая губы, морщась и во весь голос вскрикивая, будто от боли, убила желание близости на середине процесса. А потом эти потоки слёз, призванные разжалобить меня и вырвать обещание ещё одной встречи, переиграть партию на новый лад и заполучить обеспеченное будущее... Театр одного актёра давно не впечатляет... не возбуждает. Отталкивает. А эти кошмарные стринги с безумным кружевным рисунком на микроскопическом треугольнике, что смотрится, как тату на причинном месте и вызывает только ужас – как это можно вытерпеть? Зачем?

Я провёл ладонью по уютному, согретому теплом женского тела мягкому хлопковому трикотажу обыкновенных трусиков. Приятная мягкость, скрытая ими, возбуждала до головокружения. Руки Оксаны, скользнувшие под резинку моих шорт, обожгли желанием ворваться в неё мощным толчком... и замереть в наслаждении первого мгновения близости. Это мгновение будет лишь однажды, и от того так сильно бьётся сердце, пульсирует во всём теле, отзываясь в эпицентре удовольствия. Лишь однажды это будет и для неё. Не потому ли на мгновение во взгляде метнулось смятение... страх, выдавая её волнение?

Всё получится, любимая... Я волнуюсь и боюсь, как и ты. Волнуюсь, что пропущу неявные сигналы твоего тела... бо-

юсь, что не смогу дать почувствовать, что испытываю к тебе... как люблю тебя... Не время для виртуозной игры... не время демонстрации умений и опыта... не время разных поз и слишком откровенных ласк. Первый раз волнуюсь так сильно, что замирает дыхание. И чувствую, как волнуешься ты. Сегодня будет особенная близость. Такая будет только раз.

Серебристая дорожка лунного света бессовестно заползла в салон машины, коснулась края ложа и замерла, нахально за нами наблюдая. Я улыбнулась ей... повернулась к Андрею, развязав пояс и стянув с плеч халат. Он упал мягким облаком, сминая шёлковыми складками моё смятение.

Я не собиралась... не думала, что первый раз с Андреем случится вот так неожиданно. Наверное, всему виной полнолуние... и выясненные отношения с Маратом... наверное, я разрешила себе быть собой... не таить желаний... не копить обид – невеликое богатство. Я не хотела больше скрывать, что чувствую. Однажды это погубило всё, что я любила. И я усвоила урок. И знала, что Андрей поймёт всё правильно...

С ним легко не стесняться своего неидеального тела и немодного, но приятного телу белья. Он не заметит невовремя хрустнувшее колено и ему всё равно, красиво ли спадает на мой лоб прядь волос.

Дождь забарабанил по крыше с новой силой, закрыл жемчужными нитями крупных капель машину от случайных

взглядов, растворил лунный свет, приглушив его чернильной темнотой туч.

Андрей, пробегая пальцами, губами касался там, где, словно эхом сладкого стога, покрывалась мурашками кожа. Он был первооткрывателем, и моё тело подсказывало ему ориентиры, а он ставил свои метки... свои «якоря». Я тронула на боку старый неровный шрам, и увидела мелькнувшее в его глазах смущение. Он так же, как и я, волновался о своём несовершенстве и трепетал в предвкушении.

Мужчина был внимателен и ласков, его любовь окутывала уютным покрывалом обыкновенного счастья. Он наливал сосуд моей души... наполнял негой и уверенностью... нежностью и любовью... счастьем и желанием. Наливал щедро, до краёв, отдавая всё, чем владела его душа... что носило его сердце... что наполняло его желания.

Он не брал.

Он отдавал.

Душа в душу.

И приятная наполненность моего лона не стала опустошающей, выкачивающей... она стала естественным продолжением... желанным... долгожданным... невыразимо прекрасным... до головокружения. До изогнувшегося радугой тела. До разлившегося тёплым прибоем предвкушения. До ощущения полёта в невесомости с замершим от трепетной ласки сердцем.

Я почувствовала, как пронеслась по сильному телу Ан-

дрея судорога удовольствия, когда он вошёл в меня... и замер на мгновение, сбившись с дыхания.

Моя женщина... Моя... Теперь навсегда – моя...

Всё, что было до этого мгновения в постели с другими, стало физиологическим актом охоты за удовольствием. Но с ней... с Оксаной это стало любовью.

Хотелось рычать на неведомых самцов, сжимая её в объятиях. Хотелось плакать от счастья обладать ею. Хотелось кричать, оповещая о том, что эта женщина – моя!

Меня переполняли чувства. Никогда прежде взмах ресниц не возносил на седьмое небо... никогда раньше блеск глаз, затуманенный желанием, не вызывал спазм внизу живота и не вырывал из горла поверженный стон. Она владела мной... моим телом... моим сердцем... Нет больше меня. Есть только ОНА. И в ней – моя жизнь.

Она – моё желание.

Она – моё счастье.

Она – смысл жизни.

Она – неотделимая часть меня. Я – неотделимая часть её.

В едином ритме удары сердца... В едином ритме движения тел... В едином ритме, сбивая дыхание... сменяя сомнения... сшивая половинки целого...

Сейчас и навсегда.

Душа в душу.

К Ленке во двор вернулись под утро. Оно мало чем отличалось от ночи, хмурилось низкими тяжёлыми тучами и затапливало тротуары и дворы потоками воды. Изумрудные ковры газонов сникли под натиском стихии, приняв в ослабевшие объятия уложенные стебли газонных цветов. Мы никак не могли расстаться, пережидали ниагарский дождь, сидя в тёплой машине у подъезда. Спать не хотелось, и мы, обнявшись, строили планы на ближайшие дни.

– В пятницу вечером заберу тебя до воскресенья. Поедем к родителям, Данила возьмём, на Матрёшке покатаем, даже если дождь будет.

– А через неделю Яна прилетает.

– Слетаются птенцы под родительское крыло.

– Марат на неё квартиру переоформляет, а сам задумался покупать или строить дом недалеко от города, хочет, чтобы внуки на природе росли. Мы ездили к Ольге, она показала несколько вариантов в своём посёлке.

– Примирились они с твоей сестрой?

– Да, всё нормально. Ты знаешь, Андрей, такое чувство, что съехавшая с рельс жизнь вернулась на нужную дорогу. Осталось примирить Ленку с Маратом – и будет соблюдено даже необязательное условие душевного равновесия.

– А что случилось между ними? Я ни разу не слышал о Лене, пока с тобой не познакомился.

– Это история такая... Ох... Трудным будем для меня пикник. Натворила я дел, Андрей.

– Всё, что ты сделала – привело тебя ко мне. Значит – всё, что ни делается, всё к лучшему.

Я вспомнила Марата, отказавшегося от личного счастья из-за меня. Из-за моей глупости. Меня терзало чувство вины, и я откровенно поговорила с Маратом. «Ты опять занимаешься мазохизмом? И теперь ещё и проявляешь садистские наклонности. От того, что ты будешь казнить себя, я женюсь, что ли? Чтобы твоя душа была спокойна? Ты мне совсем счастья не желаешь? Выбрось из головы эту глупость и прекрати решать за меня, что мне нужно! Всё приходит тогда, когда для этого приходит время. У меня ещё полжизни впереди, выйду на пенсию, буду ходить с цветами к соседке-пенсионерке и пить с ней чай. Всё будет у нас хорошо, Оксана. Не вздумай снова хоронить возможности устроить личную жизнь. И давай больше к этой теме возвращаться не будем». Что можно было ответить на это?.. И я не ответила. Только проглотила благодарные слёзы, улыбнулась и обняла супруга, так и не сумевшего стать бывшим.

– Но не всегда к нашему... Я люблю тебя, Андрей.

Адвокат приподнял мой подбородок. Показалось, он утонул в моих глазах... улыбнулся... провёл кончиками пальцев по щеке и очень тихо сказал:

– Никакая ты не мерзлота. Если бы ты только могла знать, как я люблю тебя.

– Я знаю...

Дождливое утро пятницы к полудню стало удушливо жарким днём. Асфальт нагрелся, испаряя лужи, заставляя горожан потеть и чертыхаться. Но ясному небу и солнцу к концу недели всё-таки радовались все. В офисе рабочий настрой растаял, как мороженое на плите. Предчувствие солнечных выходных не давало сосредоточиться на работе.

Я уже полчаса расхаживала по кабинету от окна к окну, волнуясь о предстоящей вечером встрече с семьёй Андрея. И если знакомства с его родителями не боялась, то неведомый «дотошный мелкий негодяй» тревожил – я всю жизнь чувствовала себя некомфортно в присутствии мужчин, которым можно дать подобную характеристику. Сложившееся заочно впечатление смягчало тёплое отношение любимого мужчины к младшему брату. К тому же Андрей накануне пошутил, что опасаться нужно ему, а не мне, потому как «Сим любим всеми женщинами». Когда я спросила его, сколько их у него, адвокат развёл руками в стороны, пожал плечами и просто ответил: «Да все!»

Не работалось не только мне – сотрудницы офиса собрались в комнате отдыха и пили холодный чай, поглядывая на часы. Я услышала весёлый голос шефа:

– Ну что, повелительницы ксероксов и инвойсов, запарились под кондиционером, что ли? – девчата засмеялись, отшучиваясь и жалуясь на хорошую погоду. Максим отпустил пару шуток к месту и неожиданно заявил: – Пишите коллективное прошение уйти с работы прямо сейчас. Получится ве-

село – отпущу всех! Не получится – суббота – рабочий день. Должно же у шефа остаться хоть какое-то доказательство ваших прогулов и моральное вознаграждение за сорванные рабочие планы.

Последние слова Максим произнёс, уже войдя в мой кабинет.

– Я заявление писать не буду. Не дождёшься.

– Отбиваешься от коллектива, царица невероятного «Напряжения»?

– Ох, Максим, что-то не до шуток мне.

Шеф мгновенно изменился в лице.

– Что случилось?

– Я от этого коллектива сейчас отбиваюсь, а вечером к другому коллективу прибиваюсь.

– Я очень умный, но сейчас туплю. Оксана, что случилось?

Я села в кресло, нервно сцепив руки в замок и хрустнув пальцами. Спohватившись, что это неприлично, почувствовала, как зарделись щёки, бросило в жар.

– Извини. Нервничаю очень.

– Боюсь, тебе не понравится, но, если ты не прекратишь издеваться над моим ангельским терпением, я выйду из себя. А ошкуренный ангел – зрелище не для слабонервных.

– Мне вечером предстоит знакомство с дотошным мелким негодяем.

Максим на секунду замер, сел в кресло напротив и корот-

ко переспросил, прищурив один глаз:

– С кем?

– С братом моего мужчины. Он его трепетно любит, но почему-то называет «дотошный мелкий негодяй».

– Что, такой негодяй?

– Андрей говорит – такой дотошный.

– А... Андрей... Оксана... – странное выражение, мелькнувшее на лице шефа, сменилось внимательным понимающим взглядом. – Что-то мне подсказывает, что тебе не о чем переживать, – посмотрев на наручные часы, Максим улыбнулся как-то особенно тепло. – У меня тоже личные дела запланированы, не есть хорошо прогуливать шефу, не взяв в соучастники персонал... Иди, Оксана, не томи свою душу. Дотошный мелкий негодяй будет счастлив познакомиться с тобой...

Посёлок Усть-Мана всё детство был для меня местом, на которое я смотрела из окна отцовского автомобиля во время редких поездок в Дивногорск – город-спутник Красноярска. Красоту устья горной реки, сливающейся с «большой водой» – так по-эвенкийски звучит Енисей – описать словами невозможно... невозможно передать словами величие северной тайги.

Какие слова помогут почувствовать животворящую прохладу тени веток сосен и елей в палящий зноем летний день? Или звенящее долгое эхо, отпущенное на свободу и береж-

но передаваемое каменными руками скалистых берегов над серебристой змейкой Маны? Как слова покажут бескрайние просторы тайги, живописные скалы и покрытые яркими огоньками цветов долины, раскинувшиеся на сотни километров? Как слова наполнят грудь упоительным воздухом хрустальной чистоты и еловой свежести? Как передать восторженность, когда смотришь на любимый край с вершины заповедной скалы... с высоты полёта зоркого коршуна... как захватывает дух и трепещет от гордости сердце? Какими словами передать слёзы счастья, когда руки обнимают небесную синь со сказочными облаками? Как дать почувствовать вкус кедровых орех, земляники и поджаренных на костре грибов? Рассказать о том, как из груди рвётся счастливый крик, когда ныряешь в холодные воды сибирской реки туда, где только что ударил хвостом огромный таймень, где на порогах блестят серебряные спины юрких хариусов? И как показать дивную, но строгую душевную красоту гостеприимных сибиряков, для кого слова «малая родина» обозначают не место, а смысл человеческой жизни?

Мы не могли проехать мимо смотровой площадки, не показать Данилу красоту родной земли, не сделать мальчишке памятный подарок из бересты, выбранный им самостоятельно. Вволю насмотревшись на пейзажи величественного Енисея, по дороге заехали в Овсянку на деревенский базарчик, купили банку молока и творог со сметаной. К дому родителей Андрея подъехали на несколько часов раньше, чем

планировали.

Я удивилась, не увидев во дворе сторожевой собаки.

– Оксан, я же в каком бизнесе работаю? – с улыбкой напомнил Андрей, обнимая меня на плечи. – Неужто я бы не обеспечил охрану и без несчастного прикованного цепями пса?

Небольшой дворик за высокими металлическими воротами и кованым забором оказался очень уютным: застеклённая проходная веранда соединяла двухэтажный коттедж с летним домом, образовав замкнутое, выстланное досками пространство с огороженными низким заборчиком клумбами. Сквозной открытый широкий проход открывал вид на чисто выполотый огород, спускавшийся к реке. Под пышными ветками двух сосен уютно пристроился небольшой стол, сколоченный из толстых выструганных досок. Мангал-камин со сложенными для растопки поленьями пристроился рядом, устремляя каменную трубу между стройных стволов хвойных деревьев. Диванчик-качели с мягким дерматиновым сиденьем сразу привлёк внимание Данилки. На его счастливый крик из дома вышли родители Андрея.

Им было уже за семьдесят, и они оказались очень симпатичной парой. Короткие волосы женщины лежали послушными серебряными волнами, не утратив своей густоты. Хозяйка дома хоть и была моего роста, рядом с широкоплечим супругом смотрелась маленькой. Высокий мужчина выглядел крепким и здоровым, и только такие же совершенно се-

дые коротко стриженные волосы и немного сгорбленная спина, будто входит в низкую дверь, выдавала его почтенный возраст. Протянув Данилу руку, отец Андрея представился:

– Полковник полиции Виталий Семёныч Половников! А вас как звать, молодой человек.

Мальчишка неуверенно протянул ручонку улыбающемуся мужчине и смело ответил:

– Данилка звать.

– Данила-мастер, значит. Что умеешь, мастер?..

Пока малыш рассказывал о своих маленьких достижениях, мы познакомились с матерью Андрея:

– Оксаночка, я – Вера Михайловна, вы не стесняйтесь, почувствуйте себя дома. Андрей много о вас рассказывал, только знакомство всё время откладывал. У них с Симом... Ой, что это я сразу проблемами семейными вас нагружаю.

– Очень приятно, Вера Михайловна. Ничуть не нагружаете.

– Пойдёмте в дом. Не волнуйтесь за ребёнка – Виталий ему живность нашу покажет, так что скучно ему не будет, – пригласила женщина и обернулась к сыну: – Сынок, я покажу Оксане дом, а ты не жди Сима, он будет попозже. Сказал, садиться за стол без него.

Андрей явно ожидал чего-то другого. Мелькнувшее в его глазах облегчение сменилось лёгким беспокойством.

– Странно... Ладно, видно будет. Мам, мы с Оксаной и Данилкой в летнем доме устроимся.

– Я уже отнесла туда бельё и халаты. Баньку пора топить, сына. Всё, вас тут трое мужчин, занимайтесь своими делами. А мы с Оксаной посплетничаем.

Дом оказался не очень большим: гостиная, совмещённая со столовой и кухней и небольшой кабинет с шикарной библиотекой и кожаной мебелью занимали первый этаж. На втором этаже оказались три небольшие комнаты и общий холл с огромным плоским телевизором и небольшим баром. Второй этаж показался уютнее, теплее, хотя свободного пространства здесь было значительно меньше.

– Дом построили, когда Виталий Семенович на пенсию вышел. Раньше на этом месте был другой дом, маленький. Здесь жил дед Андрея. А уж потом мы сюда переехали, сыновья помогли отстроить этот коттедж.

– Мне очень нравится, Вера Михайловна.

– Я очень рада, дорогая моя. Раз Симка приедет позже, можно уже и закуску готовить. Виталий Семёнович отличное малиновое вино выгнал. Надеюсь, вам понравится.

– С удовольствием попробую.

– Оксаночка, простите, что наваливаю на вас семейные трудности, но раз дело касается вас, не могу не рассказать... Между Андреем и Симом отличные отношения, но... Сим у нас хороший психолог и очень привязан к брату. Оба раза... Вы ведь знаете, что Андрюша был дважды неудачно женат?

– Да, хотя о жёнах знаю очень мало.

– Верю – Андрей не любит вспоминать их. Сим дважды

раскритиковал выбор брата и оба раза оказался прав. Андрей и наше с вами знакомство откладывал из-за Сима. Два прошлых раза младший устроил невестам психологические испытания. Первый раз всё закончилось скандалом, второй раз Андрей не разговаривал с братом больше года.

– Поэтому Андрей и называет его «дотошный мелкий негодяй»?

– Да, да, да! Но вы не подумайте, Сим просто желает счастья Андрею, а Андрей справедливо расценивает его заботу, как вмешательство в личную жизнь. Вы только не переживайте, Сим очень обходительный и будет очень рад познакомиться с вами.

Мне стало казаться, что младший, приёмный сын гостеприимных родителей любимого мужчины стал центром семьи. Мне он уже представлялся избалованным эгоистом. В душе зрела решимость дать отпор любым попыткам неведомого Сима устроить мне какой-либо тест. В душе закипело негодование – какой-то мелкий негодяй будет вставать между мной и любимым мужчиной?! Я покажу ему, где его место в наших с Андреем отношениях!

Мы вернулись во двор. Андрей уже переделся в шорты и занимался баней, мангалом и мясом. Данилка с Виталием Семёновичем хозяйничал в огороде, перемазанная клубникой или малиной рожца выглядывала из-за грядки с огурцами.

– Я не стал с него футболку снимать. Солнце сильно па-

лит, – Андрей обнял меня за талию и поцеловал в висок. – Пойдём, покажу, где переодеться.

– Твои родители – очень приятные люди. И дом уютный. Вообще всё красиво и продумано.

– Спасибо, радость моя. Надеюсь, ты быстро освоишься. Отец и мама переживают из-за Симки, но ты не обращай на него много внимания. Люблю тебя.

Я улыбнулась, вспомнив собеседование и «секс в полях». А уверенность в своих чувствах и любимом мужчине добавляла решимости защитить наши отношения от любых вмешательств.

Шеф позвонил очень невовремя. Минуту назад брат позвонил Андрею и сообщил, что уже подъезжает к посёлку.

Мы сидели за столом во дворе и успели немного выпить домашнего вина под сочный шашлык. Данилка устал от впечатлений и немного заикался, но отец Андрея удивительно быстро нашёл с мальчиком общий язык и каждый раз предлагал ему нечто неожиданное и новое: они уже успели покормить кур необычной породы, поиграть с кроликом и сходить в местный универсам за подарком. Виталий Семёнович удивился, что четырёхлетний малыш разбирается в марках автомобилей, и подарил ему набор машинок – тридцать маленьких машинок, выполненных очень натуралистично. Наевшись творога с ягодой и натаскавшись со стола пирожков и ватрушек, он строил гараж из кусков фанеры и брусоч-

ков, напильных для него хозяином дома.

– Оксана, я, наверное, невовремя, но кроме тебя мне никто не поможет.

– Максим, ты невовремя. Что случилось?

– У меня встреча с женщиной, первое свидание, так сказать, а я не знаю, какие цветы для неё выбрать. Что предложишь?

– А что есть?

– Розы, тюльпаны, орхидеи и много всего прочего. Не хочется быть банальным.

– Тогда нарви ромашек.

– Не вариант. Я же романтик.

Я уже слышала, как за воротами остановилась машина... хлопнула дверца. Приехал неведомый Сим. А меня отвлекает шеф.

– Максим, мне кажется, что уж у кого, а у тебя сложностей с выбором быть не может. Кто из нас психолог – ты или я?

– Я. Но женщина – ты. Какие цветы ты любишь? Надо было спросить тебя ещё днём, но я был слегка шокирован.

– Ты? Шокирован? Максим, прости, мне некогда.

– У тебя встреча с дотошным мелким негодяем, я помню. Как он, кстати?

– Ещё не видела. Как раз приехал, а ты не даёшь... – ручка калитки опустилась и замерла, будто тот, кто стоит за ней, сомневается – входить или нет. – ...встретить его.

– Хорошо, но я повторяю вопрос... – калитка открылась...

и я увидела Максима с шикарным букетом гибискусов и роз сочного лососевого цвета. Он направился прямиком ко мне, убирая в карман джинсов телефон. – ... как тебе такой букет?

– Мак...сим?!

– Дотошный мелкий негодяй пред твоя ясные очи, Оксана. Так как тебе букет? Я угадал? Весь город объехал, эти неучи не знают, как выглядит настоящий коралловый цвет!.. Дай, обниму, пока Андрей не запер меня в чулане, чтобы мелкий негодяй не замучил тебя дотошными вопросами...

Глава 11. Власть переменилась

Трудно сказать, чей шок был сильнее. Скорее, у всех он был разный, по разным поводам. По-моему, только у родителей не возникло никаких вопросов, но появилось понимание, что ссоры между братьями не будет – женщина старшего сына пришлась по душе младшему. Я же их радости и облегчения разделить пока не могла, но выяснять нюансы было неудобно. Не место, не время, но...

– Вы знакомы? – Андрей подал Максиму руку, переводя взгляд с него на меня и обратно.

– Да, работаем вместе, – ответили мы с шефом в один голос и засмеялись. Максим, пожав брату руку, обнял нас обоих, заставив теснее придвинуться друг к другу. В его глазах светилась улыбка. – Я рад... Вы так похожи на мать и отца, когда стоите вот так, рядом. Вы – молодцы! – и тут же повернувшись к родителям, потёр в предвкушении ладони и громко спросил: – Мамуль, ты давно не кормила меня с рук! Я соскучился!..

Андрей обнял меня, уткнувшись губами в макушку.

– Почему ты не сказала, что работаешь в «Напряжении»?

– А почему вы называете Максима Симом?

– Он сам попросил, когда над ним опеку взяли. Сказал, что Максимом его называла мама, а Максом – отец. Он стремился хоть как-то отгородиться от боли потери. Мы и при-

выкли. Для нас он Сим. Симка.

– Ты даже не представляешь, какое это странное чувство – оказаться в семье шефа, которого называют ласковым именем и, вон, шашлыками с рук кормят... И он даже не тушуетя всего этого.

– Он открытый человек. Ему можно задать любой вопрос и быть уверенным, что услышишь правду.

– А ты не говорил ему обо мне?

– Только имя. С некоторых пор я не посвящаю брата в личную жизнь.

– Понимаю.

– Так почему не сказала?

– Не знаю. Сначала мне самой было странно, что я там работаю. Потом не хотела оттолкнуть тебя, боялась, ты подумаешь, что я насмотрелась всяких штучек и захочу применять их. Не точно так думала. Трудно сказать. Не знаю. Боялась первой близости с тобой, потом...

– Я понял. Помнишь, когда на квадре катались... в торговом центре в интим-салон заходили? Я тоже тогда не стал говорить, что это бизнес брата. По тем же причинам... Это просто какое-то невероятное стечение дорог в одну точку. Как ты попала к Симу?

– Он пригласил меня на собеседование.

– Могу себе представить.

– Да, это было... танцевально... Андрей, я не хочу нагружать тебя всеми проблемами, которые решает эта работа.

– Какими проблемами? Оксана, проблемы должен решать я, а не твоя работа.

– Ну, одну уже Марат решает.

– Понял. Ещё что?

– Я... пишу женские романы. Мне было интересно в плане новых впечатлений и знаний. А Максима заинтересовало именно моё творчество.

– Не сомневаюсь. Он давно искал креативного директора с творческой жилкой. Боюсь представить, как он взял тебя в оборот.

– Он очень помог разобраться в себе, Андрей. Мне страшно от мысли, что белая полоска моей жизни окажется очень тонкой и снова наступит...

– Новое утро и новый день. У тебя есть я. У меня есть ты. Вместе у нас не будет чёрных полос. Я не питаю привязанности к зебрам. А ты ещё не знаешь, что приготовил тебе Симка.

– В смысле?

– Как креативному директору. Но пусть он сам скажет. Только я начинаю понимать, что то, что предложу тебе я, станет неактуальным.

– Ты о чём?

– Сим рассказывал про успехи своего нового директора. Но имя «Оксана» только подпитывало мысли о тебе, и слушал про незнакомую умницу я невнимательно. Знать бы, что та Оксана – это ты... моя Оксана.

Я подняла глаза на Андрея. Он коротко поцеловал меня. А я вспомнила одну маленькую игру, в которой выиграла...

– Максим! Ты мне кое-что должен!

– Оксана! Это нечестно!

– Почему это?

– Разговор был про офис!

– Не помню такого! Разговор был про один день!

– Уже вечер!

– Не увиливай!

– Это моя прерогатива устраивать всякое!

– Власть переменялась!..

– И что за задания ты ему придумала?

Мы сидели с Леной во дворе её дома и наблюдали, как Данилка устраивал в песочнице бои лопатками. Подруга порывалась остановить поединок нового вида дворового спорта, но я удерживала её – мальчишка должен набивать шишки и терпеть ссадины, должен уметь держать удар, терпеть поражения и делиться победами. Ему явно не хватало отца, и хоть Лена не тряслась над ним, как курица, но на скамейке продолжала сидеть с заметным усилием над собой.

– Да ничего не придумала, не успела. Он меня купил.

Я улыбнулась, вспоминая, как не хотел Максим в кругу семьи становиться мальчишкой на побегушках. Что ни говори, а даже лучшему в мире психологу иногда нужен психолог. Максим когда-то стал центром семьи Андрея, и потерять эту

маленькую, но важную для него роль не хотел. Недополучив любви рано ушедшей матери и вскоре за ней погибшего отца, он купался в любви приёмных родителей. Было удивительно наблюдать, как кормила его с рук Вера Михайловна, обмакивая кусочки шашлыка в соус и вытирая салфеткой испачканные губы. Как, по-детски зажмурившись, успешный бизнесмен подставлял лицо заботливым рукам, как потом целовал их, благодаря женщину за любовь. Он был благодарным сыном. У таких родителей других детей быть не могло. Узнав, что у Данила нет отца, Виталий Семёнович попросил номер телефона Лены и тут же позвонил ей. Они разговорили недолго, но отец адвоката быстро сумел уговорить подругу на выходные привозить мальчика к ним. А ещё лучше – приезжать вместе. Мне его предложение понравилось – я невольно стала примерять шефа на роль мужа для Лены, на роль отца Данила. Мальчишка не скучал, причём ни меня, ни мать Андрея к нему особо не подпускали, аргументируя, что женского общества ему хватает с избытком. Но Лене звонили, когда Данил хотел этого. Сначала думали, будет проситься домой, но он взахлёб рассказывал, как рыбачил с дедом на Мане, как катался на старой соседской лошади по имени Матрёшка, как быстро мчался на моторной лодке далеко-далеко вверх по течению за ягодой и грибами, плавал со спасательным кругом на плёсе и забивал гвоздики в кусочки досок. Впечатлений мальчику хватило с избытком, и уезжал от стариков он с неохотой. А я понимала, почему Марат хотел

дом, и позвонила ему, предложив купить его в Усть-Мане. Один продавался как раз на улице родителей Андрея. Марат заинтересовался, и это очень обрадовало.

– Как это – купил? Дорого продаться? – хохотнула Ленка.

– Ну как сказать... дорого ли. Он обещал рассказать о себе что-то существенно важное, о чём не знает его семья.

– Компромат сам на себя сливает.

– Сама удивляюсь. Но догадываюсь – или факт будет неважнецкий, или у Максима есть смысл слить его. Только если он думает, что в чём-то там признается, а я побегу докладывать Андрею или его родителям – он ошибается.

– Да уж. Откуда ему знать, что ты не типичная женщина, а могила для чужих тайн.

– Ох, Ленка, как жить-то оказывается хорошо! – я потянулась, прикрыв рукой зевоту и счастливо улыбаясь воспоминаниям проведённых с Андреем ночей.

– Рада, что у тебя жизнь налаживается. Только мне кажется – зря ты так с Маратом. Столько лет вместе, дети, внуки. Ты сама ещё два месяца назад рвалась к нему, а теперь – Андрей. Без году неделя.

– Да... Ещё недавно я мучилась от мысли, что у Марата есть жена и сын. Теперь мучаюсь от мысли, что их нет. Кто бы мне раньше сказал, что так будет, покрутила бы у виска.

Лена повернулась и посмотрела мне в глаза:

– Ты изменилась, Оксан. Расцвела, стала уверенней, улыбаешься. Как-то успокоилась даже.

– Наверное, да. Со стороны виднее. Мне и правда теперь спокойно.

– Подумай ещё пять раз, Оксан. Я уверена в Марате, а твой Андрей мне кажется ненадёжным.

– Почему? Вы же не знакомы. В субботу поедем на пикник, родители Андрея пригласили к ним, но мы подумали, что поедем на Ману дикарями. Познакомитесь, наконец.

– Ты сама рассказывала, что адвокат твой сразу сказал, что третьей жены не будет. И вот, пожалуйста – знакомит с родителями, но не делает предложение. Как так?

– Так мы два месяца только встречаемся.

– Угу. Вам не по двадцать лет. В сорок уже через неделю понимаешь – твой человек или нет. Нет, не верю я ему. Пройдёт влюблённость, глаза откроются, а Марат уже совсем остынет. И снова – жизнь полоска чёрная. А там и Максим твой с работы тебя по-братски выпрет. И что?

– Лен, ну ты чего?.. Замуж тебе надо.

Лена фыркнула и замолчала. Я была уверена, что внутри себя у неё происходит монолог, где она откровеннее и убедительнее. Но она не хочет навязывать своё мнение, а я понимаю её опасения и отношение к незнакомому адвокату – Марата она знала столько же, сколько меня – вся наша жизнь прошла на её глазах. Но она действительно прошла. Между мной и Маратом осталась привязанность, но это было другое чувство. Благодарное. Заботливое. Дружеское. И появилось понимание и приятие того, что десять лет – всё же срок.

Мы изменились. Обстоятельства изменились. И то, что хранит память – не повторится. Мы скучали по времени, проведённому вместе, но не друг о друге. Это уже давно остыло... прошло. Мы – вот они. А тех минут, часов и дней не вернуть. Лене объяснить это чувство трудно. Да и надо ли? Пройдёт время, она также будет радоваться моему счастью с адвокатом. Может быть, с Максимом познакомится, и у них что-то получится.

Я смотрела на подругу и видела недавнюю себя со стороны – отчаявшаяся, бьющаяся ради детей, уставшая от проблем и жизни одинокая женщина с потухшими глазами, просроченными счетами и отсутствием понимания, как жить дальше. Мою жизнь изменили мужчины. Трое. Один полюбил. Второй дал работу и научил, как разобраться в себе. Третий простил и помог простить себя. И все стало по-другому.

Солнце засияло внутри. Снаружи оно было всегда. Только внутреннее солнце дарит тепло, уют и счастье. Все трое зажгли его во мне. Человеку для счастья надо очень мало. Не деньги, машины, украшения и дворцы. Человеку для счастья нужен человек. Чтобы повязал шарф зимой, накормил с рук ужином, держал за руку, обнимал и любил. И ты сделаешь для него то же самое и что-то ещё.

– Лен... всё будет хорошо.

Подруга повернулась, серьёзно посмотрев в глаза. И с застарелой тоской и усталостью, совершенно не веря в то, что говорит, ответила:

– А то ж... будет... когда-нибудь... Когда я стану кош-
кой...

На работе кипела подготовка к лазерному шоу: на день го-
рода наша компания «Напряжение» стала спонсором обще-
городского кулинарного конкурса и открытого показа жен-
ского белья. Оба моих рабочих телефона разрывались от
звонков поставщиков и кулинаров, готовящих сладкие уго-
щения для гостей праздника, дверь не закрывалась от пото-
ка курьеров, заваливших презентационный зал рекламными
буклетами и женским бельём, компьютер зависал от беско-
нечных сообщений от дизайнеров и администраторов «по-
лей», где я затеяла ремонт и смену дизайна, стремясь каж-
дый бутик сделать уникальным.

Шеф мотался с утра до вечера, заказывая мобильные при-
лавки и автолавки, договариваясь с домами культуры об
аренде для проведения показов, записывая очередной вы-
пуск своей передачи и помогая в работе Андрею, как помощ-
ник-психолог. Выведать обещанную тайну просто не было
времени. Да и махнула на неё рукой. К концу сумасшедшей
недели я остро нуждалась в передышке и уже грезила уми-
ротворением таёжного отдыха.

В субботу проснулись рано, Андрей обещал приехать к
десяти часам: добраться до места, не избежав пробок, не по-
лучится, а к полудню уже хотелось купаться и жарить шаш-
лык. Пока пили кофе, завязался спор: Лена задумалась о

круглосуточном садике для Данила и взяла недельный отпуск, чтобы собрать необходимые документы и заодно выбить путёвку в санаторий. Данил родился альбиносом, и подошло время планового посещения врачей.

– Лен, давай я буду к себе его забирать. Или Яна согласна сидеть с ним. Она и в Москве няней подрабатывала.

– Тебе не до Данила, Оксан. Я прекрасно понимаю, что всему приходит конец, и вечно это продолжаться не может. И Янке тоже это не надо – быть привязанной к чужому ребёнку. Не переживай о нас, ходят дети в круглосуточные сады и ничего, живые.

– Данилу не подойдёт такой. Ты и частный-то выбирала, чтобы воспитатель с медобразованием и хороший врач в группе.

– Ничего. Он уже всё равно окреп, не то, что ещё год-полтора назад.

– Лен, мне не нравится эта затея. Поломанная психика ребёнка из-за какой-то твоей работы...

– Сейчас вся работа такая. А такие шефы-максимы, как у тебя – штучные экземпляры. И не с моим везением на такого напороться. Нет, Оксан. Я так решила – так и будет.

– Тебе замуж надо, – я снова подумала, как было бы хорошо познакомить Лену и Максима. Надо было и его пригласить на пикник. И уговорить подругу устроиться к нам в бутик. – Иди в «Напряжение» работать. Недалеко есть наш салон, я могла бы тебя туда определить.

– Ой, не смейся. Я даже представить себя там не могу.

– Ну мы же и бельё продаём. Это тебе знакомо.

– Ой, и сколько того белья у вас на фоне вибраторов? Ладно бы отдельный магазин был. Вы же процент платите?

– И оклад тоже. И питание частично компенсируется.

– Оксан, забудь. Пойдём собираться, скоро твой ненаглядный приедет, а мы ещё в ночных сорочках разгуливаем. Чур, я первая в душ!..

Место Андрей выбрал отличное: на живописной излучине Маны, чуть выше мелководья, рядом с небольшим горным притоком. Хрустальной чистоты вода шумно вливалась в быстрый поток с высоты человеческого роста узкой лентой водопада. Мельчайшая водяная пыль сверкала на солнце бриллиантовой крошкой и светилась несколькими радугами.

– Ленка, загадывай три желания! Смотри, какая красота!

Мы пришли за водой и полюбоваться отвесными скалами крутого берега Маны, покрытыми остроконечными шапками елового леса. Воздух был упоителен, малахитовый ковёр сочных трав радовал глаз яркими головками цветов. Андрей устанавливал просторный тент и мангал метрах в двадцати выше по склону.

– А чё это всего три? Радуг вон сколько... штук пятнадцать.

– Вот я и говорю – три. Всем по три. И не жадничай!

– Мне пять, тебе пять и Андрею пять. Данил ещё не дорос

желания загадывать, его желания от моего кошелька зависят.

– Ещё Марат приедет, ему тоже надо. Не жадничай, говорю!

– Марат приедет? – удивление Лены было безграничным.

– Ну да. Ты против, что ли?

– Н-нет... А ты хорошо подумала? Позвать на отдых с ночёвкой бывшего мужа и нынешнего кавалера – это как-то...

– Нормально. Они, во-первых, друзья, а во-вторых – у них совместный бизнес.

– Пи***ц. Прости за мой северно-удмуртский. Я и не думала, что всё так глубоко проросло. Но, знаешь ли, одно дело – знать, другое – смотреть. И спать рядом, когда жену обнимает другой.

– Со мной рядом спать будет Андрей. Марат будет спать рядом с собой.

– И что, Марат спокойно тебя передал из рук в руки?

– Власть переменялась. И вообще, Лен, что за глупости? Что за настроение, чёрт возьми?! Ты меня всеми силами от Марата оттаскивала два месяца назад. Теперь не знаешь, как впихнуть меня ему в руки. А ты его спросила – я ему надо?

– А что спрашивать-то?! Оксана! Вам по сорок с гаком лет! Коней в таком возрасте не меняют! Ты, вообще, как, нормально представляешь его с другой тёткой? Ничего не ёкает? Сердечко не стучит?

– Если Андрея увижу с другой тёткой – настучу обоим. И тебе сейчас настучу. У меня такое чувство, что ты Марату

не рада. Что случилось? Вы всегда прекрасно общались, – Лена стрельнула в меня взглядом и отвернулась к воде, подставив котелок под водопад. Я смотрела на неё и мне казалось, что она как-то сжалась... стала меньше... будто хотела раствориться в общем потоке и утечь с водой до Красноярска. – Лен... я думала, тебе будет приятно увидеть Марата. Хотела сюрприз сделать. Почти пять лет не общались. Разве не здорово вспомнить молодость?

– Ты точно ненормальная, – Лена выпрямилась и посмотрела на сына. Мальчишка кидал в реку камешки. – Больше сюрпризов не предвидится?

– Неа.

– Дай-то Бог.

Я набрала воды в небольшую канистру, и мы поднялись к месту стоянки. Андрей уже растянул шатёр, поставил столик с креслами и вытащил из машины сумки.

– Девушки, хозяйничайте, а мы с Данилой-мастером пойдём дрова собирать. Дай пять! – подставил ладонь мальчишке и получил по ней сочный шлепок маленькой ручонкой. – Ат, молодец!

Лена проводила взглядом сына и Андрея, окинув его оценивающим взглядом:

– Ты рядом с ним, как девочка. Маленькая такая. Улыбка у него офигенная. Голос очень приятный. Мне нравится, как он с тобой разговаривает. Всю дорогу слушала и ловила себя на мысли, что ищу к чему придраться: к интонации, не во-

время отведённому взгляду, не тем словам, скрытому смыслу... не знаю.

– Пристрастно, однако, – я улыбнулась. – Нашла?

– Нет. В нашем возрасте говорят уже не слова. Говорят интонация, реакция, взгляд, прикосновения. Он общается с тобой гармонично. Нет чувства, что говорит одно, думает – другое, имеет в виду третье, а ждать можно четвёртого, пятого, десятого. И смотрит на тебя так... сияет прямо.

– Говорила же, что он тебе понравится.

– Ну... да... я понимаю тебя, скажем так.

– Ну наконец-то!

Марат приехал минут через сорок. Поставив машину в тени деревьев, с удовольствием потянулся, вдохнул полной грудью пьянящий воздух и подошёл к нам.

– Какие люди! Здравствуй, Лена, – Марат едва уловимо нахмурился, глядя на мою подругу. Она взглянула на него мельком и снова уткнулась в нарезку овощей, бросив короткое «привет». Поставив сумку рядом со мной, мужчина расплылся в улыбке, обнял меня и чмокнул в щеку:

– Привет, моя. А где Андрюха?

– Дрова собирают с Данилом.

– Кто у нас Данил? – Марат перевёл взгляд на Лену, явно посчитав, что речь идёт о её спутнике. Подруга порозовела и, порезавшись, вскрикнула и чертыхнулась. – В последний раз ты тоже чуть не отрезала себе палец.

Марат заглянул во все кастрюли, схватил пирожок из ведёрка и пошёл на звук голосов. Мне стало интересно:

– Ты с ножом по улице ходишь?

– С чего бы это вдруг?

– А откуда тогда он у тебя взялся при последней встрече с Маратом в павильоне?

– Я же говорила – шла со дня рождения, зашла за минералкой в павильон, там встретила Марата, мы пили вино в павильоне, нас выгнали, мы пошли ко мне. Я закуску нарезала и порезалась, – пробурчала Лена, сунув палец в рот.

– А. Так, что он тут привёз? – я открыла сумку и вытащила большие куски сёмги, форели и осетра, завёрнутые в пакет со льдом и уложенные в пятилитровый цилиндрический котелок. – О-о, будет фирменная уха Марата! Сколько лет прошло, а я не могу забыть её вкус и аромат!

– «Привет, моя», поцелуйи... Ты веришь, что он тебя отпустил? Что ему легко и просто? Вы понимаете друг друга без слов, он поставил сумку рядом с тобой – и ты уже знаешь, что там что-то в общий котёл. Такое складывается годами, а ты похерила, как не фиг делать. Как бы не был хорош Ан...

Мужчины появились из лесной чащи, шумно переговариваясь. Они были ещё далековато и не могли слышать наш разговор, но Лена осеклась, вздохнула и, переводя взгляд с несущего в обнимку сухие ветки сына на идущего рядом Марата, добавила:

– Ладно. В конце концов, жизнь сама расставит точки и

разведёт по парам... Так: окрошка готова, пирожков тоже полное ведро, шашлыков на целую армию нажарить можно, две кастрюли салатов и уха. Вон ту сумку я даже не разби-рала. Мы это за два дня не съедим.

– Пока всё не съедим – домой не поедем! А в той сумке фрукты и приправы с сыром для шашлыков, – Андрей сбросил в сторону сухое бревно и помог снять пару поменьше с плеч Марата.

– Сыр для шашлыков? – Лена опередила меня с вопросом – Это как?

– Это когда они уже готовы, посыпаешь их натёртым сы-ром... можно с чесночком... и чуть-чуть запекаешь. Вкус-на-а, аж жуть! А ещё сосиски в сырном тесте поджарить мож-но. Но для теста ничего не брал. В другой раз сделаю.

– Ничёсе! Первый раз слышу! Ты у меня знатный кулинар, оказывается! – я подошла к любимому мужчине и обняла его за талию.

Адвокат обнял меня за плечи, чмокнул в висок под при-стальный взгляд Лены на реакцию Марата, и спросил друга:

– Для ухи свечу¹⁵ сделаем?

– Я займусь. На тебе, как обычно – мангал. Данил, – по-звал Марат мальчишку, – во-он ту газету неси, научу скла-

¹⁵ Костёр «финская свеча» – жар сосредоточен в его центре. Для сооружения используется полено, верхушка которого разрубается на 6-8 частей. Внутрь раскола помещается трут с поленьями и разжигается. «Свеча» способна гореть около восьми часов и отлично подходит для кипячения воды и приготовления пищи.

дывать пионерскую пилотку. Потом покажу что-то в лесу.

Я села в кресло за стол, Лена уже собрала в пакет с мусором пустые упаковки продуктов и устроилась рядом, наблюдая за сыном с материнским вниманием. Андрей установил мангал и разжёг огонь, принёс ведро с маринованным мясом и шампуры и, поручив нам с подругой нарезать толстыми кольцами лимоны, лук, кабачки и баклажаны с помидорами, принялся за подготовку шашлыков. Марат разводил огонь в «свече», рассказывая Данилке, что и зачем он делает.

Мальчишка с удовольствием наблюдал, подавал тонкие прутики и отвечал на вопросы мужчины о детском садике и о себе. Мы с Андреем заговорили о его кулинарных шедеврах, Лена неотрывно наблюдала за Данилом, иногда присоединяясь к нашему разговору и прислушиваясь к беседе сына с Маратом:

– А в садике у тебя есть друзья?.. А зовут их как?.. А папку твоего как зовут?

– Не знаю, – пожал плечами Данил, – мама не говорила.

Я посмотрела на Лену. Мне она никогда на этот вопрос не отвечала, всегда уходила от ответа со словами: «Случайная связь. Не хочу вспоминать». И теперь она сидела побледневшая, как полотно. Андрей, бросив взгляд на мальчика и на присевшего возле него Марата, бросил:

– Если бы не знал точно, что у тебя нет сына, сказал бы, что его папка – ты. Одно лицо. Только Данька беленький.

Глава 12. Точка джи

*Никто не свят... во всех всего намешано,
У всех своё: и дно, и высота,
И лезет то духовное, то грешное,
То красота в душе, то пустота.*

*И каждый где-то в жизни ошибается,
У каждого бывают времена,
Когда не так, как хочешь, получается,
И невпопад судьбы звучит струна.*

*Даются нам презрение и почести,
Победы и препятствия свои,
И слабость – поступать лишь так, как хочется,
И сила – жить и в чести, и в любви.*

*Никто не свят... Не ангелы... И надо ли
Нам берeditь всё то, что заросло –
Бывало, что и птицы камнем падали,
Но снова становились на крыло...¹⁶*

Подруга, казалось, не дышала, глаза налились страхом и

¹⁶ Автор стихов Анна Опарина

виной, а губы задрожали. Не укрылось это и от глаз Андрея. Он тихо чертыхнулся и положил ладонь на мою руку, то ли напоминая о себе, то ли стараясь удержать от чего-то, то ли просто стремился поддержать в созданной им же неловкой ситуации.

В моей голове не было ни одной мысли. Пустота. И яма на душе, куда внезапно ухнуло сердце. Меня будто сковала вечная мерзлота, вздыбив кожу мурашками и охватив нервным ознобом тело. Казалось, мир застыл, всё было словно не со мной... в дурном сне. Но тишину, показавшуюся оглушающей, несмотря на пение птиц, треск огня и шум леса, со свистом опускавшейся на шею гильотины рассёк вопрос Марата:

– Лена... а почему ты не сказала?.. Что ты себе, вообще, позволяешь!..

– Данилка, пойдём-ка, я тебя на качели покачаю! И Оксана с нами пойдёт, она тоже любит качаться, – Андрей сжал мою ладонь и встал, протягивая руку подбежавшему малышу.

Я поднялась, повинувшись крепкой хватке адвоката, уводившего меня прочь от уронившей в ладони лицо Лены, и Марата, чьи поджатые губы и ходившие ходуном скулы не предвещали подруге ничего хорошего.

– Андрей, какая качелька?

Я высвободила руку, едва мы ступили на узкую лесную тропу. Больше всего на свете мне хотелось услышать объяс-

нение подруги – как она могла?!

– По моей вине им есть о чём поговорить...

– По твоей вине?! – я задохнулась от возмущения и закашлялась от вскипевшей обиды, перебивая любимого мужчину. – Андрей! Причём тут ты?!

– А причём тут – кто? – Андрей остановился и повернулся ко мне, подхватывая Данила на руки. – Лена?.. Марат?.. Пять лет прошло после вашего развода. Причём тут, Оксана, ты?

Его холодный тон окатил, будто течение горной Маны. Я мгновенно осознала, что обидела любимого мужчину. Выгравшее женское «даже бывший муж подруги – табу» взяло верх над логикой и рассудком. Видимо, чувство охватившей меня вины, выступившее на щеках обжигающим румянцем, всё сказало адвокату. Его взгляд смягчился. Уже спокойным, без вызова, тоном с нотками понимая и сочувствия, добавил:

– Разберись со своими чувствами. А там... – он бросил мимолётный взгляд в сторону поляны, откуда доносились еле слышные голоса Лены и Марата, – ...не твоё дело.

Андрей развернулся и ушёл куда-то вниз по склону над рекой, оставив меня одну. В мыслях канонадой стучало «не твоё дело... не твоё дело... не твоё дело».

Я села на изогнутый ствол берёзы, не находя себе места ни рядом с Андреем, ни на поляне, где голоса быстро стихли. Думать не хотелось. Хотелось разобраться с тем, что я на самом деле чувствую.

Я совершенно однозначно... точно... без всякого сомне-

ния... люблю Андрея. И даже сейчас, когда он ушёл, я знала – он со мной... Он всё понимает... Он прав.

Взыграло женское... собственническое эго. Ещё по дороге сюда какой-то час назад я думала об отце для Данила. И всё время с тех пор, как узнала, что Марат не женился и у него нет сына, сожалела об этом. И не обязаны Лена и Марат держаться друг от друга подальше, чтобы не задеть моих надуманных... чувств?..

– Оксан, ты что одна тут сидишь? Где Андрей с Данилом?..

Марат подошёл незаметно. Я подняла на него глаза медленно, запечатлевая его образ от самых кроссовок, будто вижу последний раз. Когда наши взгляды встретились, в его глазах засветилось грустное понимание.

– ...Ах, вот оно что, – мой самый лучший на свете бывший муж облокотился на ствол берёзы и оказался так близко... – Волантильничаешь... – я прижалась лбом к его груди. – У нас не было с Леной отношений...

– Лишь одна пьяная ночь. Я это уже поняла.

– Я, честно, разозлился на тебя. Не думал, что ты не знала...

– Не знала...

Мой голос прозвучал тихим эхом. Мы говорили об их случайной с Леной связи и о Даниле, даже не уточняя этого. И понимали друг друга. Лена права – с полуслова... с полувзгляда... с полувздоха.

– Лена – умная женщина. И, судя по тому, что Андрей где-то там, а ты – здесь, знает тебя лучше, чем ты себя знаешь сама. Что за трагичный вид, Оксана? Кого хороним?

– Я уже в курсе, что это не моё дело.

– Андрей сказал?..

Я промолчала. Марат положил руку на мою голову и запустил её в волосы, будто расчёской разделяя пряди. Он делал так всегда, когда мы... когда-то... лежали в постели и хотели поговорить о чём-то серьёзно. И теперь несупруг собирался с мыслями, а я думала – чьи пряди он будет наматывать на палец и расчёсывать пятернёй, когда захочет сказать что-то важное для... них обоих?

– ...Мне было очень плохо без тебя... В тот вечер, у Ленки, я плакал. И она тоже. Мы слишком много выпили, всё как в тумане... Она обняла меня, гладила по голове, успокаивала. И эти ваши вечно одинаковые тряпки!.. Мне казалось – это ты... В общем, после этого мы ни разу не встречались даже случайно. И я тебя больше не искал. Лена сказала, что у тебя кто-то появился... Слава какой-то... Оксан, – Марат поднял пальцами мой подбородок, – ты понимаешь, что в твоих руках сейчас...

– Да. Я – ваша точка джи.

– Что?

– Только ты не скрывал, что между вами что-то было. Даже сегодня ты обмолвился...

– Я был уверен, что ты знаешь.

– Марат, если бы не было...

– Стоп! Ты ревнуешь и делаешь глупости. Ответь мне на вопрос...

Я уже слышала звонкий голосок Данилки и чуть тише – Андрея. Я смотрела в глаза Марата не мигая.

– ...Ты считаешь Лену виноватой перед тобой?

Я слушала голоса и краем глаза заметила, что с поляны к нам идёт Лена.

– Н...нет.

– Так скажи ей об этом. Она ведь самая лучшая подруга на свете! Тебе хорошо от того, что ради твоего душевного равновесия мальчишку лишили отца?.. От того, что ради твоего спокойствия, меня лишили права знать о сыне?

– Нет!

– Ты любишь меня?

Я прислушалась к своим чувствам. Мне небезразличен Марат. Я не хочу его потерять... хочу быть рядом... хочу поддерживать его во всём... но по-другому.

– Да, но...

– Вот именно. Я тоже тебя люблю... но по-другому.

Я встала и обняла уже не мужа. Он крепко прижал меня к себе. Мы оба чувствовали, как ровно бьются наши сердца в груди друг у друга. Я смотрела из-за его плеча на адвоката, ведущего Данила за руку. Мальчишка нёс два букетика кукушкиных слёзок. Андрей улыбнулся, и я не смогла удержаться, радостно улыбувшись в ответ. Меня обнимал муж-

чина, ставший меньше, чем муж, но больше, чем друг. И я знала, что сейчас он улыбается Лене. Потому что у него есть сын. И я... не ревновала.

«Люблю тебя», – прошептала я одними губами, глядя в глаза любимому адвокату.

И он вернул мне признание счастливой улыбкой со сногсшибательной ямочкой на щеке. Я не удержалась и рассмеялась. Марат выпустил меня из объятий и подхватил сына руки:

– Ну, парень, теперь ты от меня не отделаешься!

– Прости...

Андрей принял меня в свои объятия, едва отпустил Марат. Я незаметно улыбнулась: как символично – из рук в руки... в надёжные и сильные руки настоящего мужчины. Я зарылась лицом в его расстёгнутую рубашку и прижалась губами к его груди, чувствуя, как сильно и уверенно бьётся его сердце.

– И ты прости.

– Ты был прав... И Марат прав... И Максим прав... А я всегда считала себя умной женщиной...

– Мне кажется, мою умную женщину ждёт другая умная женщина.

Я обернулась. Лена маялась в нескольких шагах, бросая на нас быстрые взгляды и снова отворачиваясь к поляне, куда, подбрасывая в воздух смеющегося сына, уходил Марат.

Нам нужно было поговорить с подругой. Ей это было нужно. Я вдруг разом вспомнила и её хмурость, и виноватый взгляд, который она старалась безуспешно скрыть, и её уклончивые ответы об отце Данилки, и её недавние слова: «Оксан, чего бы ты не смогла мне простить?.. Ты мне ничего не должна. Это я тебе должна... Первая причина – это ты, а вторая – все твои мечты, третья причина – это ложь. Кто прав, кто виноват – не разберёшь». Все пять последних лет оборванных фраз, недосказанности и плохого настроения одноклассницы стали понятны. И я совершенно не представляла...

– Мы недолго... Принеси пока фотоаппарат. Мы с Леной прогуляемся, посмотрим, что там за качельки.

– Они метрах в десяти ниже, на краю скалы. Десять минут? Вам хватит?

– Конечно! Всё уже сделано и сказано. Всего одна точка осталась. Мне не нравится быть джи-центром. Так что мы недолго. А потом ты нас пофотографируешь, ладно?

– Люблю тебя.

Я потянулась к губам адвоката и получила нежный поцелуй. Схлопотав лёгкий заигрывающий шлепок по мягкой точке, я подошла к подружке:

– Пойдём, на качели покачаемся.

Лена смотрела в глаза с вызовом загнанного в угол зверька, сильно сдобренным тягучим чувством вины. Сердце сжалось в тугой комок от болезненной жалости.

– Оксан...

– Ты мне только на один вопрос ответь... – я на секунду замолчала, поняв, что повторяю слова Марата. Как же мы пропитались друг другом, разделили привычки на двоих, дополняли друг друга... – как ты не спятила за пять лет? Как можно было Марату хотя бы не сказать?

– Это два вопроса.

– Ну... выбери один.

– Я думала, Марат женат, и у него есть сын. А когда хотела сказать тебе... неудобно было, что ты помогаешь и не знаешь... а ты...

– ...сказала, что он не женат и сына у него нет. Я помню.

– Я думала, вы снова будете вместе.

– Ленка... – я взяла подругу под руку и повела вниз по склону горы. – ...а не спятила-то как? Я бы спятила.

Лена пожалала плечами.

– Человек такая сволочь – ко всему привыкает.

У меня в голове роилась туча вопросов, но все они были далеки от моих чувств. Я не представляла, как сложатся отношения Марата с сыном. Как это будет? Между бывшим мужем и подругой не было никаких отношений, они никогда не испытывали друг к другу никаких чувств, кроме дружеских. Но уже несколько лет нет и их. Я была абсолютно уверена, что больше у Лены не будет никаких проблем – Марат не позволит сыну ходить в круглосуточный интернат и расшибётся в лепёшку, чтобы сын был здоров. Но вариант «выходной папа» – это не о Марате. И какую жизненную... муж-

скую установку может дать Данилу знание, что папа живёт отдельно? А постулат «живут же другие так» не имел никакого отношения ни к Марату, ни к Лене...

Мы шли молча. Я была уверена, что подруга думает о том же. Им было о чём поговорить с Маратом наедине. Но не на пикнике.

Качели мы увидели не сразу. Немного свернули с чуть заметной тропы и оказались от них немного в стороне. Лес на почти ровной площадке отвесной горы подступал к самому её краю. Ровноствольные сосны цеплялись за каменистое основание, свешивая высокие кроны над быстрым течением притока Маны. Ниже по течению как раз он и обрывался радужным водопадом в материнскую реку, а здесь его дно было похоже на ложку с крутыми краями. Совершенно прозрачная вода позволяла рассмотреть каждый камень на дне. Верёвочные качели с сиденьем, вырезанным из старой автомобильной покрышки, привязанные к толстым сосновым сукам, явно предназначались для любителей острых ощущений – с них ныряли с горы в воду, хотя место было опасным: как раз напротив дерева под водой дремал обласканный течением до неправильной вытянутой округлости огромный кусок скалы.

– Это они на этих качелях качались, что ли?!

В голосе Лены звучал ужас и гнев. Я не могла поверить в неразумность Андрея и огляделась по сторонам, с облегчением увидев импровизированные качели, подходящие для

мальша: кусок ствола берёзы лежал поперёк поваленного заросшего мхом ствола осины.

– Нет, вон там качались.

– Фу-ух! Меня чуть кондрашка нехватила! Наверное, это захватывающие впечатления, но я бы не рискнула качаться над водой.

Я с силой подёргала толстые верёвки:

– Ну, раз они здесь висят, значит, кто-то на них качается. Можно ведь и не прыгать в воду. И вообще повернуться к ней спиной, дабы не будить богатое воображение и избавиться от соблазнов.

Лена, держась за ветку, старалась заглянуть за край горы:

– Метров семь высота будет... Где, интересно, назад забираются?

Я осторожно присела на кусок шины, не сразу опустив на неё свой вес. Посмотрела на крепкие узлы... подогнула ноги, вцепившись в канаты. Толстые сучки даже не прогнулись, только один немного заскрипел.

Я покачивалась, легонько отталкиваясь ногой и стараясь не нависать даже над краем скалы, не то что над водой. Для острых ощущений хватило щекочущего спазма внизу живота при взгляде с высоты скалы. Чувство самосохранения, когда родились внуки, срослось с ответственностью за дочерей и мальчишек. И я цепко держалась за верёвки, стараясь прислушиваться к скрипу дерева.

Это, наверное, и спасло.

Я смотрела на Андрея, уже показавшегося на тропинке, когда краем глаза увидела, как Лена резко вскинула руку и, вскрикнув, ухнула вниз. Треск обломанной ветки я услышала, словно с заевшей магнитофонной плёнки. И так же, будто в замедленном кино, краем глаза увидела, как сорвался из-под ноги подруги острый край горы. Совсем немного, но этого хватило, чтобы одна нога Лены соскользнула, а ветка, не выдержав вес тела, обломилась. Но не до конца – тонкая шкурка ещё сползала со ствола медленно и неотвратно.

Казалось, всё происходило помимо моей воли... само собой... и гораздо быстрее, чем способно человеческое тело – я, вскакивая с качели, протянула руку и вцепилась в предплечье Лены, почувствовав, что от резкого рывка оборвала канат с сука. Он ударил меня по голове, обсыпав трухой. Я зажмурилась и, чувствуя, что не удержу подругу, отпустила бесполезную верёвку и вцепилась ногтями в кору толстого ствола сосны, стремясь удержаться на краю обрыва и не отпустить подругу. Она молчала. И это было страшнее всего. Я не видела её. Перед глазами стояло личико большеглазого Данилки и звучал его вопрос: «Тётя Оксана, зачем ты уронила мою маму?»

Рука подруги покрылась чем-то липким и стала выskalывать...

– Ле-е-ена-а-а!

Я закричала от ужаса, ослепнув от внезапных слез, заливших лицо, когда вдруг перестала чувствовать вес Лены.

Только во что-то впивались мои скрюченные пальцы... во что-то вцепились мои твёрдые, как ножи, длинные ногти.

– Оксана... Оксана... Отпусти...

Голос Андрея заставил открыть глаза. Он держал Лену подмышки и отпихивал меня от края горы бедром. Мои руки занемели. Я с ужасом увидела, что порвала подружке руку, вонзив в неё ногти. Кровь сочилась из-под них тонкими дорожками. Но адская боль пронзила другую руку. Я резко отпустила Лену. От боли мы вскрикнули одновременно, и обе схватились за руки. Лена – за глубокие кровавые следы, а я – за кисть второй руки, на которой жалкими обломками торчали вырванные ногти.

– До свадьбы заживёт.

Фельдшер заканчивал накладывать повязку на руку Лены. Мы обе удостоились уколов антибиотика, обработки каким-то суперэффективным антибактериальным средством и восхищением врача быстротой моей реакции. Мне дали обезболивающее, и я сидела в объятиях Андрея в маленьком закутке, гордо именуемом коридором. Стул был один, и адвокат держал меня на своих коленях, покачивая, как ребёнка. Меня до сих пор колотила крупная нервная дрожь. И я никак не могла забыть глаза Марата, когда он увидел мою руку и залитое слезами лицо. Мне показалось, в тот момент он напрочь забыл о только что обретённом сыне. И отпустить меня с Андреем ему было очень трудно. Я почти физически

чувствовала его невыносимое желание схватить меня на руки и самому нестись к врачу. Я никогда не забуду этот взгляд.

Ленка... Как же ты права... Как всегда... Ни черта ему не легко и не просто... Я сразу вспомнила слова провидицы: «Мужчин вокруг вижу несколько, но муж один».

Я обхватила шею Андрея, прижавшись губами к его виску.

– Андрей, я хочу уехать.

– Отвезём Лену и поедем ко мне.

– Нет... мне нужно побыть одной.

Брови адвоката на секунду рванулись к переносице. Он смотрел на меня изучающе, но спокойно и с явным сочувствием. Слишком насыщенным оказался день.

– Я сниму номер в гостинице. Но вряд ли Лена захочет остаться без тебя.

– Вы же будете с ней.

Адвокат покачал головой. Ему на пикнике делать без меня нечего. Это было наше с ним свидание, на которое я пригласила Марата и подругу. Как ни крути, но Андрей и Лена без меня не останутся.

– Помоги мне, Андрей...

– Берегите себя, скалолазки...

– Спасибо.

Врач проводил Лену до двери своего кабинета. Она улыбнулась ему немного теплее, чем можно было ожидать, и неожиданно сделала ладошкой прощальный жест, удивив

нас с Андреем. Мы вышли из фельдшерского пункта.

– Лен?..

– Ты не узнала Витьку из параллельного класса?! Ты чего?!

Я на самом деле не узнала в приятном мужчине Ламина Виктора – первую Ленкину несостоявшуюся любовь. Это было классе в пятом. Сколько было пролито слез – не вычерпать. А сколько было изведено карманных денег на заколочки, серёжки и белоснежные манжеты и воротнички... Подруга полгода копила полурублёвые монетки, чтобы блистать перед красивым мальчиком. Пока её не поколотили возле школы Витькины одноклассницы. Лена неделю прогуливала уроки, прячась в подъезде в ожидании, когда мама уйдёт на работу, и возвращалась домой залечивать синяки и царапину на пол лица. Она очень боялась, что шрам останется на всю жизнь. Строить мальчишке глазки она перестала, неприятностей от прогулов огребла немало, но Витьку не забыла. Даже будучи замужем она вспоминала его, фантазируя, как бы сложилась её жизнь, если бы...

– А что он делает здесь? Он же врачом работал в Краевом центре.

– Развёлся, два года как купил дом здесь. Вот и работает.

– Вот так встреча! А я его на самом деле не узнала!

– Сама в шоке.

Лена слегка раздурманилась, на губах блуждала чуть заметная улыбка, а глаза будто засветились изнутри, как фона-

рики. Я уже не могла вспомнить, когда видела её такой последний раз. Я взглянула на Андрея. Он глазами показал мне на окно фельдшерского пункта. Отодвинув занавеску у распахнутого окна, сложив руки на груди, стоял Виктор. Он всегда был хорошо сложен, черноглаз и улыбочив. Теперь он заматерел, виски поседели, немного сгорбилась спина. Но теперь я узнала того добродушного мальчишку. Он смотрел на Лену с полуулыбкой. И мне показалось, его глаза тоже светились.

– Лен... тебя провожают.

Подруга, уже открыв дверь «Хаммера», обернулась и густо покраснела. Я не смогла сдержать широкую улыбку и села рядом с Андреем. Он чуть наклонился, потянувшись ко мне. Я прошептала: «Ты лучше всех», – и подставила губы поцелую. Всю дорогу адвокат держал меня за руку.

Мы проехали часа два и когда вернулись на поляну, Марат встретил горой готовых шашлыков и невероятно ароматной наваристой ухой. Он уже растянул шатёр и устроил спать на надувную кровать уставшего Данилку.

Расползавшийся над тайгой вечер растушёвывал природные краски, смешивал ароматы хвои и цветов с запахом дыма и жареного мяса. Я вдруг поняла, что не хочу никуда бежать. Мне хотелось и эту гору мяса с луком и острым соусом, и большие куски сёмги, осетрины и форели, и это ведро охлаждённой в горной Мане окрошки, и пьянящую реку полусухого вина.

Я вдруг поняла, что Лена не претендует на Марата и никогда не претендовала. Мне было немного стыдно за свои мысли и невысказанные претензии, за ревность и за то, что нечаянно обидела Андрея. Но ревность эта... качественная. Чтобы женщина не обидела его, не испортила жизнь, ценила то, что он может дать. Он, как и Андрей, отдавал, наполнял, признавал ошибки, потому что способен на поступки.

Я вдруг осознала, что Лена не во всём права – мы с адвокатом понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда, с полувздоха уже с первого вечера знакомства. Не нужно годами учиться понимать друг друга. Это приходит сразу, если человек – твой. Или не приходит совсем. Мы с Леной тоже всю жизнь общались обрывками фраз, взглядами, движением бровей... без слов.

И наш молчаливый разговор с Маратом никуда никогда уже не денется. Но ещё я поняла, что чего-то не хватило... что-то с Маратом мы не сделали, что-то, что превратит многоточие в запятую... научит идти по жизни не вместе, но рядом... Не хватало какого-то завершающего мазка... Я ещё не могла понять, какого именно.

Мне вдруг показалось, что в этот вечер ироничная Судьба уже смешивает краски, поглядывая на нас с предвкушающей улыбкой, выбирает яркие оттенки, размазывает острые углы, растушёвывает темноту пунцовым закатом, закрывает до поры последний штрих вуалью прохладного тумана. Но уже заискрились её весёлые глаза хрустальными вспышками

первых звёзд. И очень скоро она пойдёт по Млечному Пути вершить другие судьбы, предоставив нас самим себе.

– Спасибо... – прошептала я одними губами.

И вышла из машины с улыбкой. Хотелось смеяться, обнимать всех, набрать полную грудь воздуха и выпустить его с криком радости, обняв пылающее небо. Мне была непонятна случившаяся со мной перемена. Я посмотрела на Лену и рассмеялась. Она выглядела так трогательно, смущаясь неожиданной встречи и пока ещё не осознав, что всколыхнулось в её душе. А я уже знала. И взгляд у открытого окна мне тоже всё сказал.

Я подошла к Марату, застывшему у шатра. Он смотрел на меня во все глаза, непонимающе растягивая губы в неуверенной улыбке.

– Ты как, моя? Накачали тебя микстурами?

– Я не твоя, – у обняла бывшего мужа так крепко, как могла. – Но называй меня так всегда, ладно?

– Ладно, – Марат разжал мои объятия и, взяв за руку подвёл, к Андрею: – Обидишь... УБЬЮ... Лен! Как ты? Завтра...

Я уже не слушала, что будет завтра. У них теперь свои планы. Свои дела. Свой сын. И разные жизни. Им надо всё это уместить. Решить. Сделать правильно. Я прекрасно знала, что всё у них будет хорошо. Хоть и порознь. Потому что я верила в Марата. Никогда ещё я не верила Марату так, как теперь.

– Андрей...

Я смотрела в глаза адвокату. Прямо и спокойно. Я не собиралась просить прощения за то, что обнимала Марата. Я хотела сказать другое.

– Он дорог тебе. Я знаю. Ты не должна оправдываться...

– Я хочу сказать, почему он мне дорог.

– Ты ему дороже, поэтому он... Иди сюда.

Адвокат потянул меня за руку и, развернув к себе спиной, обнял. Я смотрела, как спокойно Марат о чём-то разговаривает с Леной. Откинула голову на плечо Андрея и нежилась в его тёплых объятиях.

– Ты не договорил, что он?.. Что Марат?

– Он сам скажет.

– Ты настоящий адвокат... Всё про всех знаешь и никому ничего не говоришь.

– А ты – моё глобальное потепление.

– Ага-ага...

Мне вдруг вспомнилась моя недописанная книга. «Внедорожная любовь». Вряд ли я допишу эту мелодраму. Она больше не отзывалась во мне... Мне больше не хотелось делиться с миром своими переживаниями, сомнениями и страхами. Мне стало нечего переосмысливать. Мне стали нужны настоящие объятия. Настоящие поцелуи. Настоящие отношения.

Я хотела просто жить. По-настоящему.

Эпилог

– Поджарила?!

Едва я подошла к стойке охраны, из комнаты отдыха с кружкой одуряюще пахнувшего кофе вышел Максим. Его взгляд, застывший на перевязанных пальцах, красноречиво выдавал чувства шефа.

– Нет, ногти выдрала.

– Зачем?.. Брр... Почему?.. То есть – как?!

– Тебя же приглашали на пикник. Был бы с нами – знал бы.

– Только меня там и не хватало!

– Был момент, когда очень не хватало.

Максим не шелохнулся, но я сразу поняла, что в нём включился «режим психолога». Казалось, он подобрался, как хищник, почуявший добычу, а его взгляд стал взглядом учёного, перед которым встала новая наиинтереснейшая задача. Я вздохнула: теперь не рассказать не получится – Максим будет ходить весь день с видом ребёнка, которому пообещали, но не дали мороженое. Его гибкий острый ум и высокий интеллект требовали сложных задач. Шеф любил быть в толпе. Ему хватало нескольких минут наблюдений, и он уже знал о человеке всё. Он читал людей не по слогам с букварём, как те, кто называл себя психологами, получив высшее образование. Максим выпивал человека зал-

пом со всем шлейфом застарелых проблем, резко встряхивал, взбалтывая и смешивая, как многокомпонентный аперитив для ума, порой добавлял кусочки льда, или разогревал на медленном огне, и мягко отсеивал всё, что мешало быть успешным и счастливым. Шеф был человеком, рядом с которым жить становилось легко и радостно. Я уже не могла представить себе мир, в котором нет Максима. Сиять внутренним светом начинали все, к чьей жизни он прикоснулся. Мне всегда казалось, что я – его любимая игрушка, у которой психологических трудностей столько, что не справиться даже ему. Но я ошибалась. Весь персонал «Напряжения» чувствовал себя так же. И никто не хотел лишиться этого ощущения. Максим наполнял здоровьем и радостью жизнь своих родителей. Он постоянно заставлял их чувствовать себя необходимыми и любимыми.

Он примирил меня с сестрой. Я вдруг поняла, что меня не отодвинули в сторону и ничего не лишили. Я всегда была в лучшей ситуации, чем Ольга. У них с Денисом трое детей и никого, кроме наших родителей, чтобы помочь многодетной семье. А у меня всегда был Марат. Я сама лишила себя его поддержки и наворотила себе кучу проблем. Моя жизнь стала налаживаться тогда, когда старшая дочь вернула его в нашу жизнь. Он всегда был рядом, просто я не знала об этом. Мама была против нашего развода. Из-за этого у нас разладились отношения. И эта ссора впиалась в сознание очень глубоко и не позволяла заводить серьёзные романы. Я

всегда чувствовала вину перед Маратом и детьми, но думать об этом себе запретила. И злилась на маму за частые напоминания и упрёки. И наказывала себя одиночеством.

Андрей и Максим стали подарками ироничной Судьбы. Но я не понимала – почему она развела нас с Маратом, когда всё вело нас друг к другу? Почему бывший муж не вмешивался в наши отношения, когда мог всё изменить ещё в тот вечер в кафе? Это и был тот последний мазок, который ещё не нанесла Судьба на картину нашей жизни. Тот самый штрих, который не стал запятой вместо многоточия...

– ...сама не знаю, почему стало вдруг легко и радостно. Сейчас я уже понимаю, что было бы лучше... и я не совсем не против, чтобы Лена и Марат были вместе. Но когда увидела, с каким интересом Виктор смотрит на неё, вдруг так стало хорошо на душе. Я эгоистка, да?

– Нет, – Максим покачал головой. Мы уже час сидели в его кабинете. – Подруга всегда была твоей точкой джи. Лена «болела» в тебе. Ты всегда знала, что они с Маратом вместе не будут. И твоя вспышка – не ревность, а злость. Разочарование. Страх, что одна боль, помноженная на другую, станут разрушительными для них. Марат ведь тоже твоя «боль»... Ты знаешь, а ведь у меня для тебя есть сюрприз!

Я сидела в кресле, скинув туфли и подогнув под себя ноги. Уже привыкла к непредсказуемости шефа и давно перестала бояться его сюрпризов. Максиму я верила безоговорочно, и посмотрела на него, приподняв бровь.

– Ты хочешь, наконец, открыть «великую тайну», обещанную уже давно?

Шеф широко улыбнулся.

– Два в одном... Я собираюсь уйти из «Напряжения».

От неожиданности я вскочила на ноги. Это невозможно! Максим – это и есть «Напряжение»!

– Нет! Максим! Без тебя нет «Напряжения»! Ты сошёл с ума?

– Оксана, – шеф встал и, положив руки мне на плечи, усадил назад в кресло, – я искал ненормального креативного руководителя...

– Спасибо, дорогой...

– ...чтобы сделать «Напряжение» чуть более женским. Когда Марат сказал, что его бывшая жена пишет эротику...

«М...Марат?..» – я не произнесла это вслух, потому что потеряла дар речи. Но по мелькнувшей улыбке Максима видела, что он понял.

– ...я нарушил первое правило – не брать на работу друзей, родственников, родственников друзей и друзей родственников. Но из меня все выют верёвки!..

– Из тебя надёжные верёвки получаются... – я отвечала на собственные мысли, унёсшиеся из этого кабинета в вагончик на участке, который купил Марат.

– ...Твои успехи в Москве меня впечатлили. С места – в карьеру ты нырнула просто головокружительно. И ты отличный руководитель. Но коль скоро ты станешь женой Ан-

дрея...

Кажется, я приоткрыла рот – предложения мне никто не делал. Да и слова провидицы с новой силой зазвучали в памяти.

– ...и членом нашей семьи, я хочу свесить на тебя «Напряжение».

Я с трудом понимала, что шеф имел в виду. Меня буквально захватили его слова «скоро станешь женой Андрея», ненадолго затмив вопросы о причастности Марата к...

– То есть – свесить женой?.. Я не могу! А... Марат?

Максим расхохотался, откинувшись на спинку кресла.

– Давай по-порядку. Свесить – значит назначить тебя генеральным директором. У тебя есть такой опыт. И ты сумасшедшая – то, что нужно для «Напряжения». Мы с тобой одной крови...

– Да, Каа...

– Молчи, бандерлог, когда тебя гипнотизируют! Второе, что значит – «не могу»? Это о чём?

– Я не могу замуж... Мне провидица сказала...

– Предсказание – тонкая материя. Никогда не знаешь, где у него точка отсчёта. А быть замужем – это самоощущение, а не штамп в паспорте.

Я выпрямилась. Максим прав. Он всегда прав. Я встала и, забыв обуться, босиком заметалась по кабинету. Меня забила нервная дрожь: так и есть – точка отсчёта! Всё перевернулось, когда мы пришли к провидице. Марат забыл о пред-

сказании уже по пути домой, и только я накручивала себя, пока не сбежала от себя... от боли, которой бы не было. Это я выстроила цепочку событий... и подарила мужу сына... Моя вина и есть то самоощущение замужества за Маратом... И несколько мужчин – Марат, Андрей и... Максим... но муж – один. Тонкая материя... «Привет, моя»... «Я не твоя... Но называй меня так всегда»... Моя рука, вложенная Маратом в ладонь Андрея...

Нонна права.

Я подскочила к Максиму со слезами и бросилась на шею.

– Ты – самый главный мужчина в моей жизни! Ты! До-тошный мелкий негодяй! Самая надёжная верёвка!

Сунув ноги в туфли, я выскочила из его кабинета и бегом бросилась к офису «Сэнсэя».

– Марат, как сам?

– Отлично, Макс. Когда уезжаешь?

– В октябре.

– Куда на этот раз?

– На Палау. Я слышал, там объявили год защиты акул. И у белауанцев¹⁷ удивительные семейные традиции – никогда точно не известно, кто чей отец и сын. Мне они весьма интересны с точки зрения антропологии, психологии и сексо-

¹⁷ БЕЛАУ – микронезийский народ, проживающий в Республике Палау. Нужно заметить, что сейчас этот народ чаще называют по имени государства – Палау. Другие встречающиеся названия – пелауанцы, белауанцы.

логии.

– Ясно. Андрей что-то планирует на выходные. Я получил приглашение с курьером.

Максим улыбнулся. Планирует. В пятницу Оксане можно будет снять повязки и надеть на палец кольцо. Неудачно она, конечно, с правой рукой расправилась. Но ничего, до свадьбы заживёт. А пока брат готовил невесте флэш-моб в своей танцевальной школе и решал, кому её передать.

– Ты бы поговорил с Андреем о Лене. Он ищет, кому спихнуть танцевальную студию. А Лена вроде бы танцевала когда-то.

– Но она не руководитель.

– А ей и не надо. У неё есть Оксана. Кстати, у тебя с минуты на минуту будет гость. Понесёшь покупать новые туфли.

– Думаешь, пора?

– Пора, Марат. Полине привет передавай.

– Забегай в гости.

Максим отложил айфон в сторону. Встал. Подошёл к окну и распахнул створки. В кабинет ворвался шум городской улицы. Мужчина загадочно улыбался. Ему нравилось окружать себя счастливыми людьми. Видеть, как распрямляются плечи, поднимается подбородок, начинают блестеть глаза. Он снова распутал тугий клубок, снял напряжение точек джи нескольких людей. Дорогих ему людей.

Остался последний мазок Судьбы.

Максим иронично улыбнулся и сощурился на солнце.

А все зовут его дотошным мелким негодяем.

Я бежала, удивляя прохожих и мысленно ругая городские власти за бесконечную брусчатку. Каблук попал между фигурными плитками и сломался. Я сбросила туфли и ворвалась в офис Марата босиком.

– Привет, моя.

Взгляд мужчины упал на мои ноги. Он чему-то улыбнулся. Достал из холодильника бутылку холодной «Боржоми» и протянул мне. Теперь улыбнулась я. Он помнил мою привычку пить, зайдя с улицы, и знал, что я люблю «Боржоми».

Я сразу вспомнила Андрея. Он отпаивал меня той ночью тоже этой минералкой.

Ирония Судьбы?..

Максим стоял у окна и смотрел сквозь поток машин и прохожих. Он видел, как вспыхнули глаза Оксаны, когда Марат протянул ей «Боржоми». И слышал её мысли, когда она вспомнила об Андрее.

Это ведь Марат пристрастил адвоката к этой минералке.

Никакой иронии Судьбы.

Всего лишь цепочка мелочей. Звено за звеном... Мазок за мазком...

Максим пожал плечами.

– Ну подумаешь... дотошный. Зато наверняка.

– Марат... Я не знаю, что сказать...

– Сбежала с работы?..

Я махнула рукой. Это было, конечно, нагло и непрофессионально, но что-то подсказывало, что Максим и не ждал сегодня от меня рабочих подвигов.

– ...Придётся купить тебе туфли. Иди ко мне на ручки.

Марат подхватил меня и вышел из офиса. Обувной магазин расположился в этом же здании. А чуть дальше было недорогое кафе «Заноза» – в нём всегда обедали Марат и Андрей и сотрудники прокуратуры, расположившейся за углом.

Я сидела на банкетке и вытирала ноги влажными салфетками, пока бывший муж разглядывал сотню пар туфель.

– Чёрные, на невысоком каблуке, с ремешком?

– Да, давай.

Марат принёс четыре пары подходящих и присел на корточки напротив. Я померила все, выбрала удобные и застегнула ремешки.

– Так о чём ты не знаешь, что сказать?

– Почему ты подсунул мне Максима и дал Андрею меня увести? Ведь ты мог...

– Не мог.

Я смотрела на мужа во все глаза. Он смотрел на меня с той самой улыбкой и внутренним светом во взгляде, что появляются, когда человек хочет поделиться своим счастьем.

С той улыбкой, что я видела у Лены в глазах у фельдшерского пункта. С той улыбкой, что мелькнула на губах Ламина Виктора при взгляде на подругу.

У меня перехватило дух. Я схватила Марата за голову и прижалась лбом к его лбу. Наши губы были так близко... я чувствовала его дыхание с нотками недавно выпитого кофе. Такой знакомый родной аромат моего бывшего мужчины.

– Давно?

– Почти год.

– Любишь её?

– Мы пьём по вечерам чай и болтаем обо всём на свете.

– Ты никогда не умел ждать. Не дотерпел до пенсии.

Я улыбнулась. Марат легко коснулся моих губ лёгким поцелуем и ответил:

– Я научился ждать. Ты ещё не поняла?

Я поняла.

Чего уж тут не понять?

Максим улыбнулся. Захлопнул створку окна.

Последний мазок лёг легко и очень правильно. Последний штрих нанесён тогда, когда ему пришло время.

Только так завершаются шедевры.

Вовремя.

Когда их готовы принять.

Из магазина мы зашли в кафе. Я позвонила Андрею и,

пока ждала его, Марат составил мне компанию. Мы говорили о Лене и Данилке. Я с удовольствием узнала, что подруга не стала ограничивать общение отца и сына. Я боялась загадывать, но мне казалось, что у Лены всё сложится с Виктором. А он живёт в Усть-Мане, там же, где строил дом Марат. Моё сердце билось очень часто. Я уже представляла, как мальчишка приходит в гости к отцу, когда ему захочется и на сколько захочется. Или в гости к маме... Не сразу. Марату ещё предстоит привыкнуть к сыну, а Данилу – полюбить отца. Но малышу повезло. Не только обрести лучшего папу на свете, но и друзей – Марат не собирался жить в гордом одиночестве, и дом строил большой, чтобы внукам было где разгуляться. Чтобы в нём было место нашим дочерям.

Адвокат появился через полчаса. Марат поздоровался с другом и партнёром по бизнесу и ушёл, пообещав познакомиться меня с неведомой Полиной очень скоро. Женщина оказалась прокурором и найти время для знакомства прямо сейчас у неё возможности не было. Да и я ещё к такой встрече была не готова. У меня было дело поважнее.

– Ты вся сияешь. Что случилось хорошего?

Адвокат сел напротив и взял мои ладошки в свои руки.

– Андрей...

– Да, моя?

Я недоумённо распахнула глаза и засмеялась.

– Что ты знаешь про тонкие материи?..

Андрей вопросительно поднял бровь. И я поняла, что в

глобальный заговор Судьбы и Марата он не замешан.

– Что-то мне подсказывает, мы не о тканях рассуждаем?

– Андрей... Женись на мне?

Максим рассмеялся. Такого он не ожидал. Но это даже к лучшему.

– Ну подумаешь... немножко негодяй...

Мужчина нажал отбой входящего вызова на айфоне.

Удачно получилось, что последний принятый номер на смартфоне Оксаны оказался номером шефа.

Иногда тесные карманы джинсов вступают в сговор с телефонами и звонят, когда их не просят.

Мне показалось, я услышала знакомый смех. Адвокат изменился в лице. Он отпрянул, выпустив мои руки. Его взгляд потемнел, лицо, казалось вытянулось. Меня это испугало. Я не ожидала, что...

– Зачем ты это сделала, Оксана?.. Ну почему надо всё испортить?.. Ну что ты за женщина такая? Совершенно ненормальная!..

На глаза накатили слёзы. Я прищурилась, чтобы сдержать их, и проглотила подступивший к горлу комок. Мне хотелось встать и выбежать. Андрей вдруг подался вперёд и снова сжал мои ладони.

– ...Это были мои слова. Это я хотел сказать тебе в субботу. А ты... Я согласен. Люблю тебя, моя Оксана.

Я расплакалась.

Ну разве можно так пугать?

Максим сел за стол и взял папку с документами. После возвращения с Палау он собирался открыть психодетективное агентство «Сим-сим». А чем он не Шерлок Холмс? Или не Ниро Вульф? Или не доктор Хаус?

Мужчина уже знал, как совместить расследование преступлений и психологическую практику, не выходя из кабинета. Это был вызов самому себе. Острый ум и высокий интеллект требовали неразрешимых задач.

– И никакой не мелкий... Вы ещё обо мне услышите... Вот только слетаю на Палау... Должна же там найтись хоть одна Паула?.. Палау – Паула... Точно одна найдётся... Найдю – женюсь.

Максим вышел из кабинета и неспешным шагом прошёл мимо стеклянных стен кабинетов. Вышел на улицу.

Люди не обращали внимания на молодого мужчину в солнцезащитных очках, бредущего куда глядят глаза и погружённого в свои мысли. На его губах блуждала предвкушающая улыбка.

А Судьба уже нанесла на чистый холст масло и смешала оттенки синего.